

Геннадий Демарёв

Жизнь как она есть

(сборник рассказов)

Ветер

Если бы у Анатолия Матюхи спросили, как и зачем он прожил жизнь, он, пожалуй, не нашёлся бы с ответом. Конечно, к своим шестидесяти восьми годам он повидал немало: и на Севере поработал, и в заготовительной конторе (ещё при Советах), и женщины у него были... Да и сейчас, невзирая на довольно преклонный возраст, занимается пасекой, всегда в движении, в работе...

В эту ночь он не мог уснуть. Может, из-за сильного юго-восточного ветра, который дул в течение суток, а может, из-за чего-то другого. Вообще-то, на сон он никогда не жаловался. Раньше, когда чувствовал себя помоложе, он мог подолгу работать, потом «хорошо посидеть» с приятелями, после чего, как ни в чём не бывало, снова впрягаться в работу. И ничего — спал после этого, как суслик, никогда не отмечая ни болей в спине, ни проблем с давлением. Но вот прошло уже лет десять с тех пор, как друзья «закончились», огороды он обрабатывает мотоблоком, излишне не напрягаясь; он практически не устаёт, ведя размеренную жизнь.

Но последняя ночь утомила его так, как не утомлял в былые годы и физический труд. Память возрождала какие-то образы, в уме всплывали какие-то цифры, терзая не только сердце, но почему-то и совесть. И лишь под утро, когда на востоке появились первые признаки рассвета, эти образы приобрели более-менее чёткие очертания. Это были женщины и дети.

Первая жена отличалась примечательной красотой. С её образа можно было бы написать портрет пушкинской Татьяны. Да её так и звали. Светло-русые пышные волосы, серо-голубые глаза, красивая фигурка. Она родила Анатолию двух сыновей, любила его улыбку, которая в те времена загадочно пряталась в пышных, встопорщенных усах. Он надумал ехать на Север «за длинным рублём» — она последовала за ним; ему захотелось купить машину — она, стремясь ему помочь, наодалживалась у родственников и подруг столько, что и за год не расплатиться.

— Какая у меня хорошая жена! — любил прихвастнуть Матюха в компании друзей.

Чего греха таить, он гордился Татьяной. Но, в то же время, где-то в глубине существа он осознавал, что она не только умнее и практичнее, чем он, но и совестливее, с более правильными установками в жизни. Вернувшись с Севера, он хотел истратить деньги на капитальный ремонт

дома, на покупку забора из кованого металла — на зависть соседям. Но жена сказала:

— Ерунда всё это. К чему нам показуха? Давай-ка лучше купим пасеку и ещё один дом где-то на окраине городка. Там будем держать ульи, чтобы пчёлы не досаждали народу.

И как ему самому не пришла в голову такая мысль? Ведь по образованию он — пчеловод.

С каждым годом он всё более осознавал, что Татьяна превосходит его по всем параметрам. По сему поводу он не единожды испытывал угрызения самолюбия. Ему начало казаться, будто она взирает на него свысока и даже по ночам как будто воспринимает его не так, как раньше. «У неё кто-то есть, и этот человек лучше, чем я», — сделал умозаключение Анатолий. Оно подкрепилось в самое ближайшее время, когда жена, однажды придя с работы, сказала:

— Толя, ты знаешь, есть новость. Меня «сватают» на должность начальника паспортного отдела!

Он и забыл, что она по образованию юрист... Созерцая её довольное, излучающее невыразимую радость лицо, Толя подумал: «Конечно, это ей любовник предложил такую работу! Да и как иначе устроиться на такое местечко?»

В итоге последовал развод. На прощанье он избил жену, как сидорову козу, вложив в последние

удары всё своё бессилие, всю подозрительность, весь осадок. Татьяна ушла, даже не захватив личных вещей. В течение года она жила в общежитии, потом начальство предоставило ей двухкомнатную квартиру. В то же время ей подвернулся порядочный человек, который её любил и стал хорошим отцом для сыновей Матюхи.

«Ишь ты, — завистливо думал Анатолий, выслушивая чьи-то рассказы о судьбе бывшей жены. — А мне казалось, что с двумя детьми она никому не нужна. Наверное, ублажает мужика хорошо...»

В течение нескольких лет он жил один, хозяйничая на двух участках и пасеке. Кроме того, он устроился скупщиком в заготконтору. Работа не пыльная, да и барыши приносила немалые. Без зазрения совести он обманывал крестьян, сбивая цены, обвешивал, давал в долг под большие проценты. Кроме того, он умудрялся сдавать и собственный мёд по цене, превышающей закупочную. Но за несколько лет он сумел приобрести только старенькую лошадёнку, которая ела больше, чем работала. Машина, приобретённая когда-то, из-за отсутствия заботливых рук пришла в негодность, и теперь её корпус, покрытый обильной ржавчиной, покоился за сараем.

— Ворочать такими деньжищами и ничего не покупать для себя? — удивлялись соседи, которые

всегда всё видят. — Куда же он деньги деваает?!»

У Матюхи было немало женщин. И одноразовых (в знак благодарности за закупку овощей), и более близких. В жилом доме Анатолия ввиду отсутствия женских рук царил вечный кавардак: горы грязной посуды, ржавый умывальник, наполненный хламом, по всем углам кучи старых телевизоров, которые он в свободное время ремонтировал знакомым, прочный и нестираемый слой пыли на мебели и на полу... Иногда он приводил в эти условия женщин. Но как только те наводили порядок и перестирывали его тряпки, он немедленно спроваживал их вон. Мысль о том, чтобы связать жизнь с новой женой только отпугивала Анатолия. «Хотят прийти на всё готовое, — рассуждал он. — А впоследствии приберут к рукам всё моё добро...»

Другой дом он превратил в сарай, складывая там старые ульи и прочий хлам.

На пятом году одиночества нашлась некая Светлана из захудалой деревушки. Она отличалась простотой, какой-то почти детской наивностью и молодостью. За три года до того в её жизни случилась травма. Сразу после свадьбы её мужа призвали в армию, откуда он не захотел возвращаться. Там он нашёл другую женщину, женился...

В Анатолии Светлану привлекали серьёзный

вид, хозяйственность, возраст (она была моложе лет на пятнадцать), а его в ней — наивность и бескорыстие. Она переехала к нему и... превратилась в рабочую лошадку. Большая часть сельскохозяйственных работ, как и домашние хлопоты, легли целиком на её плечи. А Толя, тем временем, разъезжал по району, закупал овощи, мясо и шкуры, весело проводил время и иногда выделял деньги для супруги на самое необходимое.

Светлана была доброй женщиной. Всем соседям она сразу пришлась по сердцу. Они стремились к ней, делились своими проблемами и радостями, в то время, как общения с самим Матюхой избегали. Это обстоятельство сразу бросилось в глаза Анатолию. Он стал сторониться жены. Его отношение к ней не изменилось даже после того, как она призналась, что беременна. Отношения натягивались, как тетива лука, с каждым днём, и эта тенденция усугублялась скупостью мужа. Он запрещал ей покупать для себя нижнее бельё, лишние продукты, принимать гостей. Он ревновал её ко всем встречным и постоянно укорял в мотовстве.

К шестому месяцу беременности женщина не выдержала и ушла. Единственное, что беспокоило Анатолия в тот момент, заключалось в вопросе: «Ты не собираешься компенсировать мне всё, что я на тебя истратил?»

В своём понимании он казался едва ли не небесным благодетелем для этой необразованной крестьянки из глухого села. Он же закончил техникум!.. Он вытащил её в город, научил правильно работать, дарил ей ночи... И ему даже на ум не приходило, что к своим 20 годам Светлана с отличием закончила медучилище, имела диплом медсестры, умела трудиться и без его наставлений, а ночи с Матюхой для неё значили не так уж много после дневных перегрузок физическим трудом. До связи с ним она нигде не работала лишь потому, что в деревне работы не было, а добираться ежедневно в районный центр было слишком неудобно, учитывая удалённость её деревни.

Светлана уехала, оставив полный шкаф вещей, которые муж отказался отдать.

Спустя три месяца она родила сына Вадима; ещё через год в селе открылся медпункт, где ей и предложили работу.

Тем временем Анатолий снова зажил холостяцкой жизнью. К тому времени ему исполнилось сорок лет. Молодые женщины на него уже не обращали внимания, а более зрелых его обвисшие усы не интересовали. Он работал в одиночестве, как и хозяйничал, и спал. Как раз произошёл распад Союза, что привело к самоликвидации заготконтор, обесценились деньги. Это повлекло обнищание многих людей. Особенно

болезненно это отразилось на Матюхе, у которого на счёту банка «Украина» находились около шестидесяти тысяч рублей. Банк канул в Лету вместе с деньгами вкладчиков. Года два после этого Матюха ходил с таким видом, словно придавили чем-то тяжёлым.

Пытаясь исправить положение, он трудился на пасеке, продавал мёд, выращивал свиней. Но сельскохозяйственная продукция далеко не всегда и не везде в цене, потому зачастую получалось, что прибыль едва компенсировала затраты. Мёд почему-то портился. Выбрасывать его было жалко, потому он перерабатывал его на водку.

В доме Анатолия снова воцарился беспорядок. Нужна была хозяйка — бескорыстная, глупее его, трудолюбивая. Где такую найти? Но Матюха нашёл. Её звали Людмилой. У неё была маленькая дочь, которую новоиспечённый муж потребовал оставить на попечение родителей жены.

— Ещё не хватало, чтобы я кормил чужих выплодков! — возмущался он.

Людмила провела в доме Анатолия десять лет. За эти годы тяжёлый труд превратил её в старуху. Она чрезвычайно поглупела. Чего греха таить, труд может не только облагораживать, но и влиять на рассудок...

Но даже эта неприхотливая женщина, не блистающая ни красотой, ни умом, ни вкусов, ни

амбициями, однажды ушла от него. Сказав, что уезжает в столицу на заработки, она больше не вернулась. Даже вещи оставила.

С тех пор Анатолий живёт в полном одиночестве. Теперь он не занимается большими огородами, поскольку сил не хватает. Он больше не занимается и ростовщицеством, поскольку для этого нет капитала. Он сократил объём пасеки, потому что не сумел уберечь её от вредителей. Он продал лошадку и вместо неё приобрёл мотоблок.

Как-то к нему приехал сын, нажитый со Светланой. Взрослый человек сразу обратил внимание на «радушие» отца — на столе красовались блюда, при более тщательном знакомстве с которыми оказалось, что кушать-то нечего. Куриный холодец был приготовлен из самих лап, заливным толстолобиком отец назвал головы, совершенно лишённые мяса, салатом — порезанные солёные огурцы, водкой — пойло, изготовленное из прокисшего мёда. На прощанье папа, увидевший его впервые в жизни, предложил:

— Ну, ты заезжай, если что... Поможешь...

Недавно Анатолий отметил свой шестьдесят восьмой день рождения. Что он имеет? Ни денег, ни уважения со стороны окружающих, ни доброй памяти по себе в чьих-либо сердцах. Он совершенно одинок. И женщины, встречавшиеся в его жизни, оказались обманом. Вполне возможно,

что в разладе отношений с ними содержалась и его вина. Но сейчас слишком поздно вспоминать об этом, и тем более, что-либо исправить.

Почему-то вспомнилась улыбка Маши. Этой женщине перевалило за шестьдесят, но до сих пор она сохранила миловидность и добродушие. А её улыбка всегда излучает нежность и... некий призыв. Показалось ему или нет?

Впервые Матюха задумался об этом ещё ночью, но тогда мысли ушли в иное русло. А сейчас вот перед внутренним взором снова проявился Машин образ. Он знал её с детства, она привлекала его ещё в молодости. Но тогда она казалась слишком маленькой и чересчур общительной. Но потом, по истечении многих лет, когда она успела похоронить мужа и превратилась в бабушку, при встречах она одаривала его улыбкой. Эх, Марья Васильевна!.. Что в твоей улыбке — неужели намёк?.. А что было бы, если бы он связал свою жизнь с самого начала с этой милой женщиной?

Эта мысль не давала Анатолию покоя до самого обеда. Наконец он не выдержал.

— А чего стесняться? — спросил он себя. — Мы же не молодые, стыдиться-то нечего...

Приодевшись, он вышел из дому и направился в другой конец улочки, где находился Машин дом.

Дверь открыла младшая из её внучек — смешливая девочка лет тринадцати.

— Бабулька, это к тебе! — крикнула она, обращая взор в сторону кухни. Там что-то затарахтело, упало, и в следующий момент перед глазами Анатолия появилась она. Её руки были перепачканы тестом, но глаза и уста, как всегда, излучали добродушие.

— Анатолий Ильич, вы?! — удивилась она.

— Простите, Марья Васильевна... — замялся он.

Уловив посредством интуиции, что причина, которая привела его к этому дому, несомненно важная, она пригласила его войти.

— Нет, что вы...

— А мы тут с девочками пироги готовим...

Он решился.

— Марья Васильевна, мы с вами уже давно не маленькие... Словом...

Она терпеливо ждала, глядя на него с любопытством и, как будто, призывом. Есть женщины, умеющие смотреть именно так, как и чувствовать, что надо ждать.

— Я слушаю, Толя...

«Толя... Как мило это звучит из её уст!» Старческая, морщинистая кожа на его лице покрылась едва заметным румянцем, как в пятнадцать лет.

— Маша, мы знакомы давно, Я хотел спросить...

— Ну же, Толя! У меня тесто...

— Извини...те... Просто я, видя вашу улыбку...

Женщина опустила взор. Природа ей подсказывала, когда его следует опустить.

— И вот я подумал: а если бы я когда-то попытался... Если бы между нами... Если бы мы поженились... Вы могли бы жить со мной?

— Толя, конечно же! Вы очень хороший, умный... Я была бы вам верной супругой. И со мной вы бы не превратились в бирюка, а до сих пор радовались жизни.

Она произносила эти слова мягко и просто, бесхитростно и честно. Её пышный бюст заманчиво колыхался в такт дыханию. Анатолий, не помня себя, воскликнул:

— Маша, а если бы сейчас?..

Она улыбнулась с непередаваемой печалью в глазах.

— Сейчас, когда нам почти по семьдесят лет? Нет, Толя... Потому что рассаду не высаживают зимой... Нет, нет... Извините, у меня там тесто...

С этими словами она одарила его прощальной улыбкой и скрылась за дверью. Постояв на месте ещё минуту или две, он услышал звонкий девичий смех. «Это, наверное, надо мной смеются,» — решил он и быстрым шагом направился домой. По пути в его сознании всё навязчивее пульсировала

мысль: «А ведь всё могло сложиться по-другому!»

Придя домой, он налил полный стакан водки, выпил и, не закусывая, закурил. «Всё могло быть иначе, — снова подумал он. — У меня могла быть хорошая жена, любимые и желанные дети. И они сейчас приезжали бы к нам... И мы вместе с Машей готовили бы для них пироги...»

Он снова выпил. «Я никому не нужен, я прожил ничтожную жизнь, — продолжал рассуждать он. — Причина моих неудач во мне самом. Следует это искоренить, как искореняют сорняки...»

С этой мыслью он извлёк из-под стола верёвку, закрепил её на потолке, сделал петлю. Выпив ещё полстакана и несколько раз затянувшись дешёвой сигаретой, он надел петлю на свою тонкую шею и оттолкнул табурет. Его щедрое тело извивалось в борьбе за жизнь совсем недолго, всего минуту.

... В течение следующей ночи снова дул крепкий ветер. На следующее утро в дверь постучались. Под легкими ударами женских пальцев она открылась сама собой.

— Ау, Анатолий Иванович! — окликнула женщина, проходя в прихожую. — А я вам пирожков принесла... Толя, где же вы? Мои девочки не против, чтобы вы стали для них дедушкой...

Но в комнате царил запах смерти и тлена...

Виорика

1

Макс проснулся в холодном поту. Его снова мучил кошмар. Как иначе назвать постоянно повторяющийся сон, во время которого человек видит себя в опасности? Его преследовали, выкрикивая угрозы; к нему тянулись длинные костлявые руки, стремясь схватить за ноги; его догоняли, валили наземь, над ним угрожающе склонялись десятки лиц... Точнее, черепов с пустыми глазницами...

Он пытался сопротивляться, вырваться, бежать, но тело оставалось неподвижным, подчиняясь чьей-то могущественной воле, какому-то всевластному сатанинскому приказу. К его горлу тянутся чьи-то пальцы, сжимают его мёртвой хваткой. Он не в силах даже закричать, но в последний миг находит в себе силы проснуться с криком:

— Виорика!!!

Сон, каким бы он не казался страшным, можно было бы с презрением отбросить куда-нибудь подальше от чердака, называемого памятью... если бы он не являлся частью

реальности. Как и Виорика.

Вытирая чело от липкого пота, Макс пытался привести в порядок свои мысли. Нет, этого не может быть!..

2

Если наблюдать закат с обрывистых берегов Днестра, он кажется очень красивым. Могучая река катит свои мутные и бурные воды в течение многих тысяч лет, но в истории, пожалуй, ещё не было поколения, которое не любовалось бы этими закатами. Не только закаты, но и восходы солнца здесь необычайно красивы, как и сама река, деревья, берега, и даже ласточки, вылетающие из-под этих берегов яркими стрелами. Их здесь миллионы, десятки миллионов — столько же, сколько норок в обрывах, где эти птицы гнездятся.

Дивный край с удивительной природой, дикими легендами и непредсказуемым будущим. Серёга и Макс, аспиранты из столичного вуза, не зря попросились сюда. Кроме того, у Сергея здесь проживала родня в особе бабушки. Что касается Максима, ему было все равно, куда ехать, лишь бы поскорее сдать работу по геологии Приднестровья и приступить к написанию диссертации. Иначе что делать двум молодым парням в месте, которое отстоит от ближайшей деревушки на десять

километров?

В тот памятный вечер Серёга намеревался пойти к бабушке. Он ещё приглашал Макса, но тот отказался, — то ли под влиянием очарования вечера, то ли хотел остаться наедине с собой, чтобы закончить работу при свете фонаря. Так или иначе, Макс вздохнул с облегчением, когда остался в полном одиночестве.

Умилённым взглядом он проводил солнышко, уловив тот момент, когда нижний край диска спрятался за линией горизонта; потом засел за работу, периодически подбрасывая в костёр хрупкие ветки. Палатка, словно дожидаясь его, радушно раскрывала вход. Мирно светили звёзды, вот-вот взойдёт Луна. Долго чирикали сверчки, убаюкивая и внушая спокойствие. Часа в два, наконец, закончив последний абзац, Максим решил поддаться влиянию Гипноса и полез в палатку. Однако по какой-то причине он не мог уснуть около часа, перебирая в уме основные моменты только что законченной работы. Потом его мысли устремились в ином направлении. Он вспомнил свою недавнюю любовь, которая, как это часто случается в юности, ушла столь же внезапно, как и пришла. Её звали Наташей. С этой русоволосой девушкой было интересно... поначалу. А потом она начала претендовать на его личное время — на те моменты, когда утончённая творческая натура

стремится побыть в полном одиночестве. Эгоистка...

Максим отключился часа в три, если не позже. Но едва его сознание погрузилось в пелену сна, ему показалось, будто земля под его телом задрожала. Послышался отдалённый грохот. «Что это?» — удивился он, но тотчас же забылся в крепком сне.

Когда он проснулся, солнце уже взошло. Жаль, потому что он любил встречать рассвет. Но ушедшего не вернуть. Потому, вздохнув, Макс раздул костёр и поставил чайник. Вскоре вода закипела и от палатки распространился аромат кофе. Сделав бутерброд, Макс начал скромный студенческий завтрак. В палатке находилось немало еды — тушёнка, консервы из рыбы, какие-то салаты, — но парень не хотел загружать желудок с самого утра. Он вообще не привык завтракать в полном смысле слова, потому что наполненный желудок мешает работе мысли.

Утренние птички, которых так любил слушать Макс, к этому времени отчирикали положенное и, оставив в окрестностях палатки гробовую тишину, улетели искать пропитание. Без их звуков было скучно, потому молодой человек включил мобильный телефон, в котором содержалось немало музыки.

Как раз звучала «История любви» Поля Мориа, когда Макс услышал сзади неясный шорох.

Оглянувшись, он увидел незнакомую девушку. Откуда в этих местах могла появиться девушка, да ещё в одиночестве? Но в тот момент его взволновало не это, а то, что её наряд показался странным.

Конечно, ему приходилось в студенческие годы участвовать в конкурсах художественной самодеятельности, поэтому с народными костюмами он был знаком. Они были сшиты из атласа, который всякий раз приходилось проглаживать. Это надоедало... Но девушка была одета в костюм из более жёсткой ткани. Кроме того, украшения, принятые в женских кругах, на её груди выглядели... естественно. Не так, как у студенток или артисток, которые цепляют на себя всё, что могут. На девушке были бусы особенные, предназначенные именно для праздника. И обувь... не такая, какую привык видеть Макс. Лишь после этого секундного размышления ему в голову пришёл вопрос: «Откуда она взялась?»

Она поздоровалась первой:

— Здоровенькі булы!

Ему следовало ещё в ту минуту обратить внимание на необычность приветствия. В наших краях так никто не здоровается.оборот устарел! Но Макс, едва взглянув в глаза девушки, был ошеломлён её красотой: линии лица были правильны, как из-под кисти художника-романтика,

фигурка, ножки, руки, — словно выточенные знаменитым ваятелем, поражали и привлекали к себе. Макс заметил, что под расшитой замысловатыми узорами сорочкой отсутствует бюстгальтер. «Странно!» — мысленно усмехнулся он.

Впрочем, в этой глуши, располагающейся между Могилёв-Подольским и Ямполем, можно встретить что угодно...

— Привет, красавица! — воскликнул он, но тотчас же счёл необходимым исправиться: — Доброго дня!

— Я також люблю, коли грають музики, — произнесла она нежным голоском.

Подобной красоты ему не приходилось встречать нигде и никогда. Даже на картинах знаменитостей европейского масштаба. Он смотрел на незнакомку, будучи не в силах оторвать взор от её глаз, не замечая вокруг ничего. Наконец, ему пришло в голову, что она может быть голодна.

— Дозвольте, пані, пригостити вас кавою? — спросил он дрожащим голосом.

— Кавою? — почему-то удивилась она. — А що то таке?

«Она шутит! — встрепнулся Макс.

— Це напій такий. Мені смачно. Відчуваєте, як пахне?

— Та пахтить добре, а чи його приємно їсти?

— Їсти?! Та ні, каву треба пити.

Максу на миг показалося, будто девица подшучивает над ним. Он уже хотел произнести какую-нибудь колкость, характерную для подобных случаев, но снова заглянув в те чудесные лаза, заставил себя поверить в её неведение. Он постарался намешать в чашку побольше сахара, и не ошибся. Кофе очень понравился новой знакомой. Правда, она каким-то странным взглядом рассматривала пластмассовую чашку, но в тот момент он не придавал этому значения.

— Я — Макс... Максим. А вас як величати? — поинтересовался он.

— А я — Віоріка, — ответила девушка, застенчиво опуская взор.

— Віоріка? Дивне ім'я... Але напрочуд гарне...

От этих слов личико девушки покрылось румянцем.

Этот румянец тоже мог показаться странным, необычным, поскольку современные девицы принимают похвалы как должное.

— А хто ви, чим займаєтесь в наших краях? — поинтересовалась она.

— Я? Я — геолог. Вивчаю природу вашого краю, — невозмутимо ответил он, любуясь её глазами.

Потом они отправились, по её настоянию, в

деревню. С её слов, поселение, в котором она жила, было небольшим. Почему-то девушка настояла, чтобы он никому из встречаемых не отвечал даже на приветствия, особенно на вопросы. Ему всякий раз становилось неловко, когда люди с ним здоровались, а он не мог себе позволить ответить тем же.

3

Знакомство с родителями — ритуал довольно ответственный. Такое представление об этом отпечаталось в подсознании Макса ещё с юношеских лет. Однако родители Виорики встретили его вполне гостеприимно, словно были готовы к этому. Его угощали неизвестными блюдами, заглядывали в глаза, словно пытаясь угадать все его желания. И, главное, задержать в доме. Отец, человек крепкого сложения, пытался увлечь его рассказами о былых приключениях, а мать, молдаванка, напевала древние дойны.

После завтрака Виорика предложила ему прогуляться. Она вывела его за пределы деревушки. Там он ей и объяснился. А что удивительного? Перед этой красавицей устоять было невозможно. Складывалось впечатление, будто она создана специально для него, а он — для неё.

Вкус её губ до сих пор ощущался на устах

Макса. Они пахли утренней земляникой.

Он ещё в тот день обратил внимание на полное отсутствие в посёлке проводов, столбов, и вообще электроэнергии, но не придал этому значения. Как и тому, что родители Виорика долго рассматривали его мобильник, из которого играла музыка.

Они соединились в порыве любви. Виорика была неповторимой в своей диковатой невинности и искренности.

Он предлагал ей выйти за него замуж, на что она ответила согласием. Есть на свете женщины, при виде которых мужчина не желает задумываться ни о чём... В отличие от многих его бывших пассий, она не выразила испуга, когда его тело исторгло то, что должно исторгать в процессе любовного акта.

После обеда он обратил внимание на то, что родители девушки начали обращать внимание на часы — старинные часы с маятником, висевшие на стене.

— Скоро, скоро... — прошептал отец.

При этих словах мать, женщина довольно затурканная и согбенная, горестно вздохнула.

К шести часам вечера на центральной площади намечались танцы. Виорика тщательно готовилась к ним. Она принарядилась, как и подобало девушке её возраста, только в её облике

появилось нечто особенное, вследствие чего создавалось впечатление, будто ожидается ответственный магический акт.

И эти взгляды на стенные часы... Они поневоле обращали на себя внимание. Макс спросил у невесты об этом, на что она ответила нечто неопределённое. Он мысленно пытался сопоставить реальность с тем, что ему пришлось увидеть в течение дня: одежда из настоящего сукна, вареники с маком в сметане, отсутствие в деревне проводов, странная речь... Это вкушало подозрение, но оно было столь же неопределённым, как и ответы Виорики.

Играла музыка, которой Макс никогда в своей жизни не слыхивал. На площади танцевали около двухсот людей, — танцевали совсем не так, как он привык видеть.

Часам к одиннадцати вечера он обратил внимание на всеобщую напряжённость. Люди не столько веселились, сколько посматривали на часы, вмонтированные в старую башню. Да и смеялись они как-то вынужденно, деланно... Даже Виорика. На его вопросы она отвечала сдержанно и кратко.

Когда пробило одиннадцать, публика издала нечто вроде вздоха. В эту минуту Виорика шепнула ему в ухо:

— Пойдём отсюда!

Он подчинился. Её голос был таким влекущим

и завораживающим!..

— Куда мы идём? — спросил он, забыв, что говорит по-русски.

Но это, казалось, нисколько не озадачило девушку. Она взяла его за руку и, как ребёнка, увлекла в неизвестность, подальше от людей.

Ему представилось, что она снова хочет близости, потому охотно поддался этой игре. Но Виорика уводила его всё дальше и дальше, преодолевая овраги и кустарники.

— Мы уходим из деревни? — в недоумении спросил Макс.

— Да, милый, — почти шёпотом ответила она.

Вдруг под ногами почувствовалось лёгкое сотрясение. Девушка заметно вздрогнула.

— Скорее, скорее! — говорила она, увлекая его всё дальше и дальше.

Спустя минут пять она остановилась.

— Я не успею, дорогой, — с отчаяньем воскликнула Виорика. — Ты должен бежать сам.

— Куда бежать? Виорика, объясни, в чём дело! — недоумевал он.

Но она не отвечала.

— Беги! Беги так, милый, как ещё никогда не бегал! — почти кричала она. — Беги, иначе тебе придётся остаться здесь навсегда.

Он улыбнулся.

— Но мне бы хотелось остаться с тобой! В

гробу я видал диссертацию и научную работу!

— Нельзя так говорить, нельзя! — вскричала она. — Всё, я возвращаюсь...

Он растерялся.

— А как же мы? Как же наша любовь?!

— Не могу, Максим, — с горестью ответила она.

— Тебе страшно возвращаться к родителям? Они тебе запретили общаться со мной? В таком случае, пойдём со мной!

— Ты не понимаешь... Я не могу идти с тобой, не могу! Нельзя мне!

В эту минуту часы начали бить полночь.

— Всё, милый. В иное время у нас было бы всё хорошо, но... Время сильнее.

В её голосе сквозило неподдельное сожаление.

Часы неумолимо отвешивали удар за ударом.

— Всё, — промолвила она, целуя его в губы.

Вдруг земля под ногами задрожала, воздух наполнился напряжением и грохотом; перед глазами у Макса всё поплыло и он, теряя сознание, в последний момент увидел, как Виорика отдаляется от него...

4

Утром Сергей обнаружил его у палатки. У

Макса был такой вид, как будто ему пришлось пешком преодолеть километров сто — одежда изорвана, в болоте, глаза беспорядочно бегали в разные стороны. На все вопросы он отвечал только одним словом:

— Виорика!

Друг отвёл его к бабушке. Та, слушая бред, который нёс неожиданный гость, сделала свои выводы. Перед тем, как отправить внука на машине «скорой помощи» в город, она сказала:

— Они не отпустят твоего друга.

— Кто не отпустит? — спросил тот.

— Они...

— Кто «они»?

Старушка замялась, но объяснила:

— Проклятые.

Сергей не отличался суеверной покорностью, потому начал расспрашивать. После долгих колебаний бабушка сказала:

— Лет четыреста тому назад в наших местах находилась деревня. Однажды она ушла под землю. Ушла вместе с заброшенным храмом и башней с часами.

— Деревня? Бабуля, согласно нашим данным, никаких разломов или провалов почвы здесь не может быть! — тоном профессионала возмутился Сергей.

— Много вы знаете, геологи... — скептически

произнесла старуха. — Возомнили о себе, понимаешь... Эта деревня появляется на поверхности земли каждые двадцать лет.

Внук задумался.

— Хорошо, бабушка, пусть будет по-твоему, — согласился он ради того, чтобы не спорить с родным человеком. — Я понимаю, что в мире есть много такого, что нам и не снилось. Но почему ты полагаешь, что Максима не отпустят?

— Я слышала его бред. Он ТАМ оставил такое... Словом, это вернуть назад никак невозможно.

— Баб, ну я же говорил, что никакого села в нашей округе не было! — не выдержал молодой человек. — Милая, что он мог оставить такое, чего уже не вернуть?

— Ну ты и глуп! — не выдержала старуха. — Разве ты не слышал, о чём бредил твой друг? Разве ты не видел, что он вернулся к палатке уже засветло? И весь перепачканный глиной и в лохмотьях? Он побывал в проклятой деревне. Там он встретил девушку, в которую влюбился. Они стали... Словом, сблизилась. Теперь ты понимаешь, что он оставил в ней то, от чего получают дети? И одежду на нём порвали не кусты, как ты полагаешь, а пальцы мертвецов, которые хотели оставить его у себя!

— Гм... — краснея, недоверчиво посмотрел

на бабушку Сергей.

— И после этого проклятые имеют над ним такую власть, что не отмолит ни один батюшка, не «отведёт» никакая знахарка, никакая ведьма.

— А зачем село появляется на поверхности? Да и как это возможно?

— Сынок, ты ещё многого не знаешь... — вздохнула старуха. — Бог их специально возвращает на землю для раскаяния, но они тратят этот день для того, чтобы увлечь к себе новые, неиспорченные души.

— То есть?.. Но у нас есть опытные психиатры, экстрасенсы...

В ответ бабка лишь печально покачала головой...

С тех пор жизнь Макса проходила монотонно: днём он занимался, как и подобало человеку интеллектуальному, наукой и писаниной, а ночью неведомая сила увлекала его в неизвестность. Тело оставалось лежать в больничной кровати, но душа...

Врачи констатировали у него странную, неизученную форму лунатизма, усложнённую психозом...

Поскольку во вменяемости Макса никто не сомневался, его вскоре выписали. Он защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации, стал весьма уважаемым профессором. Но всех

удивляло, почему он остаётся одиноким. На все вопросы он отвечал молчаливой улыбкой.

От памятного приключения прошло двадцать лет. В один прекрасный день профессор не явился на лекции, что озадачило ректорат. За ним посылали, но найти не могли. Только Серёга, узнав о происшествии, вздрогнул. Впрочем, взглянув на календарь, он понимающе вздохнул:

— Да-а-а... Кажется, больше его никто не увидит...

Вокзал

Ещё не доходя до вокзала, начинаешь осознавать, что здесь до тебя побывали люди. Их присутствие чувствуется повсюду — в шуме машин, назойливом голосе диспетчера, сверкающих рекламных щитах. Десятки скамеек, на поверхности которых угадываются прикосновения тысяч грязных рук, столики в забегаловке, залапанные неисчислимым множеством потных ладоней, плохо убранные полы, на которых никогда не просыхают плевки скучающих пассажиров...

До твоего поезда ещё слишком далеко, но, вместе с тем, не настолько, чтобы уйти отсюда. Шесть часов ожидания. Ты взял билет, надеешься на то, что тебя увезут в какое-то новое измерение,

где ожидает новая жизнь или, по крайней мере, новый её виток. Как же до боли, до чёртиков надоело старое — вьевшееся в кожные поры, в сердце, в самую душу! Хоть бы не перепутать платформы, а то будет обидно впоследствии. Идешь к справочной.

— Извините, кто последний сюда? — спрашиваешь у ближайшей спины, от которой исходит хлад безразличия.

Но спине нет до тебя никакого дела. Она проталкивается к своей непонятной цели, ей кажется, будто эта цель — важнее всего на свете.

Вокруг окошечка скопились десятков пустых, эгоистичных физиономий.

— А вы не скажете, во сколько поезд на Мурманск? — исторгает из себя одна из них.

— Сегодня этого поезда нет, — кратко, чеканно, исторгает из себя окошечко.

Чеканно, как звук сапог, исторгаемый ротой солдат Вермахта. Неумолимо, как приговор трибунала...

— Но как же так?! Мне продали билет на сегодня!.. — не то восторгается, не то сумасшествует заблудшая душа и уходит в неизвестном направлении.

Словно в небытие...

— А можно ли обменять билет до Москвы на завтра? — с надеждой интересуется дамочка

неопределённого возраста.

— Разве я похожа на волшебницу, чтобы изменять судьбы? — невозмутимо отвечает голос из окошка.

— Но вы поймите...

Дальнейшие объяснения нецелесообразны. Окошечко бездушно, хладнокровно, неумолимо. Поэтому очередная спина тоже уходит. В небытие...

В нескольких шагах от справочной стоят двое. По их виду можно сделать выводы: употребляют водку и перебиваются случайными заработками. Из одной изрядно примятой физиономии слышится:

— Вот так, изо дня в день... То строительство, то уборка мусора...

— А спишь где? — любопытствует другая, столь же примятая.

— Где придётся... Не тратиться же на гостиницу. В Киеве, знаешь ли, дорого... Но, в основном, на вокзале...

— От такой жизни можно и подохнуть...

— Не спорю. Вот, взгляни...

С этими словами человекообразное существо беззастенчиво расстёгивает брюки, снимает их ниже таза и демонстрирует ужасную язву размером с чайное блюдце.

— Ужас! — стонет собеседник. — Это что за гадость?

— Как-то само по себе появилось...

— Но там же такая дырища, что кость видна!..

— Ничего, пока работать можно...

— А сам-то откуда?

— Из Донецка... Ради родных стараюсь...

Давай выпьем!..

Понимая, что в этот час к окошечку не пробиться, отходишь в сторону.

— Документы! — вдруг ударяет голос справа.

Мент как мент, только лицо слишком наглое.

Одного ли пассажира здесь обчистили до нитки такие же «служители» Фемиды? Это ведомо лишь Господу Богу да вечно заплёванному полу...

Подходишь к автомату, берёшь чашку кофе. Эрзац, не настоящий, но таки кофе... Выходишь на улицу, потому что кофе лучше идёт с сигаретой. В сторонке разговаривают две женщины лет тридцати пяти.

— Вчера я своего подловила..., — говорит одна. — Теперь никуда не денется.

— Как? Что ты сделала? — спрашивает другая, пожирая подругу восхищённым взором.

— Ты ведь помнишь, как я окрутила его?

— Ну... в общем... Кажется, ты женила его на себе?

— Сашка был юрист ещё тот, с ним надо было держать ухо востро. Но на всякую старуху, как ты знаешь, есть проруха.

— Ну же, не томи!..

— Он влюбился в меня. Представляешь: столичный щеголь, с высшим образованием, умненький — и втюрился в меня — простую сельскую девку!

— Я это помню. Ну и...?

— А дальше случилось то, до чего никто бы не додумался. Он из великой любви оформляет контракт... Слыхала о браках по контракту?

— Приходилось...

— Ну вот... Он сам сделал оговорку, что в случае своей измены оставляет всё имущество мне.

— Честный он человек...

— Да, конечно... Только неужели ты полагаешь, будто он сам был мне нужен? Квартира мне была нужна в Киеве, вот и всё.

— Но, Лёля, всё-таки довести мужика до измены — вещь не шуточная. Особенно такого, как твой...

— Да всё просто, милая Зиночка! Прожив с этим олухом три года, я поняла, что дольше не выдержу. И всё бы ничего, если бы я не залетела. От другого...

— Да ты что?!

— Да, я могла лишиться всего. Но вдруг мне пришла в голову идея... Ты ведь знаешь, что нам, женщинам, иногда приходит в головушки такое, что никаким юристам и не снилось. Так вот, нам

понадобилась прислуга. Я и наняла продувную бестию, которая могла бы и самого Дьявола соблазнить. Договорилась с ней о награде... А она, едва взглянув на мужа, сразу заявила, что всё произойдёт не позже, чем через неделю. Так оно и вышло!

— Да ты что?!

— Однажды девчонка заявила, что ЭТО состоится через час. Я и позвала друзей мужа, свою маму, соседей — якобы на банкет. И когда все сошлись, я просто повела их к спальне.

— Да ты что?! И?..

— Ну, там как раз шёл бой...в самом разгаре...

— Да ты что?! А что же он?

— Муж? Ни слова не говоря, собрал вещи и был таков. Таким образом, я превратилась в полноценную хозяйку трёхкомнатной квартиры. Хоть будет куда принести малыша...

— Вот это да!..

— Ничего... Так ему и надо!

— Да... Все мужики — сволочи!.. Так им и надо!..

Начинаешь понимать, что эта уже дождалась своего поезда... Или, во всяком случае, поворота в нужную сторону. Вместе с тем, я знаю: мне туда не надо...

Вот и кофе почти допит... Да и не хочется уже

его пить. Не настоящий он, эрзац... как и всё в этой жизни. Любовь подменили прагматичностью, преданность — меркантильностью, мужество — грубостью, простоту — хамством... Всё сплошной эрзац...

Хочется изменить судьбу, сесть на другой поезд, который увёз бы тебя куда-то далеко-далеко, в неведомые страны, но не всегда повезёт с билетом. А бывает, что поезд следует по круговому маршруту. Сколько бы ты ни ехал, все равно окажешься в том же месте, откуда выехал. Но даже в случае, если успеваешь на нужный поезд, приходится претерпеть все мучения ада, пока пройдёшь по заплёванному полу, преодолеешь различные гадости. Прежде, чем достигнешь цели, невольно обнаруживаешь: я уже не тот, не такой... И нужна ли мне та цель? Ведь, в конечном итоге, там всё обстоит точно так же, как здесь...

Не жизнь, а сплошной вокзал...
Общедоступный, замаранный, оплёванный...

Голос мима

1

В разреженной массе морозного ночного воздуха было бы невозможно понять, чьи беспорядочные шаги тревожат рыхлый снежный

покров — мужские или женские, существа ли сознательного или же какой-то бесформенной массы с другой планеты. Царила одна из первых декабрьских ночей, когда зима только начинает вступать в свои права. Небосвод, ещё не вполне очистившись от плотных облаков, накануне разродившихся обильным снегопадом, лишь местами мерцал яркими звёздами, луна дождалась своего выхода на сцену где-то за далёкими кулисами горизонта, а мороз уже крепко щипал за открытые участки тела. Но человек, шедший наугад, ничего не замечая вокруг, обо всём этом помышлять не мог.

Вернувшись с гастролей на три дня раньше, чем рассчитывал, он купил огромный букет хризантем и, наняв такси, поспешил домой. Дом находился в десятке километров от столицы, там было тепло и уютно; но главное — в этих родных пенатах его возвращения дождалась Амалия. О, как же он её любил! Не проходило ни минуты, чтобы Феликс Винницкий не подумал об этой удивительной женщине. Он не уставал бы восхищаться ею даже спустя сто, тысячу лет. Это была не просто женщина; это — сама мечта мира! И с каждым годом, проведённым с нею, он чувствовал всё большую привязанность к ней.

Они познакомились давно, лет за десять до описываемого вечера. Однажды ему, молодому, но

уже изрядно преуспевшему оперному певцу, пришлось добираться домой в обыкновенном трамвае. Эта девочка, затерянная среди пассажиров, узнала его и, поздоровавшись, застенчиво опустила взор. Феликс влюбился в те глаза, едва лишь увидев, поэтому не мог просто так расстаться с их обладательницей. В тот день они долго ходили по улицам и разговаривали обо всём на свете. Амалия приехала поступать в педагогический и «срезалась» на математике. Теперь вот собиралась возвращаться домой, в далёкий провинциальный посёлок, но этого так не хотелось! А всё — из-за стыда перед знакомыми и родственниками, которые получат повод если и не подтрунивать над ней, то смотреть свысока.

В свои семнадцать лет она представляла собою сплошное очарование, а Феликсу только что исполнилось двадцать три. Не долго думая, не желая ничего слышать, он потащил её в свой дом, где и предложил остаться навсегда. В роли хозяйки.

Спустя месяц они поженились.

Феликс доверял своей избраннице превыше всех на свете, даже больше, чем себе самому. Этому цветку, этому венцу желаний он посвящал всё своё свободное время. А зачастую и рабочее: он брал её с собой на репетиции, перезнакомил со всеми театральными секретами и их носителями, поначалу вводя юную жену в смущение. Впрочем,

она быстро обвыклась. Ей импонировала роль музы, невольно предложенная мужем, поэтому она всегда находилась в первом ряду зрительного зала, и можно было с уверенностью сказать: где находится он, там обязательно присутствует и она.

Такая идиллия продолжалась в течение первых лет. Всё окружение Феликса привыкло к ней, её воспринимали, как некий придаток или даже неотъемлемую часть самого Винницкого. Правда, кое-кто невольно задавался вопросом, почему у столь блистательной пары до сих пор нет детей, но выражать его вслух не осмеливались. Феликс ни за что не признался бы даже своему духовнику в том, что детей нет по вине Амалии, которая в 16 лет, совершив глупость, вынуждена была по настоянию матери сделать аборт. Для него она оставалась святой.

Однако с некоторых пор женщина начала пропускать его концерты, появляясь в компании мужа всё реже и реже. Ему говорили об этом, но влюблённый ничего не замечал. Он помогал ей во всём, даже в учёбе: единственный раз в жизни используя своё имя, он пристроил её в театральный, благодаря чему она теперь имеет диплом музыкального критика. Он жил ею и только ею, чего нельзя сказать о ней.

У неё образовался свой круг знакомых. То и дело она где-то задерживалась, зачастую

возвращаясь домой среди ночи, или куда-то уезжала в сопровождении совершенно незнакомых мужу людей, не заботясь о том, чтобы представить их ему. Всё это Феликс воспринимал, как норму. Амалия, на всякий случай, заявила, что принимает участие в работе благотворительного фонда.

Вернувшись сегодня с гастролей, он поспешил к ней, но, подъехав к собственному дому, был несказанно удивлён, увидев у ворот бронированный «BMW» и два «Джипа», предназначенных для охраны. Когда он намеревался войти, его остановили крепкие ребята в чёрных костюмах.

— Да вы что, господа! — воскликнул он. — Наверное, вы меня не узнаете? Это же я, Феликс Винницкий, народный артист! А этот дом принадлежит мне.

— Ну и что с того, что ты — винницкий? — возразили ему. — А мы тут — киевские, и охраняем человека, чьих подмётков ты не стоишь. Артист, блин!..

— Кто этот человек? Сейчас я позвоню супруге, она подтвердит, что вы ошибаетесь и что хозяин дома — я.

С этими словами он извлёк из кармана пальто телефон и набрал номер Амалии. Она ответила... смехом. А потом отключилась. В известной степени это задело самолюбие Феликса. Он повторял вызов снова и снова, пока жена не выключила свой

телефон окончательно. Краем уха артист улавливал насмешки телохранителей, но сдерживался. Да и что ему оставалось делать?..

Спустя час он увидел, как в гостиной загорелся свет. В тот же миг затрезвонила рация у начальника охраны.

— Да, Первый, мы ждём, — ответил он. — Можете идти, всё чисто.

Феликс видел, как входная дверь открылась, из неё вышел довольно упитанный седовласый человек, в котором он узнал... Словом, лицо, занимающее одну из высших должностей в государстве. Это «лицо» под звонкий и игривый смешок его жены пыталось застегнуть замок на брюках.

Феликс не хотел верить своим глазам. Его грубо оттеснили от ворот, но он, находясь в шоковом состоянии, этого и не заметил. А когда в сознании на миг просветлело и оно вновь обрело способность адекватно реагировать на происходящее, он, дождавшись, когда «Первый» поравнялся с ним, громко произнёс:

— Вот она — честь и совесть государства!

За это его изрядно поколотили. Сквозь боль он снова и снова слышал циничный смех Амалии. Она всё видела, и ей было смешно.

Она станет его презирать. Знакомые, узнав об инциденте, тоже будут его презирать.

Развестись, развестись немедленно! Но на это уйдёт уйма времени. Да и не сыграет ли с ним злую шутку неверная? Ведь любовник будет её защищать своими способами.

Но даже в случае развода оба виновника его позора останутся безнаказанными. И будут продолжать насмехаться, да ещё и в прессе оболют грязью. А Феликс весьма щепетильно относился к своей репутации. Стремясь избежать недоразумений и грязи, он даже уклонялся от сомнительных вечеринок и иных звёздных сборищ. Если для попсовых звёзд такие мероприятия служат едва ли не основным источником доходов и рекламы, он в этом не нуждался, — хотя бы потому, что находился на пару ступеней выше.

2

После того, как высокопоставленный ловелас уехал, Феликс кое-как поднялся с обочины и, не стряхивая снег с пальто, пошёл, куда глаза глядят. Под калиткой остался измятый букет хризантем — таких же белых и пушистых, как снег.

...Мороз крепчал, но он не замечал этого. Ему было жарко. Чувство смертельной обиды, смешанное с жадной мести, распирало его существо изнутри, разрывая на тысячи частей. Обидчивость и мстительность — это не

врождённые черты характера; они формируются со временем. Когда в юности Феликс занимался боксом, он никогда не испытывал ни злости к соперникам, ни жажды мести. «Откуда во мне это стремление?» — спрашивал он себя, но, не находя на этот вопрос ответа, продолжал ходить вокруг своего двора.

Как отомстить наглой и подлой твари, которой он отдал всё? Она убила не только всё то, что таилось в нём чистого и прекрасного; она хладнокровно уничтожила также и веру в людей, в женщин. Она убила Мечту...

Как отомстить тому, который прикрывается охраной и высоким положением?

Возможно, он сам как-то виновен в отношении Амалии? Задумавшись над этим, Феликс невольно остановился. Разве он плохо относился к этой женщине, разве обижал? Да ну, быть того не может!

Это она, она виновата! Прийти сюда совсем пацанкой, на всё готовое, ничего не делать по дому, вести беззаботную жизнь, выучиться за его счёт, купаться в лучах его славы, пользоваться всеми привилегиями от его имени, использовать его в каких-то своих тёмных интересах...

Нет, она не любила его изначально. Но как же можно жить с человеком, которого не любишь — есть с ним за одним столом, целоваться, спать в

одной постели?

Амалия запятнала не только себя, его, но и само понятие «семья». Она растоптала не только его достоинство, но и душу. С каким сердцем, с какими мыслями он теперь будет исполнять роли Ромео или севильского цирюльника?

Эту обиду никогда не забыть, это пятно ничем не отмыть, и в свои 32 года Феликс хорошо это понимал.

Ей всё безразлично, как ветреной бабочке, а ему предстоит с этим жить и страдать.

И смех, смех...

От этих мыслей сердце снова сжалось чьей-то безжалостной, грязной рукой. В голове помутилось, так что он был вынужден остановиться снова и охватить её руками. Когда приступ несколько угомонился и руки отпустили виски, Феликс вздрогнул от неожиданности: в каких-то двух шагах перед ним стоял человек, одетый в чёрный фрак, пальто нараспашку и шляпу, — столь же чёрную, как ночь, как обида, как само зло. Он молчаливо взирал на Феликса, не реагируя ни на его удивление, ни на едва различимый возглас, означающий шок. Казалось, будто его глубоко запавшие чёрные глаза устремлены в самую душу артиста, всё в ней бесцеремонно перековыривают и переворачивают, обнажая наиболее потаённые уголки. Наконец, человек произнёс:

— Ну и досталось же тебе сегодня!

В ответ пострадавший пробормотал что-то невнятное.

— Теперь твоя жизнь круто изменится, я знаю, — продолжал человек в чёрном.

— Что тебе известно? — робко спросил Феликс, обращая взор к глазам этого странного существа.

Увы, глаз как таковых он не увидел; ему показалось, будто сквозь глазные отверстия незнакомца зияла бездна...

— Эта женщина тебя унизила так, как не способен унизить даже лютый враг. Она никогда не любила тебя. И даже знакомым об этом рассказывала. Над тобой станут потешаться, а вскоре сплетни о сегодняшнем вечере просочатся в прессу.

— Да... — прошептал Феликс, опуская голову.

На миг ему представилось, как вокруг его имени сгущаются чёрные тучи человеческого злопыхательства, зависти, грязи. Папарацци начнут ковыряться в его личной жизни, публиковать на страницах газет сплетни, высосанные из пальца. От последствий скрыться не удастся, они достанут даже далеко за океаном. И ожидает его судьба многих представителей искусства, которые из-за этого потеряли добрую славу, контракты, самих

себя. Многие из них вынуждены были уйти со сцены, некоторые спились или даже свели счёты с жизнью. Подобный исход выглядел страшнее смерти.

— Что же делать, что делать?! — воскликнул он, умоляюще взглянув на незнакомца. — Ты же понимаешь, что я не всесилен, не в моей власти пресечь разговоры!

— Зато это вполне в моей власти, — ответил тот.

— В твоей? — недоверчиво спросил Феликс, невольно отступая на шаг. — Да кто ты вообще такой?

В эту минуту он стал ощущать холод, и только сейчас осознал, насколько продрог.

— Я? Называй меня... Впрочем, тебе незачем знать моё имя. Но будь уверен: я всегда готов помочь людям, попавшим в беду. И также готов мстить за них. Скажи, Феликс, ты ведь хочешь совершить месть, но не знаешь, как это сделать? Особенно мужчине, потому что он для тебя недосыгаем.

— Да, да!

— Я сделаю это. Поверь, сама земля содрогнётся, дабы другим неповадно было. И ты ещё обретёшь возможность увидеть мучения людей, грубо поправших самое святое для тебя.

От этих слов Феликс ощутил в себе новый

прилив обиды.

— Да, сделай это, кем бы ты ни был! — воскликнул он, пытаясь схватить этого человека за отвороты пальто. К его удивлению, пальцы прошли сквозь пустоту, но в тот момент он не придавал этому значения.

— Сделай это, я хорошо заплачу...

Чёрный человек улыбнулся, отступая на шаг.

— Если ты имеешь в виду деньги, они мне ни к чему. Это ещё я могу дать их тебе, сколько пожелаешь. Мне нужна плата иного рода.

С этими словами он взглянул на Феликса так, что тот заметил в его глазницах сквозняк сомнения.

— Скажи, чего ты требуешь?

— Нет смысла, потому что ты все равно откажешься, — покачал головой собеседник.

— Нет, ты скажи! — настаивал Феликс, подступая к нему.

— Ладно, будь по-твоему. Мне нужен твой голос.

— Что? Голос? — опешил артист. — Голос?!

Он не верил своим ушам.

— Но как?..

— Ты не понял. Сам голос мне, конечно, не нужен. Мне вполне нравится и тот, которым меня наградила природа. Я исполню всё, что обещал, но ты должен прекратить петь для публики. Можешь тихонько петь для себя, закрывшись в комнате;

можешь разговаривать сам с собой, но чтобы твоего пения отныне не слышали посторонние.

Ничего подобного Феликс не ожидал услышать. Ему, обладателю удивительного тенора в пять октав, который известен всему миру, — и уйти со сцены, кануть в неизвестность?!

— Нет, со сцены уходить совсем не обязательно, — ответил на его мысли незнакомец. — Мне известно, сколько сил ты вложил в искусство. Нет, без сцены ты не сможешь жить. Но петь тебе ни в коем случае нельзя.

— Что же мне делать на сцене, если не петь? — удивился Феликс. — Как я смогу сыграть Гамлета, Ромео, Отелло, Дон-Жуана, если не буду петь?!

— Ты наивен, — улыбнулся неизвестный. — Означенных персонажей можно не менее красноречиво сыграть без пения да и вообще без слов.

— Но... как? — подавленно промямлил он.

— Посредством пантомимы, друг мой, — ответил голос, в котором сквозили мрачные нотки.

— Пантомимы? Но ведь это... Это же шутство! Неужели ты велишь мне превратиться в паяца?

— Ну, здесь ты не прав. Шутами можно считать артистов, которые плохо играют. Или политиков, например... Но ты будешь играть

великолепно, и я уже сейчас вижу, как тобою восхищается публика, как она поднимается с мест при твоём появлении на сцене.

— Но я никогда не занимался пантомимой! Для того, чтобы достичь мастерства в чём-либо, нужны годы тренировок...

— Ну и что? Тебе будет дано умение.

— Ну и чудеса! — растерянно улыбнулся Феликс.

— Ну как, по рукам?

— Даже не знаю...

В нерешительности он понурил голову.

— Подумай о мести...

От этих слов Феликс, который уже собирался отказаться, застыл на месте.

— Подумай о позоре...

Феликс побледнел.

— Подумай ещё раз. Пройдут месяцы, ты женишься на порядочной женщине, у тебя родятся дети. Каково им будет узнать от чужих людей о позоре, постигшем отца, и осознавать, что тот не отомстил должным образом?..

Сжав кулаки, Феликс сделал решительный шаг вперёд.

— Я согласен! Поистине, ты не человек, а какой-то злой дух!

— Вот и хорошо, — снова улыбнулся незнакомец.

— А что делать мне?

— Ничего. Завтра ты начнёшь замечать в себе проблески нового таланта. Удачи тебе! Только не забывай о договоре: никто не должен слышать твоего пения, иначе умрёшь!

— Умру? — с сомнением переспросил Феликс.

Он оглянулся в поисках странного существа, но того и след простыл.

— Умру?... Гм...

Ему хотелось бы возразить, но не оставалось ничего другого, кроме как возвращаться домой и отогреться.

3

— Дети, вы себе даже не представляете, какой талант заключён в этом человеке! — восхищённо говорила учительница.

Её подопечные слушали, раскрыв рты.

— Вы только вообразите: после оперы, которой отдаёшь полжизни, вдруг переквалифицироваться на пантомиму, — продолжала она. — Это отнюдь не так просто, как кажется.

— Анна Васильевна, — вставая с места, воскликнул Коля, её лучший ученик. — но ведь по отношению к опере он совершил предательство.

— Предательство? Зачем же сразу предательство? Не слишком ли ты категоричен? А вдруг у человека были на это причины?

— Да какие могут быть причины? Сегодня ещё пел, а завтра уже занимается чем-то другим...

Анна Васильевна работала в музыкальной школе преподавателем по вокалу. Вместе с Николаем за партой сидела и её дочь Даша. Ученикам было по 12 лет, они подавали надежды, старались. Это вдохновляло учительницу настолько, что она отдавала детям всё своё время и занималась с ними «по-взрослому».

Когда-то ей приходилось посещать концерты великого тенора Феликса Винницкого, она до сих пор помнит его удивительный голос в пять октав. Это было нечто невообразимое, это было настоящее чудо. И вот сейчас, рассказывая об истории оперного искусства, она упомянула об этом великом артисте. Да и как было не вспомнить о нём, если его дом находится совсем рядом с её домом?

Этот человек поселился в их городке лет восемь тому назад. До того он жил недалеко от Киева, имел жену, славу, будущее. Никто не ведал о причинах, которые привели к резкой перемене в его жизни, Но Анна до сих пор помнит, как в один из первых зимних дней того года пресса словно взорвалась, сообщая и на все лады комментируя

потрясающее известие: голос номер один в мировой опере внезапно всё бросил и выступил в театре пантомимы в качестве мима. На недоумённые вопросы журналистов и критиков он, как-то неестественно бледнея, отвечал, что столь резкое изменение амплуа ему посоветовали астрологи. Такое объяснение автоматически исключало всякие домыслы и новые вопросы, но если таковые и случались, Винницкий отвечал: «Спросите у астрологов.»

Его жена, как знал весь мир, таинственно исчезла. Это тоже интересовало богему, но всевозможные вопросы по этому поводу Феликс переадресовывал к милиции. Да и откуда он мог знать, куда она подевалась?

При слове «жена» по спине Анны произвольно пробегали мурашки. Она ещё со студенческих лет была влюблена в своего кумира, потому для неё слово «жена» в ореоле Феликса казалось совершенно излишним.

Правда, кое-кто заметил, как однажды Винницкий едва не свалился в обморок, услышав вопрос: «А не находите ли вы связи между исчезновением своей супруги и одного из самых видных политиков? Ведь они пропали в один день...» Тот папарацци, наверное, брякнул первое, что пришло в бестыжую голову. Единственное, что сумел придумать в качестве ответа Феликс, звучало

так: «Я не могу отвечать за судьбы совершенно чужих людей! К тому же, политики меня совсем не интересуют.»

Это было в самом начале его карьеры мима. Для того, чтобы пореже встречаться с журналистами, он и поселился в этом захолустье, куда наезжал нечасто, только когда наступали перерывы между выступлениями. С каждым годом таких перерывов становилось всё меньше и меньше, и это объяснялось быстрым совершенствованием его мастерства.

В отличие от многих мимов, пародирующих политиков и общественных деятелей, он стал изображать персонажей из известных литературных и оперных произведений. Выступления неизменно проходили при битком набитых залах, под бури аплодисментов и оваций публики. Он не просто показывал образ. Он в него настолько вживался, что казалось, будто на сцене под белым гримом выступают сами Отелло или Дон-Жуан, Лознгрин или Фауст. В Винницкого влюбились все поголовно. Билеты на его концерты раскупались с потрясающей скоростью — столь же быстро и безропотно, как и раньше, когда в театры сходились для того, чтобы послушать его голос. Невзирая на погодные условия, цены или занятость.

Он не превратился в шута. Скорее напротив: в сравнении с ним выглядели шутами остальные

мастера пантомимы. И даже сами зрители, порою узнающие себя в изображаемых телодвижениях артиста, пытались впоследствии измениться в лучшую сторону. Феликс умел раскрывать образы без слов настолько, что у зрителя создавалось впечатление, будто слышит и голос, и интонацию, сарказм или же иронию, грусть, задумчивость, страдание, видит мельчайшие детали мимики, улавливает значение взглядов. Для того, чтобы получше вживаться в образы, Винницкий порою целыми неделями ходил в гриме и костюме, характерном для того или иного персонажа.

Анна, как и большинство почитателей его таланта, замечала всё это. Но, в отличие от многих, она испытывала известное волнение: можно вжиться в конкретный образ настолько, что больше не сумеешь из него выйти. Так было с неким артистом, который, пытаясь вжиться в образ Юлия Цезаря, в течение нескольких месяцев жил так, как мог бы жить великий император — одевался, как он, ел, спал, ходил; со временем он начал даже мыслить в том же русле, в каком мыслил Цезарь. После окончания съёмок фильма он не сумел распрощаться с образом и закончил дни в психиатрической клинике. Но нет, Винницкий вёл себя вполне адекватно, ему не грозило раздвоение личности.

Когда-то в молодости, испытывая первые

порывы страстных фантазий, она совершила необдуманый поступок. Могла бы стать оперной певицей, а превратилась в заурядную учительницу. После окончания музыкального училища она собиралась поступать в консерваторию, но беременность превратила её планы в иллюзию. «Милый», — в сущности, неплохой парень, — хотел жениться. Он любил Анну. Да только она стала другой. Беременность открывает в женщине новые черты и мысли. Она становится самой собой. Порою всё, чем она жила до того, отбрасывается неведомой силой куда-то на задний план, уступая место тому великому, которое в течение многих лет таилось где-то на задворках маленькой души. Анна к концу беременности поняла, что в своём партнёре любила не его самого, а Винницкого. Странно, но он чем-то был похож на маэстро. Однако в один прекрасный день на женщину снизошло озарение: да ведь это же вовсе не ОН, а всего лишь его жалкая тень! С того момента связь с парнем казалась ей чудовищной ошибкой, насмешкой природы. Она не могла больше представить себя в его объятиях, и даже более того — она начала стыдиться его, как стыдятся знакомства с дегенератами, бомжами, пьянчужками! С тех пор она живёт одна.

После возвращения в родной городок Анна выдержала любопытные и осуждающие взгляды знакомых, но вскоре те привыкли к её неожиданному

материнству и одиночеству. Всё забылось, утряслось, стабилизировалось. Анна жила только работой и дочерью, не обращая внимания на мужчин и местечковые традиции. Двенадцать лет жить без мужчины! Что это — отклонение или же закономерность? Она, пытаясь объяснить для себя этот казус, отшучивалась: «Лучше уж ничего, чем что-нибудь!»

Иногда ей выпадало счастье наблюдать за Винницким. Её дом находился по соседству с домом звезды, участки обоих выходили к небольшой речушке. Но если участок Анны не был обнесён высоким забором, исключающим наблюдения со стороны, то этого нельзя было сказать об участке Феликса. Он как будто стремился максимально оградиться от людей и их любопытства. Чем он занимался, запершись внутри своей двухэтажной коробки, никто не ведал. Но изредка, приблизительно раз в два месяца Анне удавалось видеть его на балконе. Глаза артиста бывали устремлены в неведомую даль, в них отражалась задумчивость и неутолимая тоска. Анна читала это в тех глазах, невзирая на расстояние. Дважды на восемь лет их взгляды даже пересекались, что вызывало в женщине настоящую бурю эмоций и страданий. Она и жила этими бесценными мгновениями...

...Тьма казалась непроглядной, непроницаемой, хищной. На небосводе не было ни звёзд, ни луны; только издали доносившееся испуганное собачье завывание напоминало о реальности. Ещё бы не испугаться на месте собак: ветер обрёл такую силу, что под его напором жалобно скрипели кроны ясеней, а он сам, чтобы удержаться, вынужден изо всех сил прижиматься к земле и цепляться за корень какого-то дерева. В лицо безжалостно хлестал колючий, как шипы, дождь.

Но вот вдали что-то затрещало, до слуха сквозь завывание бешеного ветра донёсся слабый человеческий крик. Чутьё подсказало, что приближается великая опасность, — как чувствует птица приближение землетрясения. Тяжёлое предчувствие могучей силой прижало его к липкой, мокрой и холодной земле ещё сильнее. В тот же миг он почувствовал, как над самой головой пронеслась какая-то огромная, страшная, тяжёлая масса.

Откуда-то ему было известно, что это были ОНИ. В следующий миг масса ударилась о землю где-то рядом, в доказательство чего прозвучал сдавленный стон. Рефлекторно голова попыталась приподняться над сорняками, чтобы глаза могли

взглянуть на источник этого стога. Но сила — властная, неодолима и могущественная — тотчас прижала её снова к земле. Он догадывался, что это за сила и что именно произошло. Всё происшедшее казалось чем-то немислимым, противоестественным, ужасным; сила вызывала неопиуемый страх, от которого дыбом поднимались волосы. К тому же, он знал, что именно произошло, и от этого становилось ещё ужаснее.

Феликс потерял сознание. Или это ему показалось? Он впал в протрацию настолько мощную, что это сравнимо с потерей сознания.

Подняв голову спустя некоторое время, он заметил первые проблески рассвета на востоке. Ураган стих, тучи совершенно рассеялись. Лишь изредка над головой пронеслись мрачными тенями их мелкие клочья.

Тишину нарушил какой-то звук. Это был слабый женский стон.

Собравшись с силами, он поднялся на ноги и, преодолевая панический ужас, направился к источнику человеческого голоса. По пути он дважды чуть не свернул шею, поскользнувшись на прелой траве.

Шатаясь, он прошёл метров двадцать, но вынужден был остановиться: прямо перед ним разверзла свои объятия большая яма. Подчиняясь

каким-то неведомым законам, зрение вдруг обрело поразительную остроту и различило на глубине более двух метров два неподвижных тела — мужчины и женщины, — придавленные огромным корнем дерева. Мужчина был мёртв, и об этом свидетельствовала большая разверстая рана на его голове, из которой вытекало мозговое вещество, смешанное с кровью. Женщина лежала лицом вниз в то время, как туловище, неестественно выгнувшись, покоилось на спине. Судя по всему, у неё была свёрнута шея. Это были они — Амалия и её высокопоставленный любовник. В теле женщины ещё теплилась жизнь, но никакой лекарь не сумел бы её спасти. Созерцая эту картину, Феликс невольно вспомнил изречение из какой-то арии на латинском языке: «*Omnis caro fenum...*», что означает «Всякая плоть становится травой».

На какой-то миг в сердце Феликса проснулось сожаление, но тотчас же в глубине существа снова встрепенулась обида. «Пусть, пусть будет так, как есть!» — заставил себя подумать он.

Яма начала осыпаться сама по себе, погребая два комка изувеченной плоти.

Он отступил не несколько шагов; затем в ужасе развернулся и побежал прочь.

Только оказавшись в доме, он сумел перевести дыхание. Подойдя к бару, он дрожащими руками схватил первую попавшуюся бутылку и,

поднеся к губам, начал с жадностью всасывать в себя горячительную жидкость. Она оказалась коньяком. Опустошив полбутылки, Феликс, наконец, начал успокаиваться.

Это был конец. Конец не только семейной идиллии, жизни в этом доме, но и конец карьере. Придётся всё начинать сначала. Если получится...

За восемь лет он не сумел забыть ни единой детали из этого кошмара. Он приходил к нему по ночам, когда организм, расслабившись, готов к максимальному восприятию. С каждым разом он заново переживал события. Это казалось невыносимой пыткой. Конечно, кошмары — не что иное, как проделки человека в чёрном, — Феликс это чувствовал, знал природным умом. Только непонятно, зачем тому понадобилось ворошить незаживаемую рану в его душе. Что он хочет этим сказать?

Феликс взглянул на окно, за которым раскрывал свои радушные объятия один из многих миллионов и миллиардов земных рассветов. Этот свет породил в сознании первые ясные мысли и проблески воли.

— С этим следует заканчивать, — промолвил он, обращаясь к самому себе. — Давно пора... Нельзя оставаться в рабстве всю жизнь. Потому что это уже не жизнь.

С этими словами он сбросил с себя одеяло и

решительно поднялся с постели. Сейчас он примет холодный душ, что весьма кстати после душевной июльской ночи, выпьет чашечку кофе, и жизнь, как и мысли, направится в иное русло. Он знал, что тогда придёт и решение.

5

В это утреннее время на берегу реки находились три человека — светловолосая женщина лет тридцати и двое детей лет двенадцати — девочка и мальчик. Анна пришла сюда полюбоваться пробуждением её величества Природы, а дочь со своим другом вызвались её сопровождать. А природа возобновляла то вечное и бурлящее действо, которое называется жизнью, на время прерываемой ночным мраком. Со всех сторон доносилось стрекотание сверчков, разноголосое чириканье птиц, кумканье и кваканье лягушек, жужжание мух и жуков. Все о чём-то спорили, пытаясь самоутвердиться в вечной круговерти бытия, каждому хотелось выхватить из неё свой момент счастья.

Прислушиваясь к этому шуму, Анна словно растворялась в нём, в глубинах сознания зарождалась странная мелодия. Так бывает, когда человек способен чувствовать и живёт на одной волне со средой обитания.

Дети, эти неугомонные шалунишки, начали о чём-то спорить.

— Колька, а у тебя веснушек больше, чем у меня! — смеясь, раззадоривала мальчика подружка, глядя на него прищуренными, хитрыми глазами.

— Ну и что? — нашёлся тот. — Зато у тебя уши побольше моих! Как у Чебурашки... Дашка-Чебурашка!

Эта суета мешала Анне сосредоточиться.

— Дети, дети! — с укоризной в тоне воскликнула она.

Внезапно слух уловил новые звуки, доносящиеся издалека. Они порождались чьим-то прекрасным голосом и как бы подводили итог красоте рассвета. Это была чудесная мелодия, она звучала, как ода, как преклонение перед величием Природы, сиянием солнца, самой жизнью.

— Дети, тихо, тихо! — прошептала Анна, обращая лицо в направлении, откуда лилась мелодия.

Заметив на лице женщины нечто особенное, те приумолкли и, подчиняясь инстинкту, начали вслушиваться.

— Это же сам Феликс Винницкий! — прошептала женщина.

Выражение в её глазах было таким, словно она узрела перед собой самого Господа Бога, пред которым готова преклонить колени.

— Это — знаменитое «Адажио» Альбини, — тоном отличницы произнесла девочка.

— Да тише ты! — шикнул на неё Коля, толкая кулаком пониже талии.

Мальчик откуда-то понял, что в эту минуту Дашиной маме мешать нельзя. Он и сам невольно прислушался, а затем, увлекая подругу за собой, осторожно побежал по тропинке, ведущей к особняку знаменитости. Метров через тридцать его остановило препятствие в виде забора. Он прильнул к щели между досками.

На балконе, обращённом к реке, стоял мужчина лет сорока, облачённый в белую сорочку и чёрный фрак. Это в его лёгких рождалось прекрасное пение, это именно его гортань порождала неповторимые звуки. Дети знали, что такое опера, как знали и о великих исполнителях. Но чтобы человеческое существо могло петь так!.. Нет, подобное не помещалось в воображении, так не бывает...

— Вот она — легенда! — прошептал Коля, невольно сжимая девичью руку.

Между тем, пение, достигнув апофеоза, внезапно прекратилось. Знаменитость со своего балкона куда-то исчезла.

Анна, с жадностью впитывавшая в себя каждый оттенок этого волшебного голоса,

продолжала стоять в той же позе. В её взгляде можно было прочесть непередаваемое разочарование.

Даже у детей настроение как-то сникло... Они чувствовали себя так, словно у них отняли только что преподнесённый подарок и больше никогда не вернут.

А в это время Феликс лежал на спине и стекленеющими глазами смотрел в бездонную даль...

Хамство

«Из всех пороков, присущих человеку, наиболее позорным я считаю трусость.»

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

— Не согласен, — отвечаю я. — Не трусость, а тупость и хамство!!!

* * *

Белое безмолвие... Сколько волнующих строк посвятил ему в своё время Джек Лондон! Время года, когда мир замирает в глубоком сне,

успокоенный морозом, когда человеку — этому наиболее слабому звену природы — невозможно выжить без технических приспособлений, когда наступает царство холода, мрака и смерти... Днём человека убивает белизна снега, слепящая взор, а ночью — холод и неизвестность; всё это обретает утроенную силу из-за почти абсолютной тишины, не нарушаемой ни шумом ветра, ни чириканьем шаловливых птиц, ни отдаленным лаем собак. Даже никакая заблудшая ворона не потревожит воздух своим карканьем. Впрочем, в свое время В. Высоцкий отмечал, что воронье просто не водится в подобных условиях. Если бы так было и с вороньем в человеческом облике...

* * *

... Ещё в детстве он заметил, что в морозную погоду окружающий мир кажется красивее и даже звезды излучают то очаровательное мерцание, которое способно поглотить воображение романтиков. Но в этот раз всё выглядело по-другому: судя по ощущениям, мороз достигал не менее восемнадцати градусов, дул северный ветер, небосвод исторгал из своих непостижимых глубин какую-то неопишущую жестокую антипатию; видимость была скверной из-за странной облачности, вследствие которой не было видно ни

звёзд, ни Луны, ни блеска дороги — этих вечных спутников путешественников, затерявшихся в ночи. Идти было трудно, поскольку накануне, после обильного снегопада, автомобили разъездили шоссе настолько, что оно превратилось в вязкое крошево, после чего его намертво сковал мороз. Каждый шаг совершался наобум, угрожая падением, переломом рёбер, ног или сотрясением мозга.

«Какого чёрта ты очутился в этой глуши?» — уже не впервые спрашивал он себя, что, впрочем, не могло помочь исправить положение.

Он никогда не боялся пеших переходов: в его жизни случались периоды, когда приходилось ежедневно преодолевать расстояния, значительно превышающие то, которое предстояло пройти сегодня. Несомненно, окажись он в этот вечер посреди дороги один, он пошёл бы просто по снегу, накопившемуся по обе стороны полевой дороги, и в течение часов пяти или даже шести (принимая во внимание сложность передвижения) был бы на месте. В памяти возродились времена, когда он, будучи семнадцатилетним парнишкой, занимал вторые места по Украине в соревнованиях по ходьбе, а также первые — по военно-спортивному ориентированию... Увы, сегодня положение усложнялось тем, что его сопровождали двое маленьких детей — шестилетняя дочь Маша и четырехлетний сын Павлик...

Ещё каких-нибудь полгода тому назад об их семье можно было сказать самые лестные слова. Жена, молодая учительница музыки, трудилась в сельской школе; он, в прошлом учитель истории, по полмесяца пропадал в Киеве, стараясь заработать побольше денег. Но то ли по вине всемогущей зависти человеческой, то ли по воле судьбы три месяца назад Алексей вынужден был позабыть о работе и всецело посвятить себя заботам о супруге. Настя заболела неведомой хворью, которой не сумел дать определения ни один врач. Эта женщина составляла для него единственную радость в жизни, поэтому он отдал все, что имел, ради её спасения. Начались походы по врачам, которые в самый раз назвать рвачами из-за их неумного аппетита к наживе за счет бед человеческих; впрочем, никому так и не удалось установить диагноз. Женщина увядала с каждым днем, а медицина оставалась бессильной. Однажды наступил тот момент, когда пришлось, скрепя сердце, увезти детей к двоюродной сестре, которая проживала в добротной трёхкомнатной квартире в Виннице. Несмотря на свои тридцать с лихвой лет, она продолжала вести одинокое существование, потому, казалось бы, дети не могли её особенно стеснить. А увезти их следовало хотя бы для того, чтобы избавить от созерцания маминых страданий. Нельзя допускать, чтобы ангелочки видели смерть

и тлен, осознавали их всемогущество и теряли веру в справедливость и жизнь...

Алексей прилагал всевозможные старания, стремясь облегчить положение жены: он возил её в Киев к лучшим светилам медицины, обращался даже к экстрасенсам и Богу, создал для больной наилучшие условия, вкладывая в свои поступки не только всё сердце, но и деньги. Наступил момент, когда ресурсы семьи истощились: не мог же он предполагать случившееся и заблаговременно накопить полмиллиона... Ничто так не съедает средств, как адвокаты, цыганки и врачи. Дожидаясь под кабинетами некоего медицинского заведения, он, впервые в жизни столкнувшись с врачами, был поражён их чёрствостью. Сиди под кабинетом, стони, ори от боли, а для людей в белых халатах твои проблемы совершенно безразличны. Дашь денег — обратят внимание, а не дашь — хоть умирай... Он обратился к всевозможным приятелям и друзьям, к предпринимателям и благотворительным фондам, продал кое-какое нехитрое хозяйство и стройматериалы. Наверное, где-то глубоко в подсознании каждый человек — ростовщик. Видя, что у ближнего случилась беда, окружающие стремились на этом нажиться. Стройматериалы, купленные за пятнадцать тысяч, ушли за пять, двое свиней, которым цена не менее четырех тысяч, скупщики приняли за три; что

касается друзей и прочих, те, в общем, собрали всего две тысячи. Обследования и анализы, процедуры неизвестно от чего и уколы, прописываемые невесть зачем, проглотили эти деньги с такой же лёгкостью, с какой сухая губка поглощает каплю воды. Алексей так хотел, чтобы Настя выжила! Пусть бы врачи нажились, пусть она осталась бы недвижимой и слабой, — лишь бы только жила!.. Он влез в кредиты. Стремясь получить побольше средств, он обошёл знакомых и с их помощью раздобыл подложные справки о своих якобы высоких доходах. Интересно получается: банки с готовностью предоставляют ссуды и одолжения на чепуху, без которой человек мог бы обойтись — на покупку машин, суперовой кухонной мебели, ковров и прочего, а вот на лечение — ни в коем случае. Это должно означать лишь то, что для них, как и для государства, человеческая жизнь не значит ровным счётом ничего.

Проценты, нарастающие с каждым днём, давят на Алексея, как в старые времена небосвод давил на плечи титана Атланта. Не имея возможности «догонять» их своими доходами, он оказался в такой кабале, которой хватит на всю оставшуюся жизнь. Объявление о помощи, размещённое в Интернете, не принесло ожидаемых результатов, поскольку народ, наученный

несколькими поколениями мошенников, доверял ему не более, чем «жёлтой» прессе.

Настя ушла из жизни тихо, словно птичка, исчезающая из общего круговорота бытия, — незаметно для человеческого общества. Рассказывать о треволнениях и страданиях новоиспечённого вдовца не приходится, поскольку это было бы слишком длинно для данного повествования да и непонятно для большинства из вас, господа. Похороны и прочие церемонии высосали из него остатки ресурсов. Невозмутимые банки и «друзья» теперь требуют от него возвращения денег. Что касается друзей — вот уж правы были древние, утверждавшие, что лучше иметь дело с врагами, потому что друг есть не что иное, как потенциальный предатель, и что не зря в Древней Ассирии словом «Друг» называли бога обмана.

... После похорон напомнила о себе сестра:

— Забери своих охламонов, потому что они мешают мне жить.

Алексею этот тон кое-что напомнил. В лучшие времена им с покойной женой пришла в голову идея создать детский дом семейного типа. Дом для этой цели вполне годился, но требовалось кое-что в нём дополнить, и такое дополнение обошлось бы примерно в десять тысяч гривен. Алексей обратился за помощью к власти имущим,

но как же он был ошеломлён ответом высокопоставленного чинуши!

— Районный совет не имеет средств. И вообще выращивать детей нерентабельно...

Свинья, хам, быдло! Как можно так говорить, словно дети — не человеческие создания, а скотина!

Вот и сестрица дорогая... Типичное создание эпохи украинского капитализма, привыкшее думать лишь о себе. Он, конечно, имел полно оснований упрекнуть старую деву тем, что живёт она в квартире, которая пока принадлежит ему, но Алексей не имел привычки спорить даже в тех случаях, когда был прав.

Поездка автобусом «Винница-Монастырище» проходила неплохо, если подразумевать стандартные условия, когда водитель останавливается у каждого столба, стремясь побольше заработать.

При наличии хорошей дороги до конечной цели оставался бы всего час езды. После деревушки, носящей странное название Леухи предстояло преодолеть ненаселённый промежуток пути, протяжённостью километров в пятнадцать (окрестные деревни находились далеко в стороне), затем — станция Монастырище и село с красноречивым названием Сатановка; за ней — ещё несколько километров пути и, наконец, само

Монастырище. Как раз после десяти минут езды после пресловутых Леух автобус, который то и дело носило из стороны в сторону по оледеневшей трассе, безнадежно заглох. Пассажиров в салоне оставалось всего ничего: какая-то тяжеловесная тётка и Алексей с детьми. Водитель вышел, немного померз, созерцая двигатель, после чего вернулся в салон и заявил:

— Приехали... Кума, вернемся-ка в Леухи, там живет моя сваха. Поедим, выпьем, переночуем... Сама понимаешь...

— Хи — хи... — с деланной застенчивостью посмеялась тетка.

— Погодите, а куда деваться нам? — возмущенно воскликнул Алексей.

Шоферюга взглянул на него так, словно увидел впервые.

— А я что — обязан организовывать для вас гостиницу?!

— И то верно! — поддакнула ему кумушка.

Физиономия водителя, как это характерно для существ со слабым духом, исполнилась угрозой.

«Драться готов, что ли? — удивился злосчастный пассажир. — Неужели решится при детях?»

Но, присмотревшись при тусклом мерцании лампочки в эту наглую рожу внимательнее, он отбросил всякие сомнения: «Да, этот сможет...

даже при детях...»

— Может, вы оставите нас в салоне, включите печку... Я знаю, как обращаться с ней...

— Да ты чё, мужик?!

— Ясно, мы уйдем... — кивнул Алексей, поняв бессмысленность всяких споров.

Странное дело: он почему-то не хотел спорить даже сейчас...

Наспех укутав малышей шарфами и захватив сумку с нехитрыми детскими пожитками, он ретировался, глубоко в мыслях желая человеческому созданию с чёрствой душонкой «всего наилучшего».

Как мы уже упоминали, дорога представляла собою замерзшее крошево, поэтому идти было чрезвычайно трудно и опасно. Особенно для детских ног.

Периодически ему приходилось брать на руки то одного то другого ребёнка, стремясь облегчить их мучения и дать маленьким ножкам хотя бы минутное отдохновение. То и дело он посматривал на часы в мобильном телефоне, и всякий раз при этом недовольно морщился. Спустя час трудного пути оказалось, что пройден всего километр пути, если не меньше. Дети то и дело падали; впрочем, благодаря их невысокому росту падения не могли причинить им особенных неудобств. Иногда со стороны Леух небосвод озарялся призрачным

светом — так сквозь метель пробивалось сияние автомобильных фар. Алексей, ходок бывалый, чувствовал, что на сей раз может не достичь цели. Этот страх превращался в нечто ужасное, стоило лишь ему представить, какова судьба ожидает детей в случае его смерти. Что с ними будет?..

Обувь, стоившая немалых денег, могла не выдержать, ведь лёд — все равно, что лезвие бритвы; он кромсал подошвы, и сколько они могли ещё вынести испытаний, оставалось лишь гадать.

Поэтому он неистово махал руками перед всяким транспортом, который двигался в сторону Монастырища. Мимо проехал «Жигуль», в котором удобно разместились три человека. Они взирали на путников с видом умников, вдруг узревших перед собой трёх придурков. Спустя минут десять проехал «УАЗ», совершенно пустой, если не считать водителя. Дядька, наверняка тоже отец, взглянул на съёжившихся от холода детей тупыми свиными глазёнками, в которых отражалось полнейшее безразличие, и поехал дальше. Минут через пятнадцать мимо прокатил микроавтобус с двумя тётками «на борту». Они взирали на затерявшихся в ночи с тупыми улыбками, которые красноречиво говорили: «Гляди, какой дуралей — идёт на своих двоих да ещё с детьми!» Но тётки, каждая из которых, по всей вероятности, любит корчить из себя хорошую и заботливую мать, не

велели водителю подобрать путников...

Эти тупые улыбающиеся гримасы не выходили у Алексея из головы: по мере продолжительности пути он уставал всё больше, в соответствии с чем всё более обижался и раздражался.

Сойти с дороги не представлялось возможным, поскольку она была ограничена с обеих сторон высокими стенами из оледеневшего снега, который нагребли грейдеры. На этом участке она представляла собой грунтовку, совершенно покрытую льдом. Возможно, дальше — километра через три, где начинается асфальт, — дорога станет чище за счёт того, что лучше продувалась ветром во время снегопада. А может, удастся перенести детей на поле, где идти будет значительно легче (если там толщина снежного покрова слабая и оно не вспахано)...

Возможно... Но вьюга из ледяной крупы обжигает глаза и лицо, а обувь на детских ногах довольно хлипкая...

И наступил момент, когда опасения отца начали сбываться. Примерно через полчаса мальчик, в очередной раз споткнувшись, заплакал:

— Папа, у меня топик...

«Топик» — этим словечком дети привыкли называть обувь. Присмотревшись, Алексей обнаружил, что левый башмачок Павлика «захотел

кушать»: подошва отклеилась более, чем наполовину. Всё произошло не постепенно, а вдруг, и в самый неподходящий момент. Кого винить: делка, производящего брак в каком-нибудь Жмеринском погребе, или государственного чиновника, позволяющего этот брак реализовывать? Будь это нормальное государство, можно было бы обратиться в суд и основательно наказать производителя, но это — всего лишь Украина...

Увы, помощи или защиты от государства ожидать не приходится, — невольно ухмыльнулся Алексей. Оно слишком слабое, а для всех слабых характерна трусливость. Эти качества, сочетаемые вместе, непременно порождают жестокость к существам ещё более слабым. Государство не нашло ни копейки, чтобы спасти Настю, государство прогнало его самого, хорошего историка, из школы на стройку, государство не желает выплачивать помощь на детей. Те копейки, которые люди получают «якобы на детей», в действительности являются не чем иным, как своеобразным вознаграждением за нищету, до которой это самое государство и довело. Даже выборы Президента оно умудрилось провести не за собственный счёт, а за скудные средства наименее обеспеченных слоев населения. К примеру, кто участвовал в избирательных комиссиях — разве

бизнесмены, политики, адвокаты, экономисты с пухлыми кошельками? Нет, конечно. Так было задумано, чтобы им попросту было невыгодно этим заниматься. Комиссии формировались из нищих учителей, которых в украинском мире испокон веков принято презирать, безработных, конюхов, а также тех полууголовных элементов, которые не прочь продать душу за тридцать сребреников кому угодно. (Между прочим, во времена Христа на тридцать тетрадрахм-сребреников среднеарифметическая бедняцкая семья могла неплохо прожить почти год.) Им пришлось пережить изрядную нервотрёпку за ничтожную зарплату. Взамен смехотворных выплат, получаемых из центров занятости, безработным пообещали хороший заработок, что и послужило основной причиной их согласия на участие в работе комиссий на должностях председателей, заместителей и секретарей. Но им довелось по десять и более раз ездить в окружные комиссии, промерзать в очередях, ожидая выдачи бюллетеней или их принятия; ради этих поездок люди были вынуждены одалживать деньги у знакомых, но впоследствии оказалось, что проезды оплачиваться не будут. Для многих из них стало невозможным заключение договора с водителем, потому что предлагаемые сто восемьдесят гривен за пять выездов оказались слишком малой платой для того,

чтобы более или менее здравомыслящий человек согласился на такую работу. В результате председатель комиссии получил на руки восемьсот гривен, и никому не было дела до того, что четыреста, а то и пятьсот из них уже истрачены на пресловутые поездки «ради государства». Вот, что такое «украинское государство» и вот какого «добра» приходится от него ожидать...

Алексей был вынужден сделать краткий привал. Отбросив сумку с вещами, он в течение минуты туповато взирал на испорченный башмак, не находя никакого выхода из положения. Мозг, насквозь провеянный свирепым Бореєм, отказывался служить. Наконец, некая мысль осенила его, следствием чего послужило неуклюжее движение окоченевших рук к сумке. Порывшись среди её содержимого, он извлёк из её недр моток скотча. Он купил его почти случайно на винницком автовокзале, когда дочь настояла на этом ради своих детских фантазий. Он долго не мог надорвать конец мотка, потому что окоченевшие руки не слушались, но осознание того, что дети молча мерзнут в ожидании, пробудило в нём злость. Он рванул моток зубами и тот, словно испугавшись, послушно издал неприятный звук, означающий, что процесс пошёл. Долго ли скотч сможет удерживать подошву? Клейкая поверхность не терпит влаги; тепло, которое выделяется от ноги, будет

прогреть снег, в изобилии набивающийся в щель, что вскоре приведёт к потере липкости и скотч попросту отвалится.

Завершив операцию, Алексей занялся лицом и руками, которые переставал ощущать. Усиленно растирая их, он едва не завыл от боли, но вскоре всё прошло.

Нехорошо в такую погоду ходить без перчаток, а он забыл их в автобусе.

А в этот момент шофёрюга сидит в тёплой хате в компании с кумой и бутылкой самогона...

Вынужденная остановка привела к окончательному выветриванию драгоценного тепла из-под одежек детей, которые теперь дрожали от холода. Следовало ускорить шаг, чтобы предохранить малышей не столько от возможной простуды, но и от элементарного обмороживания конечностей.

Пройдя около трёхсот шагов, он обратил внимание на то, что Машенька дрожит, приняв «морозоустойчивую» позу.

«Нет, не могу я на это смотреть!» — мысленно воскликнул Алексей.

Сняв с себя куртку, он набросил её на дочь.

— Папа, ты же замёрзнешь! — попыталась возмутиться она, но отец уже продолжил путь, исключив таким образом возможность пререканий.

— На мне тёплый свитер с подкладкой, —

самоуверенным тоном заявил он.

Толку от свитера при таком ветре было немного, в чём совсем скоро ему пришлось убедиться. Но дети волновали его больше. Чтобы как-то отвлечься от собственных страданий, он попытался заговаривать ребятишек, неумело напевая им песенки из мультфильмов и рассказывая смешные истории. По реакции детей он понимал, что всё это мало их занимает, потому что в экстремальных условиях каждое живое существо склонно сосредотачиваться на проблемах собственной плоти. Впрочем, вскоре силы его иссякли и он замолчал. Каждое слово давалось с трудом, каждое усилие над своим голосом стоило расхода лишней энергии. Мозг, всецело зависимый от тела, ибо сам был частью его, отказывался думать над чем — то иным, кроме потребностей этого тела. Дети пока ведут себя весьма достойно, но только бы осознание усталости не вонзилось в их мысли слишком рано! Ибо всему существует известный предел, а тем более, детской выносливости.

При очередном мелькании пучков света сзади он уже не оборачивался в надежде, что некто сердобольный может остановиться. Надежда куда-то улетучилась.

Сколько раз в течение жизни приходилось слышать выражение «щырый украинец» в смысле

«искренний», «радушный». Однако на деле оказалось, что эти качества соотечественникам вовсе не присущи, а придуманы несколькими допотопными идеалистами-писателями вроде Нечуя-Левицкого или Сковороды. Их «щыро́сть» касается исключительно личных интересов, в поиске выгоды и ущемлении слабых. А чему удивляться: этот народ всегда чувствовал себя ущемлённым, — причём, не столько со стороны иностранцев, сколько со стороны таких же украинцев. В ДНК намертво отпечаталось: «Ущемляй тех, кто послабее тебя — ради собственного выживания!» Сейчас любят доказывать, что, дескать, во времена голодомора 33 года западные украинцы «охотно и щыро́» помогали бедствующим восточным украинцам. На самом деле всё обстояло далеко не так гладко. Тем «схиднякам», которым посчастливилось преодолеть границу, приходилось быть весьма осторожными, оказавшись в толпе «западняков», потому что, чувствуя беззащитность первых, вторые могли их ограбить или «сдать» полиции. Персидский ковьёр обменивался на пригоршню муки, золотое кольцо — на ведро зерна. Вот она, истинная цена «щыро́сти»... А поскольку типичный украинский крестьянин способен заботиться о свиньях больше, нежели о собственных детях, как можно от него требовать сочувствия к чужакам? Разве что

попадётся некто хорошо воспитанный...

Такие мысли проносились в сознании Алексея в те моменты, когда воспалённые от снежной крупы глаза в очередной раз провожали чью-то «тачку» как средство спасения. Да, не достижения цели, а именно спасения. Этот тезис сформировался в сознании Алексея, когда он поймал себя на том, что перестал ощущать пальцы рук, а обмороженные веки не пожелали открываться.

«Дети... Что с ними будет?» — вздрогнул он. Эта страшная мысль привела его в чувство и помогла собрать остатки энергии. Поставив дочь на ноги, он бросился к обочине и наскреб задубевшими пальцами немного снега. Это был не тот пушистый снежок, на который приятно взирать из окна теплого и уютного помещения, это не был даже мелкий примерзший снег; это было замерзшее крошево, состоящее из оледеневшей крупы и снежной корки. С трудом преодолевая невыносимую боль, он принудил себя растереть лицо и руки.

— Па, что ты делаешь? — не без удивления поинтересовалась Маша.

«Дитя, наверное, думает, что я тронулся умом... — мысленно посмеялся над собой Алексей. — Ничего, поймёт... когда-нибудь...»

— Это, милая, самое верное средство от обморожения, — объяснил он вслух.

— Папа, мне холодно в ножки, — пролепетал Павлик.

— В ножки? — словно в полудрёме переспросил отец, с трудом наклоняясь над башмачками ребёнка.

Скотч, как и опасался Алексей, не выдержал и отстал от поверхности обуви. Теперь ножка оказалась залеплена снегом, что причиняло малышу немалые страдания. Что касается подошвы, та едва держалась у каблука. Не было смысла перевязывать её снова, но если скотч прослужит даже десять-пятнадцать минут, было бы уже хорошо. Потому, нисколько не сомневаясь в правоте своего решения, Алексей старательно отчистил снежно-ледяную массу от башмака и снова перевязал его скотчем, истратив почти весь моток.

Если бы дорога пролегла через лес, лучше хвойный, он мог бы наломать ельника, соорудить шалаш, разжечь костер и обогреть детей, но, к вящему сожалению, на несколько километров в окружности простиралось голое поле. Лишь изредка попадались хилые деревца, которые кто-то посадил вдоль шоссе. Но и слово «деревья» звучало бы для этих слабеньких побегов слишком громко. Из них костёр не развести... И вокруг — ни одного стога сена или соломы, как это бывало в старые времена. Да уж, нынешние хозяева-фермеры сеют лишь кукурузу или рапс вместо пшеницы или овса.

Откуда же взяться соломе?..

Провожая тоскливым взглядом очередную машину, он поймал себя на том, что плачет. Горячие слёзы текли из воспалённых глазниц то ли под влиянием ветра, то ли осознания собственного бессилия и обиды. На что? На людей, которых с раннего детства школа и религия учат помогать ближнему, а они поступают наоборот? Или же на безымянного автора притчи «О добром самаритянине», который, по всей вероятности, просто придумал её? Состояние Алексея мог бы в полной мере понять лишь тот, кто однажды побывал в подобной ситуации. «Почему никто не останавливается? — навязчиво и беспокойно билась в его сознании одна и та же мысль. — Если бы я шёл один или находился рядом с какими-то кустами, это было бы неудивительно: в последние годы слишком часто встречаются разбойники и жульё. Но здесь — голое поле, всякий водитель издали видит двух детей и раздетого мужика, которые едва плетутся и у которых от холода зуб на зуб не попадает... Увы, из-за стёкол кабин смотрят только тупые, безразличные лица с самодовольными минами...»

Сколько времени они уже находятся в этой глуши — час, два или три? Кто знает... Алексей утратил возможность отсчёта времени, а извлечь из кармана куртки мобильник с часами уже не мог. На

сколько времени и шагов хватит сил у детей?..

— Ай!.. — вдруг вскрикнул он, падая.

На какой-то момент его сознание помутилось — настолько невыносимой оказалась резкая боль в рёбрах и затылке. Кое-как оклемавшись, он попытался встать на ноги, но левая конечность отказалась слушаться. Ощупав её, Алексей понял, что та сломалась в лодыжке. Преодолевая жестокую боль, он лихорадочно размышлял над вопросом: «Что делать?» Обыкновенно люди с подобными переломами могут самостоятельно передвигаться даже в течение суток; почему же не может он?

— Тебе очень больно? — склонились над ним дети.

Усилием воли он сконцентрировал всю волю.

— Почти не больно, милые. Только нога не хочет слушаться.

Встретившись взглядом с глазами малышей, он вдруг почувствовал в себе желание жить.

— Мы должны идти, детки. Вперёд, вперёд! — почти выкрикнул он. — Останавливаться ни в коем случае нельзя.

Этот порыв на какое-то время помог ему преодолеть боль. Когда очередная машина намеревалась пронестись мимо, он бросился на середину дороги, преграждая путь. Хозяин вроде притормозил, но в следующий момент резко свернул вправо и пронёсся мимо, едва не задавив

детей.

— А чтоб ты не доехал! — в сердцах крикнул Алексей ему вслед.

Чем может быть вызвано такое поведение владельцев автомобилей? Разве страхом перед бандитами? Вряд ли, ведь те не орудуют в такую погоду, да ещё используя в виде приманки детей. Бездушием? Опасением, что за услугу не заплатят? В кармане у Алексея находятся триста гривен, а этой суммы хватило бы даже на поездку в любом такси. «Это — его величество хамство!» — подсказал внутренний голос, с которым было трудно спорить. Хамство порождается тупостью. Значит, самым страшным грехом следует считать не поклонение идолам, как учит церковь, а тупость? И это истина, потому что Бог с какой-то целью даёт всем людям одинаковое количество разума и сообразительности. Почему же этот дар не все используют? Ведь если это не использовать, человек оказывается ограниченным, жадным, наглым. Пытаясь добиться высокого положения и денег, он способен не только проталкиваться с помощью локтей, но и запросто ступать по головам ближних и их трупам. Так появляются богачи и политики. И худшее состоит в том, что они плодятся!.. Страной управляет её величество Тупость. С нею невозможно бороться, поскольку она не способна ничего понимать и с лёгкостью

попирает писанные и неписанные законы человечности, некогда придуманные для более или менее интеллектуальных и чувствительных особей. Тупость возможно только пережить. Именно пережить, ибо рано или поздно должен наступить тот час, когда она пожрёт себя самоё...

Прыгать на одной ноге вообще — то возможно, но всего несколько десятков, пусть даже сто-двести шагов, но уж никак не несколько километров. Алексей осмотрелся по сторонам в поисках какой-нибудь опоры. И действительно, он заметил шагах в пятидесяти чахлое деревце. Кое-как доковыляв до него, он согнул тонкий ствол, пытаясь сломать. К сожалению, это с виду хлипкое растение оказалось ясенем, потому сломать его было не так уж просто. Однако, промучившись минут десять, человек таки победил, и в руках его оказалась неплохая палка, которая могла в течение некоторого времени служить в качестве опоры. Дети наблюдали за его действиями молча. Им больше не хотелось разговаривать.

Проковыляв метров сто, Алексей с сомнением посмотрел вначале на ногу, затем на сумку, которая при неуклюжей ходьбе болталась и мешала идти. Он уже снял её, чтобы выбросить прочь, но тут ему на ум пришла странная идея.

— Солнышки мои, сейчас будем согреваться! — неожиданно воскликнул он.

— Ты нашёл печку, папа? — спросил Павлуша.

— Вроде того, — усмехнулся он, распаковывая сумку. — У нас дома есть много-много разных вещей, и мы не станем беднее, если сожжём несколько одежек ради собственного спасения. Правда, милые?

— Мы будем жечь наши вещи? — испуганно спросила Маша, как истинная женщина.

— Да. Ты не бойся, дочка, папа не сдурел. Просто я не могу всё это нести, а выбросить жалко.

— Сейчас будет костёр! — воскликнул малыш и в его глазёнках засветились озорные искорки.

Алексей извлёк из кармана спичечный коробок, но самих спичек в нём оказалось всего несколько штук. «Почему было не купить ещё?» — пожал он плечами. В кармане куртки, в которой Маша стала похожа на чучело, находилась зажигалка. Эта мысль обрадовала его.

Спички оказались некачественными: при трении о коробок сера на них рассыпалась. Так было испорчено пять штук. «Что ж, произведено в Украине...» — констатировал он, глядя на коробку. Оставалось три, которые могли произвести тот же эффект. Что будет, если спички закончатся? У детей пропадет надежда и вера в папу. Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Алексей начал чиркать зажигалкой, но

тщетно: онемевшие пальцы не могли её держать, как следует. Опасаясь, что вещь может испортиться, он подышал на пальцы, пытаясь вернуть им гибкость и чувствительность, после чего снова зачиркал. Наконец из-под кремня родился долгожданный огонь и Алексей тотчас же поднёс его к сумке. Кое-как, с горем пополам пламя увеличивалось и набирало силу, а спустя ещё минуту в глазах детей появилось выражение заинтересованности. Это должно было означать, что они почувствовали прикосновение тепла.

— Подойдите, согрейтесь! — пригласил их отец. — Наклоняйтесь, милые, старайтесь «поймать» тепла как можно больше.

Во время этой остановки он попытался дозвониться по телефону кому-нибудь из знакомых, но тщетно. Несмотря на обилие антенн различных операторов связи по всей стране, иногда бывает невозможно куда-нибудь дозвониться.

...Запаса «пойманного» тепла хватило совсем ненадолго. Уже спустя минут пять дети ощутили, как промерзают руки и лица. А когда вдали показался размытый силуэт металлической «бабы», у путников не слушались ни руки, ни губы.

«Бабой» её в шутку называли пассажиры автобусов и водители. Это была большая вывеска в виде радушно улыбающейся женщины, державшей в руках плакат со словами: «Счастливого пути!»

Именно «бабой» заканчивалась область Винницкая и начиналась Черкасская. Это было утешительно, поскольку до Сатановки оставалось не более десяти километров пути, и где-то недалеко начинается асфальтированная дорога. Её заметало меньше, чем грунтовую, потому идти по ней должно быть значительно легче. Где-то здесь, в стороне, в нескольких километрах справа находится деревня Тарнава, жителям которой в этот час должно быть неплохо спится...

Проковыляв ещё полкилометра, Алексей обрёл нечто вроде второго дыхания, но если в иное время это означало бы готовность к продолжительной борьбе за выживание, то сегодня оно выглядело как признак истощения сил физических и духовных.

Далеко впереди сквозь снежную мглу мелькнул несмелый, размытый, словно пьяный, пучок света — это мог быть только прожектор ретрансляционной вышки.

Вскоре и вправду начался асфальт. Стены, в которые превратились обочины дороги, ставали заметно ниже, на дороге виднелась чёткая колея, оставленная колёсами машин, да и ледяная корка здесь не была такой скользкой, как раньше. В самый раз было бы продолжить путь бодреньким шагом, но взрослый человек уже не мог себе этого позволить.

— Папа, у меня снова топик... — виноватым тоном объявил Паша, уставившись на башмак с растерянным видом.

Подошва отлетела вовсе, оставив ребенка практически босым. Не теряя времени на размышления, Алексей велел Маше снять свой сапожок для брата, а ей отдал собственный. Детям будет неудобно, зато обувь не слетит с их ног. Несмотря на несоответствие размеров, она не даст детским ногам замерзнуть.

Для надёжности он крепко обвязал сапожки вокруг ног и теперь дети их не потеряют. Сам же он остался босой. Ощущения были далеко не из приятных, но минут через десять, когда ноги начали неметь, ему стало всё безразлично.

Между тем идти было всё ещё тяжело. Он заметил, что дети устали настолько, что готовы сдаться или уснуть на ходу. Он и сам едва плёлся. Если раньше он периодически нёс одного из наследников, то после перелома ноги делать этого не мог.

Малыш, конечно, оказался слабее и свалился первым. Именно в этот момент сердце Алексея ёкнуло в предчувствии чего — то ужасного, именно в тот миг он испытал прилив неведомого доселе страха перед обречённостью. «Судьба!..» — словно выстрелило в сознании.

Передав палку дочке, он взял Павлика на руки

и, едва выпрямившись, попытался нести на руках. Это оказалось чрезвычайно трудоёмкой задачей. Одна нога — босая, занемевшая — скользила по льду, а другая, увечная, не могла выдерживать его вес и норовила подогнуться в любой неподходящий момент. При очередном приступе боли, Алексей не выдержал и выругался. Его охватило чувство непередаваемой злости — злости на обстоятельства, на самого себя, водителей, дороги, государство, — и он, на зло самой боли, ступая на больную ногу изо всех сил, заставил себя идти быстрее. До поры до времени это получалось, — пока боль не сделалась настолько нестерпимой, что упрямец вынужден был остановиться и сесть на обочине.

Когда ощущения позволили ему уравновесить мышление, он посмотрел на Машу и заплакал.

— Простишь ли ты меня, девочка?

— За что, папа?

С выражением покорности судьбе она присела рядом и со слезами в глазах прижалась к нему. Павлик, утомлённый дорогой, сопел, забывшись в тревожном сне. Эти беззащитные создания преподали ему яркий пример того, что почему-то принято называть мужеством — именно так, безропотно и спокойно, следует принимать всё то, что предлагает судьба.

Вскоре девочка уснула на его груди. Его

самого убаюкивала странная, всемогущая сила, противиться которой он не находил сил. Веки давно слепились столь крепко, что не было мочи заставить их раскрыться. Плоть уже пребывала в том состоянии, когда перестаёт ощущать холод и ей почему-то становится тепло и уютно. Её охватило странное оцепенение, взгляд замутился непонятной дымкой, как это происходит в те минуты, когда забываешься во сне.

Алексей так и уснул, прислонившись в ледяной стене дорожного туннеля, не желая более ничего. Его полузакрытые глаза неподвижным взглядом смотрели вдаль. Сквозь пелену, застилавшую взор, ему показалось на какой-то миг, будто выюга прекратилась и в одном месте небосвода в толще облаков образовалась трещина, сквозь которую пробивается мерцание какой — то звезды. Этот слабый лучик далекого холодного света согревал его теплом до тех пор, пока удивительным образом не раздвоился. Это видение увеличивалось, расплывалось в уходящем сознании, пока не исчезло вместе с ним совершенно...

Житейское дело

Этот летний день, как и несколько предыдущих, принёс жару. Несмотря на то, что солнечный диск едва поднялся над горизонтом,

люди уже изнемогали от зноя. Даже листья на деревьях поникли с той непередаваемой печалью, которая предвещала обречённость. Да и птицы куда-то исчезли.

Однако людям невозможно убежать под спасительные крыши домов или тени деревьев, поскольку была в разгаре уборочная страда. Одна за другой машины свозят с полей на ток пшеницу, которую нужно готовить к сортировке. Бабы и мужики, запыленные и потные, трудятся до изнеможения.

Но народ наш тем и отличается от других, что умеет скрасить даже такие неприятные моменты. Как свидетельство сему, то тут то там то и дело слышится жизнерадостный смех.

— Эй, Кирюха! Тебе не жарко в штанах-то?

Это был звонкий голос Ксюхи, бабы молодой и красивой, вроде кустодиевской Венеры.

Позабыв о всяких условностях, большинство женщин пораздевались, оставшись в одних лифчиках. И это было правильно, потому что пыль, скапливаясь под одеждой, проникает в кожные поры и вызывает невыносимое жжение. Мужики, — грязные, загоревшие, чумазые, — тоже ходили если не в шортах, то в одних трусах. Только один из них, претерпевая неудобства, оставался в плотных штанах армейского покроя.

— Какое тебе дело? — ответил он сквозь зубы

возмущённым тоном. — Как хочу, так и хожу.

Ксюха что-то промолвила ближайшим товаркам, следствием чего стал взрыв звонкого женского смеха.

Работа продолжалась до самого обеда. Наконец пришли сменщики, благодаря которым бригада смогла позволить себе кратковременный отдых. Для того, чтобы пообедать, недостаточно просто вымыть руки, потому все устремились к Змеёвке. Это, конечно, не Волга, но как раз недалеко от тока она разливается широким зеркалом, что делает её вполне пригодной для купания.

По вполне понятной причине женщины купались отдельно от мужчин, — тем более, что места для таких удобств было предостаточно. Но Кирилл почему-то ушёл даже от мужчин. Он забрёл в камышовые заросли, где, наконец, начал стаскивать с себя штаны, пропитанные потом и пылью, после чего, кряхтя, полез в спасительную воду. Здесь было хорошо. В отличие от мелководья, которое выбрали бабы, в этом месте били ключи, что делало воду прохладной. Тело не только отмывалось, но и отдыхало.

Но в этот день, похоже, Кирюхе не было суждено оставаться в покое. Не успел он выйти на берег, как из-за камышовых зарослей на него набросились женщины. Предводительствовала ими

всё та же Ксюша.

— Во, неуёмная! — проворчал один из мужиков, созерцая эту сцену издали.

— Да уж, женское одиночество — не шутка... — ухмыльнулся другой.

— Паша, а может помочь Кирюхе? — нерешительно произнёс третий.

— Как ты себе это представляешь? — ответил тот. — Да и... Дело-то житейское. Оно тебе надо? Ещё самому достанется...

Махнув рукой, он направился в сторону колхозной столовой. Вслед за ним поплелись остальные.

— Как водичка? — поинтересовалась повариха, русоволосая Анфиса.

— Да так себе... Вода как вода... — вяло ответил Павел.

— А чего так грустно? — удивилась женщина.

— Да так...

Анфиса и Кирилл проживали в одном доме. Но не как муж и жена, — в деревне подробностей такого рода не утаить. У Анфисы был муж Юрий, мужик хороший и вежливый. Он трудился трактористом в том же колхозе. В летнюю пору ему приходилось настолько зарабатывать, что иногда и домой не являлся. Это давало повод злым языкам утверждать, что в отсутствие Юры Анфиса развлекается с Кириллом. Шведская семейка, так

сказать... Однако в ответ на подобные предположения, выражаемые в виде почти безобидных шуток, семья лишь улыбалась. Ещё кто-то говорил, что Кирилл может приходиться Анфисе братом. В этом случае становилось всё понятно. Но напрашивался вопрос иного порядка: почему же Кирюха, мужик хороший, здоровый, красивый и хозяйственный, неженат? В Сычёвке полным-полно молодых и красивых баб, но он на них не обращает внимания. Вот уж загадка...

Мужики уже доедали второе, как подъехал УАЗик председателя. Тоже работа не из самых сладких. С утра до ночи носишься по окрестностям, едешь отчитываться в райцентр, ещё куда-то, и надо всюду успеть, всё проконтролировать...

— Здорово, мужики! — приветствовал он едоков. — Приятного аппетита!

— Спасибо, Петрович! — ответили они. — Ты чего такой грустный? Лучше присаживайся с нами.

— Спасибо, ребятки, — вежливо отказался председатель. — Нет времени. А где ваш Носов?

— Кирюха-то? Да там бабы его донимают... — прыснул со смеху самый молодой.

— Бабы? — как-то настороженно промолвил Петрович. — Снова Ксюха?

— Она самая...

— А зачем тебе Кирюха? — спросил Павел.

— Да вот, транспортёр на ферме сломался.

Кто ж его починит, если не он?..

— Это точно...

Сосредоточив взоры на содержимом тарелок, мужики продолжили трапезу.

В это время к столовой начали сходить женщины. На лицах некоторых из них отражался оттенок задора, другие светились непонятым недоумением, третьи выражали откровенный стыд.

— А где Ксюша, где Носов? — спросил Петрович.

— Там... — неопределённо ответили ему.

В атмосфере образовался тот странный накал, который иногда способен вылиться во что-то недоброе. Воцарилась напряжённая тишина.

— Вот дуры, вот дуры!.. — покачал головой председатель и, сплюнув в сердцах, поспешил к машине.

Усевшись за столом, бабы едва ковыряли в тарелках. Мужики, закончив обед, ретировались прочь. Только Анфиса, тарахтя своими мисками, ничего не замечала в разгаре кухонных хлопот.

В течение этого дня Кирилл больше не появлялся. Его не могли отыскать нигде. На вопросы Ксюха ничего не отвечала, только странно опускала взор... Как будто осознавая какую-то большую вину и угрызения совести.

Не появился Кирилл и на следующее утро. Мало того: пропали и Юрий с Анфисой. Хата, в

которой они проживали, была заперта. На недоумённые вопросы сельчан Петрович ничего не отвечал, хотя было заметно, что он вполне осведомлён о причинах.

— Ладно, — сказал он в ответ на приставания одного из любопытных. — Не дадите вы мне покоя, замучите. Да и все равно уже ничего не вернуть... Итак, слушайте. Гуляев Юрий — бывший капитан-танкист. Вместе с Носовым они служили в «горячей точке». Дома Юрия ждала молодая жена, Анфиса. Кирилл был ещё совсем молодым солдатом-срочником. Однажды их машина загорелась. Рискуя жизнью, Кирилл спас всех членов экипажа и своего командира, но сам при этом сильно пострадал. Он долго находился в госпитале, перенёс несколько операций, в том числе и в паховой области. Там всё удалили, понимаете? Ему казалось, будто теперь никому не нужен... Но Гуляевы приняли его в свою семью. Юрий уволился из армии... Вот так. Год назад они поселились в нашей Сычёвке, да видать, не судьба...

С этими словами председатель обвёл присутствующих взглядом, исполненным укоризны.

В эту минуту каждый невольно почувствовал стыд. Почему молчали раньше, почему? Ах, если бы знать... Но разве для того, чтобы относиться к

человеку по-человечески, необходимо знать о нём то, что не положено?..

Спустя неделю из села выехала и Ксюха...

История одной болезни

Современный человек есть нечто, что должно быть побеждено.

Ницше

Предисловие

Чем выше ты поднимаешься, тем меньшим становишься в глазах завистливых мира сего. Больше всего общество ненавидит парящего над суетой, и особенно друг и любимая женщина. Они пытаются забросать грязью и несправедливостью сильного духом, возвысившегося; но чем больше бросают, тем ярче им нужно светить, — если хочешь остаться звездой хотя бы для себя. Следует остерегаться припадков своей любви к ближнему и дальнему: одинокий слишком скоро протягивает свою руку тому, кто с ним заговорит; а есть масса людей, которым следует протягивать не руку, а лапу, вооружённую когтями. Если человек ищет самоусовершенствования, ему следует вначале сжечь самого себя в своём собственном пламени, — иначе невозможно, — вместе с былыми иллюзиями,

наивностью, глупостью и... человечностью.

Вообще-то тот тип государства, который с некоторых пор стал общепринятым на планете, вполне соответствует принципу, по которому устроен животный мир, — с его борьбой за существование и законами джунглей. Только, к превеликому стыду, эти «законы джунглей» применяются не в честных условиях саванны или каких —нибудь гор, а в огромном курятнике, который так напоминает человеческое общество. В нем полным — полно курочек и петухов, которые всегда стремятся стащить друг у дружки лишнее зернышко, используя самые разнообразные методы и средства. Петухи в каждом отдельно взятом курятнике постоянно конкурируют между собой за право спариться с лишней самкой и за первенство, а курочки хитрят, ссорятся, дерутся между собой не менее жестоко, чем мужская половина, и ведут интрижки ради того, чтобы выделиться перед петухами. Все устроено, как у людей — приветствуется стремление выделяться, быть выше, сильнее, «круче»; а курочки, в свою очередь, отдают предпочтение тем петушкам, которые считаются первыми, более сильными, лучше усвоившими мораль курятника. Они поступают так, как их научили мамы и бабушки, отцы и деды...

С самого утра настроение у Алёхина было, что называется, ни к чёрту. Таковым оно являлось уже в течение нескольких дней, — ровно столько, сколько на него насаждают жена и тёща, требуя проведения ремонта в квартире и поездки в Анатолию. Чтобы всё было «как у нормальных людей»... Собственно, тёще Анатолия не нужна, но она настаивает на этом пункте из чувства солидарности с дочерью. А насчёт ремонта... Как же: Никитины, соседи по площадке, истратили на это свыше пятнадцати тысяч долларов, соорудили навесные потолки, утеплили полы, налепили на стены всякой всячины. Получилось, мягко говоря, безвкусно, даже смотреть противно. Даже последнему шизофренику из числа подопечных Алёхина не мог бы прийти в голову подобный маразм, но зато «дорого». В понимании обывателя дороговизна свидетельствует о статусе хозяев и является их своеобразным лицом, служит неформальным пропуском в элиту стада.

Почти точно такой же ремонт произвели Санины — родственники по линии супруги. Санин — депутат, заместитель городского мэра; его жена, используя связи мужа, занимается бизнесом. У них денег — хоть пруд пруди, вот и могут позволить себе удовольствие выбрасывать их на всякую чепуху. Алёхину волей-неволей приходилось

бывать у этих людей. На его взгляд, лучше бы они никакого ремонта не затевали, — настолько неуютно стало в их жилище.

Но Светлана требует... И тёща... Марья Васильевна... Чёрт с ней, он её терпит. А вот жена... Ей трудно привыкнуть к тому, что материальные возможности мужа убавились после его перевода в Винницу. Пока он занимал внушительное положение в Академии медицинских наук, Свете не приходилось о чём-либо беспокоиться. Захотела мебель — получи, взбрело ей побывать в Праге — он её пристроил к делегации в качестве сотрудника своей лаборатории, вздумалось отдохнуть в Сочи — пожалуйста (за счёт резерва)... Тёщи в те годы рядом не было, никто не портил настроение, а внутрисемейные решались плавно, сами собой.

Однако всему на свете приходит конец. Алёхин, психолог с мировым именем, кому-то не угодил, его лабораторию закрыли, согласно настойчивому требованию когорты политиков, недавно пришедших к власти. Звание академика, конечно, не отняли, зато кое-кто счёл, что он ещё слишком молод для того, чтобы состоять в ВАКе (аттестационной комиссии, присуждающей учёные степени). Он мог бы остаться вообще без работы, если бы не бывшие друзья. Ему предложили временно возглавить одно из отделений винницкой

психиатрической больницы. Соответственно, доходы и возможности Алёхина значительно снизились, что немедленно сказалось на качестве взаимоотношений со Светланой. С момента переезда в этот город он долго не мог понять, как и почему отношения, в течение многих лет безукоризненные и чёткие, вдруг дали трещину. Как будто между двумя людьми, понимающими друг друга с полуслова, пробежала неуловимая мрачная тень.

Тень... Как тучи, нависавшие над городом несколько дней. Нынешний май выдался удушливее иного июля — ни росы, ни дождика, ни резвого чириканья птичек по утрам. Противные испарения от асфальта, пыль, копоть от тысяч автомобилей — и больше ничего. Желанного дождя тучи не принесли. Скорее наоборот, — они как будто образовали над городом непроницаемый купол, сквозь который не могли проникнуть ни ветер, ни влага, ни вообще какие-либо изменения. Состояние казалось жутким, напряжённым, утомительным, размягчающим сознание. Даже больные, которым, казалось бы, всё безразлично, вели себя нестандартно. Среди них встречались разные люди. Одна женщина пыталась покончить с собой. Раздобыв откуда-то кусочек лезвия, она искромсала себе обе руки так, что хирургам пришлось провозиться с ней всю ночь. До наступления

проклятой облачности она производила впечатление почти здорового человека, — настолько «почти», насколько можно считать «здоровыми» миллионы её сограждан «по ту сторону» больничного забора.

А Никитка из шестой палаты (на самом деле Никита Акимович, математик высшего уровня) отказывался от еды и целыми сутками записывал сложнейшие формулы. Вот они, эти листы, покоятся в отдельной папке на столе. Если кому-то и суждено в них разобраться, то не сейчас и вовсе не ему, Алёхину.

Боже, когда, наконец, рассеется эта проклятая облачность, разъедающая саму душу, как кислота? Изволит ли она когда-нибудь разразиться дождём? Как это надоело! На работе все ходят, словно сонные. «Как мухи в дихлофосе», — выражается «Деникин», один из пациентов отделения. Возомнив себя знаменитым генералом, он всё время требовал деятельности.

Есть и «Колчак». Это бывший географ, талантливейший человек тридцати пяти лет, изъездивший весь СНГ. Географ от Бога, но неостребованный обществом. Он мог бы организовывать экспедиции, как в своё время адмирал Колчак, совершать открытия или, в худшем случае, трудиться рядовым учителем в школе. В глухой деревушке, одной из сотен, где не

хватает педагогов. Мог бы вести монотонный образ жизни и умереть в своей постели от старости, если бы не война в Чечне. В то время он, как гражданин России, был призван в ВДВ, воевал... Честные ребята, прошедшие сквозь горнило опасностей, возвращаются «оттуда» с болезненным чувством справедливости. Уволившись в запас, этот человек поступил на географический факультет, закончил его с отличием, но вынужден был отказаться от перспектив и уехать на Украину. Здесь живёт его больная мать, которой противопоказан климат России. Увы, здесь не пахло ни работой, ни возможностью выжить. Средства, которые ежегодно выделяются правительством на географические исследования, бесстыдно присваиваются членами того же правительства. Даже на работу в школу парня не принимали, требовали взятки. Пожалуй, Украина — единственная страна, где умудряются делать бизнес на этом. Для того чтобы устроиться рядовым учителем на ничтожную зарплату, следует дать «на лапу». Поскитавшись по кабинетам, «Колчак» однажды сорвался: «Ах вы, крысы тыловые!..» Избив нескольких чиновников, он оказался в стенах уютной палаты...

М-да... Облачность — штука недобрая...

Отвлёкшись от навязчивых мыслей, Алёхин взглянул в окно. Из-за жёлтых штор в помещение проникал равномерный, хоть и тусклый, свет. Внезапно скрипнула дверь, пропуская женскую фигуру. Это была Третьякова, врач-психиатр — красивая, пышногрудая, жизнерадостная блондинка. В это утро даже она выглядела довольно грустной.

— Здравствуйте, Николай Арсеньевич, — нарушил кабинетную тишину её несколько низкий бархатный голос.

— Доброе утро, Лина Сергеевна, — ответил Алёхин, невольно конфузясь.

Почему её взгляд оказывает на него такое действие, почему принуждает его сердце биться учащённо? По какой причине он, человек довольно сдержанный, едва не млеет от этого голоса?

Женщины — создания умные и хитрые. Даже самая глупая из них способна понимать, какое воздействие производит на конкретного мужчину. А Лина производила впечатление отнюдь не глупого человека. Даже в профессиональной деятельности. Накануне его прибытия в Винницу её кандидатуру выдвигали на должность заведующей отделением, так что если бы не Алёхин, хозяйкой этого кабинета стала бы Третьякова.

— Как спалось, коллега? — устало

поинтересовался он.

— Неважно, Николай Арсеньевич, — улыбнулась она. — Да и вы, насколько я понимаю, тоже плохо отдохнули...

— Да... Эта погода, знаете ли...

Говорят, будто она пишет книги и даже издала три или четыре...

Как она спит, как проводит вечера, с кем коротает длинные ночи? До сего дня Алёхину и в голову не приходило, что у его заместительницы может быть личная жизнь, что она — женщина. Странно, что он начал это понимать только сейчас. К чему бы это?..

— У нас, стариков, настроение напрямую зависит от самочувствия, а самочувствие — от погоды, — пошутил он.

Загадочно улыбнувшись, она ответила:

— Вы вовсе не старик. У вас, наверное, ещё и дети не выросли...

Ей, наверное, хотелось сказать, что он выглядит лет на тридцать, как молодой папаша, хотя на самом деле ему недавно исполнилось сорок восемь.

— У меня нет детей, — печально ухмыльнувшись, сказал он.

— Извините...

Он заметил, как в её взгляде промелькнуло выражение подлинной неловкости. Её «извините»

прозвучало почти как диагноз хронической болезни.

— Ничего, Лина Сергеевна. Вы правы: в моём возрасте давно пора обзавестись детьми, но...

Почему-то из груди вырвался красноречивый вздох, словно проявление сокровенных мыслей и неисполненных желаний.

— Ладно, присаживайтесь. Что нового в отделении?

— В общем, без происшествий.

— В общем?..

— Да... Правда, «Мопассан» снова начал «рожать»...

— «Мопассан»?.. А, Томский из пятой палаты!.. Всё не могу привыкнуть к вашей традиции наделять подопечных прозвищами.

С этими словами Алёхин улыбнулся.

— Извините... Если вы против, я больше не буду...

— Да ничего страшного... Кстати, ваши прозвища всегда точны. Ну-ну, и что там с Томским?

— Вы просили уведомить вас, если ему в очередной раз захочется сочинять. И вот, не далее, как сегодня ночью он начал писать. Да вот, сами полюбуйтесь.

Лина Сергеевна протянула заведующему несколько листов, исписанных размашистым

почерком.

Взяв в руки один из них, он начал читать, медленно разбирая слоги:

«...Вы говорите о счастье? А что такое счастье, по-вашему? Отстроить двухэтажный особняк, напичкать его шикарной мебелью, устроить ванную из чистого золота, — это счастье? Туалет из изумруда... Но помилуйте! Разве от этого вы станете человечнее, возвышеннее, мудрее, добрее? Экая глупость! Суета... Не лучше ли присмотреться к глупым животным? Они, как мне кажется, лучше нас знают, что такое счастье. И умеют ценить такие моменты, в отличие от нас. Вот, к примеру, бабочка. Казалось бы, порхает себе от цветка к цветку, ни о чём не думая, пока её не слопают птичка или не погубит ливень. Бессмысленное существование, думаете вы. А я не согласен. Потому что в непонятном для нас порхании бабочки намного больше здравого рассудка и смысла, чем в нашем карьеризме, накопительстве, меркантильности. Порхая, бабочка выполняет своё предназначение — опылять растения и радовать взор художника. После того, как растения отцветут, бабочка размножится и умрёт. Заметьте, вовремя умрёт, не задерживаясь в этом мире ни единой лишней минуты...»

На этом месте рукопись обрывалась.

— Простите, Николай Арсеньевич, это всё,

что мне удалось изъять... — робко промолвила Третьякова.

— «...намного больше здравого смысла...» — повторил Алёхин, словно не слыша её. — А ведь этот человек прав...

— Не знаю... — ответила она, грациозно пожав плечами. — С точки зрения...

«Она красива... — глядя на неё, подумал он. — Чертовски красива. Какие плечи, какие глаза, какое тело!.. Сейчас сморозит какую-то чушь, как из учебника по психиатрии, и испортит впечатление...»

— Лина Сергеевна, скоро обход... Вы уж простите, я должен подготовиться... Давайте встретимся после обхода, обсудим кое-что, чайку выпьем...

— Хорошо...

Вроде не обиделась...

Из головы не выходили строки из писанины Томского. «Мопассан»... А ведь неплохо пишет... И стиль лёгкий, как у... Мопассана... Или даже Дюма, Ницше... Мыслит нестандартно... Интересно, что за человек...

Алёхин открыл верхний ящик стола, откуда извлёк папку с историей болезни Томского. Положив её на стол, он с минуту рассматривал обложку, словно не решаясь открыть её. «*Томский Аркадий Олегович...*» — свидетельствовали

большие буквы, чёрным маркером выведенные рукой медсестры.

Но сейчас в историю очередного сумасшествия ему как-то не хотелось углубляться. На память пришли недавние события, имевшие место ещё в Киеве.

Однажды для него выделили дачу. В отличие от стандартных дач с небольшим домишком и двумя сотками земли, это был добротный дом в полтора этажа и садом. Кто здесь хозяйничал до Алёхина, оставалось лишь гадать, поскольку даже у соседей ничего не выпросить. Каждый из них — тайна за семью печатями. Хотя, конечно, кое-что удалось выяснить. Один из соседей занимал важное место в СБУ, другой — в Министерстве внешней торговли, третий — генерал в отставке. Но все эти люди вели довольно замкнутый образ жизни, предпочитая умалчивать о себе и не расспрашивать о других. Но дело не в том.

Итак, дом оказался в надлежащем порядке. Но Светлана повертела носом и потребовала соорудить балкончик. Зачем он ей понадобился? Да просто так. Алёхин, мало смысливший в строительных таинствах, высказал предположение, что здание вряд ли рассчитано для балкона и эта лишняя пристройка может оказаться слишком тяжёлой для стены. Увы, тогда этим словам не придали значения. Ничего не говоря мужу, Светлана наняла

бригаду «шабашников» и потребовала от них немедленного сооружения балкона. Тем людям не было разницы, что и к чему пристраивать — лишь бы исправно платили за это. Они и выполнили всё, что заказала Светлана. После того, как она рассчиталась, дом дал трещину. Балкон действительно сыграл роль лишнего груза и потянул стену. Вместе со стеной начала крениться крыша. Стало понятно, что следует немедленно убрать балкон и ремонтировать стену. Снова затраты... Тогда жена даже не признала себя виноватой... А ему было некогда задуматься о том, что его слово для неё не имеет значения.

«Почему она пытается командовать мною? — возмутился Алёхин, откладывая папку. — Если моё слово для неё не авторитетно, если с моим мнением не считаются, значит... Не семья, а пролетарский кагал... Да ещё тёща...»

Доселе ему и в голову не приходили мысли о вражде с тёщей, характерной для многих мужчин. На протяжении жизни всё складывалось таким образом, что тёща всегда находилась далеко от супругов и не могла вмешиваться в их дела. По уши занятый вначале учёбой, затем работой, защитой диссертаций, исследованиями, Николай Арсеньевич не имел времени на склоки или ссоры. Так он и не заметил наступления того периода, когда человек способен оглянуться назад и заметить отсутствие

чего-то важного. Возможно, что он и не оглядывался бы вовсе, а продолжал двигаться вперёд, и никогда не задался вопросами, надоедавшими в течение последних дней. Они нахлынули на него как-то вдруг, словно штормовая волна, разрушающая песчаные замки. В таких случаях человеку надобно разбираться в себе. Алёхин знал это не только как человек, но и как психолог. Психиатрия вовсе не относилась к числу его хобби; превратившись в основной источник его доходов, она оставалась всего лишь вынужденным вариантом. Иное дело психология... Но на сей раз даже она не могла ему помочь, потому что не давала готового ответа. Одно дело изучать чью-то личность, помогать кому-то, что-то советовать, а другое — самому что-то переживать. Тут дело в духовном аспекте, но даже психология не касается той области, которая выходит за рамки разума, чувственности, нервной деятельности. «Псюхе» означает «душа». К сожалению, ни одному из психологов до сих пор не удалось приблизиться к ней.

Он снова взглянул на обложку. *«Томский...»* — мысленно проговорил он, открывая папку. Анкета, характеристика с места работы, свидетельства от родных — всё это должно было указывать на наличие каких-то отклонений в психике «Мопассана» и подчёркивать

необходимость его изоляции от социума, но, пробегая глазами строку за строкой, Алёхин не находил ничего особенного.

— Родился в 1963 году, учился... Ого, три высших образования, кандидат наук, работал журналистом в одной из самых читаемых газет... Преподавал... Публиковался, издавался... Шесть книг — повести, романы... Гм, что он делает *здесь*, в этом доме печали? Помещён в отделение около года назад... А почему я до сих пор не поинтересовался его историей? Странно...

Он вспомнил, что «история» Томского попала к нему всего неделю назад. До того она находилась в сейфе у Третьяковой.

— *«Неадекватно реагирует на общепринятые нормы, агрессивен, склонен к жестокости, страдает галлюцинациями...»* Почерк Третьяковой... Странно...

Нет, сейчас он явно не в настроении вчитываться и вдумываться в эту историю. Да и обход...

Впервые в жизни Алёхину пришло в голову, что работа тяготит его. Что-то в ней «не так»...

3

— Итак, Сенчиной уколоть кубик «Реланиума», а на завтра пусть начинает посещать

физиотерапию, — говорил заведующий в то время, как лечащий врач записывал. — Что касается Иванова... В связи с обострением я бы рекомендовал применить успокоительное.

— Хорошо, Николай Арсеньевич, — кивнула Третьякова. — Мы учтём ваши рекомендации.

— Да, едва не забыл, — прервал её Алёхин. — Тот парень из второй палаты, как его фамилия?..

— Которого обвиняют в убийстве?

— Да.

— Кучкин.

— Точно... Мне кажется, что он пытается «косить».

— Симулировать? Что вы! Согласно заключению комиссии...

— Лина Сергеевна, нам с вами ведь известно, как делаются подобные «заключения»?.. В особенности, если его отец — прокурор области... Ладно, пусть за ним понаблюдают ещё пару дней... Ведь у меня нет оснований подозревать вас в чём-то незаконном...

Третьякова сдержанно улыбнулась. Придирчивый взгляд нашёл бы её улыбку наигранной, а в глазах увидел бы тщательно скрываемый испуг. Однако мужчина способен видеть в женских глазах лишь то, что желает видеть, потому этой мимике Алёхин не придавал должного значения.

— Что касается Томского... — продолжала она. — Я считаю, что было бы неплохо направить его на сеансы психотерапии.

— Томский, Томский... — задумчиво произнёс он. — Я полагаю, что психотерапия преждевременна. Надо бы понаблюдать за ним. А пока было бы неплохо вообще отменить для него все препараты.

Он не отважился заявить прямо о своём подозрении, что этот человек находится в полном здравии, поскольку это означало бы признание Третьяковой некомпетентной... Как минимум...

— Отменить? — как-то настороженно воскликнула женщина. — Томскому?!

— Видите ли... Случай с Томским весьма интересен... Я бы хотел понаблюдать за ним лично. Так сказать, в чистом виде...

Лина Сергеевна ответила тем жестом, который мог бы означать «Как вам будет угодно» и, стремясь уйти от темы, вдруг спросила:

— А как насчёт обещанного чаепития?

Николай Арсеньевич стушевался.

— Чаепитие? Ах, да... Простите... Сейчас поставлю чайник.

Он пошарил взглядом по кабинету, но искомый предмет затерялся среди массы книг и столов.

— Знаете что? — наконец произнёс он

решительным тоном. — А не согласитесь ли вы просто пообедать со мной?

— Пообедать? Что ж, я только «за»...

По пути он заметил на себе её придирчивый взгляд. Не говоря ни слова, Лина Сергеевна стряхнула с его плеча пылинку. Может, никакой пылинки и не было, тем не менее, этот ничтожный знак внимания чрезвычайно польстил Алёхину. За обедом она то и дело ухаживала за ним, предлагая то соль, то перец. Разговор поначалу не клеился. Да и вообще о чём принято говорить во время еды двум малознакомым людям, которые хоть и разнополые, но всё же привыкли воспринимать друг друга как коллеги? Да и Алёхин, воспитанный столичной профессиональной этикой, не решался начать первым. Впрочем, после того, как основные аппетиты желудка были удовлетворены, его взор потеплел, в жестах появилась некоторая раскованность, настроение, словно по мановению волшебной палочки, улучшилось. Да и пока они шли к кафе, тучи рассеялись и улицы, наконец, после продолжительной серости, воссияли в блеске солнечных лучей.

— Простите, Николай Арсеньевич, — начала Лина Сергеевна, — но я бы своему мужу, ни за что не позволила кушать в кафе.

— Это почему? — удивился он. — Не из ревности ли?

— Нет, вовсе не из ревности. Дело в том, что никогда не можешь быть уверен в качестве приготовленных блюд. В кабаках можно скушать такое, что потом придётся долго лечиться.

— Бывает... — кивнул он. — Но, простите, каким образом можно выйти из положения?

Лицо собеседницы озарилось добродушной улыбкой.

— Во-первых, муж, загруженный работой, может, конечно, питаться в отделении. Но... Он должен всегда чувствовать заботу любящей жены. А для того, чтобы он её чувствовал, ей следует снабжать его домашней пищей. Вот я бы, к примеру, не поленилась готовить для своего мужа... А домашняя пища всегда вкуснее казённой. Она намного питательнее и... В общем, у моего мужа никогда не будет болеть желудок.

Третьякова снова одарила его милой улыбкой. Слушая её, Алёхин невольно задумался, тщетно пытаясь подсчитать, сколько раз за двадцать шесть лет супружества Светлана для него готовила. Это оказалось настолько сложным, что он отказался от счёта. И не потому, что не хватало цифр, а потому что благоверная готовила редко и отвратительно. Мало того, она и не желала научиться этому.

— А вы разве не замужем? — робко спросил он.

— Нет, не замужем. Была, но недолго...

Знаете, хочется, чтобы рядом находился достойный и понимающий человек.

— Странно...

— Что странно?

— Ну, вы — такая красивая и умная, а не замужем...

Лина на миг задумалась, после чего сказала:

— Лучше ничего, чем что-нибудь. Лучше уж я умру в одиночестве, чем растрочу жизнь на какого-то тупицу или драчуна.

— Это верно... — задумчиво произнёс Алёхин.

— Впрочем, не слушайте меня. Честно говоря, я очень хочу замуж. Хочу, чтобы был дом, чтобы в нём было тепло и уютно, хочу ребёнка... Хочу, чтобы меня любили и лелеяли... А вы — должно быть, счастливы в супружестве?

Она спросила об этом! До сих пор никому и в голову не приходило интересоваться мнением Алёхина о том, счастлив ли он. Ещё какой-нибудь месяц назад он бы без раздумий ответил положительно, но сейчас призадумался.

— Не хочу вам лгать, Лина... Сергеевна...

— Можно просто «Лина»...

— Лина... За последнее время я многое понял... Знаете, иногда на людей снисходит нечто вроде озарения...

Она, без сомнения, всё поняла и без его

объяснений. Поняла ещё до того, как оказалась в кафе. На лице по-настоящему счастливого мужчины по утрам светится улыбка, он доброжелателен и бодрый. Этого уж никак нельзя сказать о её начальнике. Потому она заблаговременно знала, о чём он хочет ей сказать...

4

В течение ночи он плохо спал. Как только казалось, что сон, наконец, готов принять его в свои объятия, тут же на всю его сущность накатывалось необъяснимое тяжёлое видение. Будто он маленький, как песчинка, а на него скатывается огромный чёрный шар. Просыпался в липком, холодном поту... Его терзали мысли.

Он давно бросил курить (не без настояния супруги и её матери, конечно), но в эту ночь отыскал давно затерянную пачку «Marlboro» и, затаившись на кухне, с наслаждением втянул в себя несколько клубов дыма. Голова закружилась, словно перед первым прыжком...

Он помнил этот прыжок. Тогда инструктор просто вытолкнул его из самолёта. Сработал инстинкт самосохранения, который заставил его вовремя дёрнуть за кольцо и овладеть собой. Но сейчас всё было по-другому. Сорок восемь лет жизни впустую... Это как пропасть. Бездна...

Бездна, в которую шагаешь без парашюта...

Но с этим таки следует что-то делать. Потому что даже сегодня, в годовщину их свадьбы, Светлана снова надела на него с ремонтом и прочими затеями. Ничего не предлагая взамен, не прося, не шутя. Просто требовала, как феодал с крепостного. Как он мог не обращать на это внимания раньше?

В памяти возродился мягкий, убаюкивающий голос Лины: «Хочу, чтобы был дом, чтобы в нём было тепло и уютно, хочу ребёнка... Хочу, чтобы меня любили и лелеяли...» Это звучало так заманчиво... Ведь он мог бы ещё «и любить, и лелеять»...

Часа в четыре утра Алёхин снова уселся за кухонным столом и раскрыл папку с историей болезни Томского.

«Когда мне становится плохо, я представляю себя облачком. Этаким лёгким и безмолвным облачком — не тяжёлым, грозовым, мрачным, а именно лёгким и безмолвным. Ведь ближним не нравится, если ты склонен высказывать какие-то желания или требования... Потому лучше быть безмолвным. Я — облачко... Я несусь, влекомый ветерком, над горами и долинами, созерцая всю гнусность человеческого бытия. Где-то далеко подо мной, внизу, разные существа грызутся, ругаются за клочок земли, за межу, за хлеб, а мне все равно. Ведь я намного мудрее и выше всего

этого...»

«Она пришла, и понял я: красивей в мире нет... Как в арабском стихе десятого столетия. В те времена мужчина умел восхищаться женщиной. Да и женщины ещё были женщинами, а не теми хищными, мужеподобными созданиями, каковыми являются нынче. Итак, Л... С ней у меня многое связано... Ею я жил, с нею я и умер. Навеки, безвозвратно...»

«Л»? — задумался Алёхин, закуривая вторую сигарету. — Но почему я думаю, что его «Л» — это и есть моя Лина? Моя?.. Смешно... Кому я нужен?..»

Листы были разрознены, словно кто-то нарочно отбирал лишь то, что считал нужным. Тем не менее, твёрдый и размашистый почерк писателя не позволял оторваться от рукописей. Наверное, если бы удалось соединить его мысли воедино, получился бы неплохой роман. Социально-философский, как назвали бы критики. Но автору, кажется, это безразлично. Он лежит себе в шестой палате и в ус не дует.

Алёхин снова попытался припомнить лицо этого человека. Худое, почти аскетическое, заросшее бородой. Глаза излучают доброту, бескорыстие, почти детскую наивность. Ему не позволяют бриться. Почему? «Агрессивен, социально опасен...» Ерунда всё это. Судя по мимике и реакциям, это вполне адекватный, только

безвольный, человек. Такое впечатление, будто его однажды подкосила какая-то страшная сила, превосходящая его волю. Его лечит Третьякова. На одном из листов Алёхин увидел её предписания. Даже сульфазин имел место. В четыре точки... Гм... Как будто человек представлял опасность. Сульфазин «колят» в тех случаях, если успокоить пациента невозможно. И когда не помогает даже смиренная рубашка. Получив уколы, он не может шевельнуться, поскольку малейшее движение причиняет невыносимую боль. Что мог сотворить этот человек? Надо бы расспросить санитаров, авось помнят... Почему-то в деле с Томским он не склонен всецело доверять Третьяковой. Что-то в ней не так... Но что именно?

Уснуть удалось лишь под утро, когда со двора уже доносились трели какого-то заблудшего соловушки. Проснувшись с тяжёлой головой, Николай Арсеньевич заставил себя сделать зарядку и, даже не выпив кофе, поспешил на работу. Зачем он спешил в этот раз, когда часы показывали едва половину восьмого? До больницы добираться не более получаса. Что он станет делать целый час, на что убьёт его? Ответ таился в подсознании: он стремился снова увидеть Лину. Для него в ней сосредоточилась женственность всего мира, всё его тепло, вся ласка, — всё то, чего ему не хватало. Иллюзия... Это его иллюзия, которую он создаёт

для чего-то. Не в качестве ли попытки уйти, защититься от реальности?.. В своё время он однажды создал для себя иллюзию, даже женился из-за неё. Но рано или поздно действие её ослабляется либо перестаёт играть важную роль, и тогда наступает просветление. Порою очень тяжёлое, как похмелье.

У каждого человека есть, как у айсберга, своя подводная, невидимая для обыкновенного взгляда, часть. Вы смотрите на некоего человека. С виду он вполне респектабельный, умный, эрудированный. Глаза у него излучают доброту и понимание. Он нежен в семье, любит детей. Он способен плакать от классической музыки. Особенно он любит скрипку... А потом оказывается, что его фамилия Гейдрих, что он, занимая должность гебитскомиссара Чехии, устраивал произвол и «балдел», лично пытая заключённых.

У Алёхина тоже существовала такая подводная часть. Обыкновенные молодые люди, познавая жизнь, стремятся менять женщин, как перчатки. Сегодня с одной, завтра — с другой, послезавтра — с третьей... Они испытывают таинства секса во всех видах, пытаясь найти в нём то, что способно принести самое сильное удовлетворение. У Алёхина в его время не было такой возможности. Учёба отнимала много времени, а после лекций и семинаров приходилось

спешить на вокзал на разгрузку вагонов, потому что стипендии катастрофически не хватало. На девчонок времени не оставалось. На четвёртом курсе его, робкого и застенчивого, заметила Светлана. Она училась в педагогическом, потом бросила его, поступила в медицинский, но и его не закончила. Тогда ещё был жив её отец, занимавший весомое положение на верхушке правящей партии. Именно благодаря его влиянию молодой Алёхин сумел устроиться на работу в военный госпиталь; именно благодаря его поддержке он получил «добро» на защиту кандидатской. Конечно, дальше это не играло никакой роли, но всё же... Светин папа скоропостижно умер, от Алёхина отвернулись все бывшие покровители, ему пришлось добиваться всего самому. Первый вариант диссертации, врученный научному руководителю, исчез вместе с ним. Руководитель сбежал за границу, где подал материалы от себя и добился, благодаря разработкам Алёхина, неплохого положения. Пришлось начинать всё с нуля. Но второй вариант кандидатской сразу «потянул» на докторскую степень... Дело, однако, не в этом...

У него, как мы изволили заметить, существовали свои тайны. Главной из них было то, что ему нравился не совсем стандартный секс. Нет, в части извращений — ничего такого, но... Ещё в юности у него развивались такие фантазии, о

которых он не отважился бы рассказать даже духовнику. Женщина представлялась в его воображении сказочной богиней, он хотел её лелеять, выцеловывать всю, до последней клеточки. А ещё Светлана впервые в жизни сделала ему ЭТО... Впоследствии она сама неоднократно повторяла, что ничего подобного ему не сделает ни одна женщина, и ему приходилось верить на слово. Мало того, об этой его слабости, казалось, знала и тёща. Не она ли научила Светку эксплуатировать его слабость?..

Когда наступило время знакомить её с родителями (у Алёхина были только мама и дедушка Витя), он повёз невесту в свой городок. Недалеко от Винницы, на берегу Буга... Деду Света сразу не пришлась по нраву. Он даже невзлюбил её, как это бывает с нами, когда слышим какое-то странное слово. Оно может означать нечто приятное и вкусное (как куннилингус, к примеру, или минет), но просто некрасиво звучит. Из-за этого мы можем испытать отвращение к нему, так ни разу и не испытав.

— Не понимаю, что тебя так привязало к этой фифе? — возмутился дед.

Выпив рюмку водки, что он позволял себе иногда, после удачной рыбалки, однажды он не стерпел и посмеялся над ним:

— Может, у неё писюнька не такая, как у

всех? Случайно не поперёк?

Дед Витя был старым гинекологом, повидавшим в этой жизни всё, что угодно, потому мог позволить себе «резать правду матку» в глаза. В тот вечер, покраснев по уши, Николай стыдился взглянуть ему в глаза.

Самое странное, что в первый же вечер Лина сделала ему то, чего уже давно не делала Светлана... Словно хорошо знала о его потребности...

...Он долго сидел за столом, думая ни о чём, когда от мыслей его отвлёк крик санитарки:

— С Томским плохо! Позовите Николая Арсеньевича!

Белая палата с мягкими, обитыми звукопоглощающим материалом, стенами... На кровати, прикреплённой к полу металлическими скобами, покоится неподвижное тело пациента. Станный случай: глаза свидетельствуют о полной вменяемости человека, но он не способен ни пошевелиться, ни разговаривать.

— Что случилось? — спрашивает заведующий отделением.

Собравшиеся молчат. Только санитарка промямлила:

— Это случилось после приёма лекарств...

Он её едва слушал, склонившись над больным.

— Лицо красное..., — констатировал Алёхин. — Позовите невропатолога, срочно! Подозрение на инсульт.

— Но я же запретил что-либо ему назначать! — возмутился доктор. — Или для вас слово академика — пустой звук?

Присутствующие опустили взоры.

— Извините, но у «Мопассана» есть лечащий врач, — возразила санитарка.

Этой пожилой женщине, выдавшей на своём жизненном пути и не такое, было безразлично, кто академик, а кто простой врач.

— Продолжайте, Софья Максимовна...

— Вчера, как всегда, медсестра разнесла по палатам лекарства. Было девять часов вечера...

— А кто из врачей дежурил?

— Фёдор Михайлович.

Фёдор Вельяминов был опытным психиатром и отличался дисциплинированностью.

— Не знаю, стоит ли говорить... — замялась санитарка.

— Стоит, стоит, — поторопил её заведующий.

— Как раз перед разнесом лекарств я видела в отделении Лину Сергеевну. Но, кажется, она заходила всего на минутку. Может, забыла что-то в своём кабинете...

— Стало быть, она здесь была?!

— Ну да... Она имеет право...

— Хорошо... Что было дальше?

— Ну... В мои обязанности входит лишь раздача лекарств и контроль за их приёмом. Мы с Мысляковой сделали всё, как полагается...

Мыслякова — медсестра, которая дежурила вместе с Софьей Максимовной.

Бедняжка пыталась оправдаться.

— Не хотите ли вы сказать, что, вопреки моим рекомендациям, Лина Сергеевна не отменила лекарств, которыми до того лечила Томского?

Софья Максимовна пожала плечами, словно хотела сказать: «А я-то здесь причём?»

Он снова посмотрел на лицо больного и рефлекторно нащупал пульс на его руке. «До вчерашнего дня его «кормили» витаминами и успокоительными препаратами. Ни один из них не способен вызвать такое состояние...»

— Это не инсульт, — констатировал невропатолог, проверив глаза Томского. — Однако очень похоже... Давление высокое, лицо красное. Это свидетельствует о резком притоке крови в головной мозг. Пусть соберут анализы.

Сделав укол, который должен был нормализовать давление, специалист ушёл, оставив некоторые рекомендации и успокоив Алёхина.

После того, как все разошлись по своим делам, он продолжал оставаться у кровати Томского. От нечего делать открыв дверь тумбочки,

стоявшей рядом, он удивился, найдя в ней стопку писчей бумаги и несколько ручек. Зачем ему столько бумаги? Не иначе, как что-то пишет. Книги, что ли? Да, ведь он и писал раньше... в прошлой жизни... «Графомания» — диагноз, установленный Третьяковой. Но графомания — не единственный «цветок» из букета болезней Томского. Алёхин вспомнил, что в эпикризе значились маниакально-депрессивный синдром, галлюцинации и, как венец, шизофрения. Насчёт последнего можно было усомниться, поскольку, исходя из симптоматики этой болезни, к числу её жертв можно было бы приписать половину населения планеты.

Он обратил внимание на почерк Томского. Размашистый, чёткий, иногда неровный. Буквы не всегда одинаковы, иногда автор по несколько раз их наводил, хотя паста в ручке казалась мягкой и качественной. Наверное, в этих местах он над чем-то размышлял, оттачивал мысль. На шизофреника-графомана отнюдь не похоже. Типичный графоман пишет лишь для того, чтобы марать бумагу. Он способен по сотне раз повторять одни и те же слова, излагает мысли неважно; как правило, у него отсутствует стиль, он далёк от романтизма.

«Что-то здесь не то... — подумал Алёхин. — Но если я буду сильно интересоваться Томским, это

может обидеть Лину.»

Не успел он подумать о Третьяковой, как она вошла в палату — взволнованная, красивая, сильная. И... соблазнительная. Увидев её, заведующий положил листы, исписанные Томским, обратно в тумбочку и поднялся навстречу этой удивительной женщине. «Надо бы сделать для неё что-то приятное, — успел подумать он. — Цветы купить, что ли?..»

— У нас ЧП? — спросила она, едва кивнув ему.

— Ничего страшного, Лина... Сергеевна, — ответил он. — Вероятно, кто-то ошибся с лекарствами. Впрочем, анализы покажут...

— А вчера я заходила в отделение. На минутку. Забыла кое-что, уходя с работы.

— Почему вы не отменили лекарства Томскому? — не без укоризны спросил он.

— Что вы! Конечно же, отменила. И медсестру предупредила. Может, она запомнила...

— Ладно, разберёмся...

Нет, она не может быть ротозейкой, эта женщина. Она такая...такая... Нет, напрасно в его сознании на какой-то миг родилось подозрение.

День промелькнул, как один час. Заботы, обход, исследования... Томский, придя в чувство, не мог понять, что с ним произошло, а вскоре спокойно поглощал обед. Вроде бы всё обошлось...

Выходя из отделения, он поймал себя на мысли, что домой идти не хочет. У него было такое чувство, словно отправляется на тяжёлую повинность. В портфеле снова покоилась история болезни «Мопассана». Вместо того, чтобы идти домой, он сейчас забьётся в тихое место и начнёт её читать. Его интересовали рукописные листы, исписанные почерком Томского. Они содержались в папке как свидетельства его неадекватности.

На трамвайной остановке он заметил Третьякову. Её лицо отражало внутреннее напряжение и грусть. При виде коллеги Алёхин почувствовал, как его сердце забилось учащённо. Заметив его, Лина радушно улыбнулась.

— Вы домой, Николай Арсеньевич?

Он замялся.

— Даже не знаю... Верите ли, домой, почему-то не хочется.

— Верю, — снова улыбнулась она. — А поехали ко мне?

— К вам?! — едва не воскликнул он. — Но...

— Так, решено: никаких «но», мы едем ко мне, и точка!

В голосе не содержалось стали, как не было и

приказных ноток. Шутливый, очаровательный тон, бархатистость которого начисто сминала всевозможные защитные средства, присущие мужчинам его типа... Перед этим тоном устоять не представлялось возможным. Да Алёхину и в голову не пришло, что можно сопротивляться.

Квартира Лины представляла собой райский уголок: удобная кухня, чистая ванная, уютная, в коричневых тонах, гостиная. Диван, журнальный столик, навесные потолки, мягкий ковёр... Обстановка располагала к расслаблению и неге; впрочем, в ней не содержалось ни одной лишней вещи, ни одного чужеродного штриха. По всему было видно, что хозяйка ведёт одинокий способ существования, и эта квартира для неё является защитной крепостью. Наверное, здесь редко бывают гости...

Пытаясь завязать разговор, Алёхин высказал эту мысль вслух.

— Это даже заметно? — засмеялась она свободным, женственным смехом. — Да, наверное, мне действительно пора что-то менять, не то вскоре превращусь в старую деву — вечно недовольную и брюзжащую.

Потом были зажжённые свечи, лёгкий, но сытный ужин, непринуждённая беседа. Он и не заметил, как оказался с этой чудной женщиной в одной постели...

— Наверное, тебе пора, — нерешительно произнесла Лина спустя несколько часов.

— Хочешь меня прогнать? — пошутил он.

— Нет, что ты! Просто твои, наверное, беспокоятся.

«Беспокоятся? Вряд ли, — подумал Алёхин. — Они ещё рады моему отсутствию.»

— Коля, мне так не хочется, чтобы ты уходил! — вдруг заявила она тоскливым тоном.

— А мне и не хочется никуда идти, — улыбнулся он.

— У тебя красивая улыбка. Я хочу, чтобы ты улыбался почаще, милый...

Эти простые, бесхитростные слова вызвали в его существе настоящую бурю.

— Линочка, я...

Она взирала на него с любопытством. Привстав в постели таким образом, чтобы ему стали видны соблазнительные формы, она одарила партнёра одним из тех взглядов, которые способны сводить мужчин с ума.

— Ты хочешь остаться, дорогой? — прямо спросила она.

— Да... Я этого хочу...

— Ты себе даже не представляешь, как я рада! — прошептала женщина, прильнув к нему.

На третий день Алёхину вручили результаты анализов Томского, которые свидетельствовали, что

в его крови обнаружено высокое содержание инстенона — вещества, которое вызывает повышение артериального давления и способно вызвать инсульт. Его получают из экстракта гинкго.

— Разве Томский принимал препараты, содержащие это вещество? — недоумевал заведующий отделением, обращаясь к Третьяковой и Мысляковой.

Однако врач и медсестра непонимающе разводили руками.

— Николай Арсеньевич, инстенон мог попасть в организм Томского из какого-то напитка или другого продукта, — предположила Лина. — Ему могли принести передачу...

— Кто? Разве у Томского есть родственники или друзья?

— Мало ли...

Алёхин задумался.

— Ладно... Хорошо, что всё обошлось благополучно. Я бы рекомендовал персоналу усилить контроль в этом направлении.

После того, как женщины разошлись, ему позвонили из регистратуры.

— Николай Арсеньевич, к вам посетители.

— Кто?

— Ваша супруга с матерью.

При этих словах Алёхин невольно побледнел. Он представил лица Светланы и тётки. Даже в

воображении их выражения не сулили ничего приятного. «Не миновать выяснений, — подумал он. — Ведь уже три дня я не появляюсь дома и не звоню. Предстоит сказать всё, как есть...»

Выйдя в холл, он обратил внимание на подчёркнуто хладнокровное выражение лица Марьи Васильевны и взволнованное лицо жены.

— Что с тобой, где ты находишься? — едва не вскричала Светлана.

— Ничего особенного... Работа... — попытался уйти от правды Алёхин.

— А мы-то переживаем: может, с ним что-то приключилось, может, машина сбила!..

— Света, нам следует поговорить, — наконец выдавил из себя он. Только не здесь и наедине.

— Смотрите на него! — вдруг повысила голос тёща. — Он стесняется матери своей законной жены!

Старуха не сдержалась и извлекла из сумки пачку фотографий, которые демонстративно сунула Алёхину под нос.

— Не эту ли работу ты имел ввиду?

Тон тёщи был преисполнен сарказма.

При первом же взгляде на фотографии Алёхин почувствовал, как сердце уходит в пятки, где застыло, словно снежный ком. На снимках были изображены он и Лина — не только в кафе, но и в постели. Для продолжения разговора, казалось, сил

уже не осталось. Тем не менее, следовало постараться спровадить тещу как можно скорее и без скандала. Он всегда щепетильно относился к собственной репутации.

— Света, я приду за вещами, тогда и поговорим в спокойной обстановке, — решительно произнёс он. — А сейчас извини... Меня ждёт тяжёлый больной.

— Да ты сам тяжёлый больной! — закричала Марья Васильевна. — Где это видано, чтобы при живой законной жене муж проводил время с какой-то шалавой?

— Марья Васильевна, я прошу вас выбирать выражения, — с трудом промямлил он, собираясь уходить.

Не затрудняясь нормами этикета, теща схватила его за рукав и прокричала во весь голос:

— Ничего, я доберусь до тебя и твоей курвы! Я буду обращаться в министерство! Я дойду до Генерального прокурора!..

— Доходите, право ваше... Да отпустите же меня, наконец!

— Ты смотри на него: он ещё грубит мне! Ах ты, тварь неблагодарная! Ничтожество! Из Киева попёрли, прогонят и отсюда!

Вырвавшись из её цепких рук, он поспешил ретироваться, не обращая внимания на любопытные взгляды двух посетительниц и трёх дам из

персонала. Конечно, начнутся пересуды, но теперь ничего не попишешь. Придётся проглотить это, как горькую таблетку. Зато вопрос о разводе со Светланой и её мамочкой наконец решён. И как он не подумал над этим раньше?..

Пытаясь подавить дрожь в коленях и учащённое сердцебиение, он позвал санитарку и попросил сделать ему кофе. Пока та спешила удовлетворить его прихоть, он закурил.

Состояние было не из приятных. Сжимая сигарету в дрожащих пальцах, он вспомнил, что нечто подобное уже однажды пережил. После выборов. А всё из-за глупости. Его глупости. Такое происходит с каждым человеком. Вроде живёт нормальной жизнью, ни во что не влезает, занимается своими делами. Но на каком-то этапе не находит сил сказать «нет» и принимает предложение друга или родственника. Это согласие впоследствии приводит к нехорошим последствиям.

Вася Иванов, с которым его связывала многолетняя дружба, и до того немного занимался политикой. Медик по профессии, он давно бросил практику и занимался бизнесом, поставляя на Украину медицинские препараты и оборудование. Вместе с тем, вокруг него вертелись политики — то депутаты, то «шестёрки» министров. И тут ему самому предложили стать депутатом. От радикального течения. Васе понадобился надёжный

человек в штабе, вот он и попросил Алёхина. Никогда не принимавший участия в политических распрях, Николай понятия не имел, что именно вменяется в его обязанности, но в помощники ему обещали «проверенных людей». Всё вроде бы шло размеренно и чётко, но почему-то победил не блок, который представлял Вася, а его противники. Они-то и пришли к власти и стали мстить всем, кто выступал против них. Алёхину долго портили нервы, прежде чем «попросили» с работы. Пытались даже инкриминировать фальсификации во время избирательной кампании. Друг оказался под следствием. Словом, было, о чём вспомнить...

Когда чашка кофе и сигарета помогли ему успокоиться, мысли Николая Арсеньевича вернулись к фотографиям. Кто мог снимать их не только в кафе, но и дома? Неужели жена следила за ним? Или тёща?.. Если та или другая решились на такой шаг, после этого он точно разведётся.

6

После перенесённого стресса следовало развеяться на свежем воздухе. Сегодня он больше не может думать ни о больных, ни о здоровых.

Купив в придорожном киоске пачку сигарет, он оглянулся по сторонам, выбирая направление для прогулки. Увы, всюду сновали люди и

автомобили, наполняя улицу угарным газом, потом тысяч тел и тоннами пыли. Куда спешат все эти люди? Их лица отражают чрезмерную озабоченность мелкими проблемами: как раздобыть денег, что купить на ужин или где достать нужные шторы. Им мало передвигаться на своих ногах. Опасаясь, что могут не успеть, они покупают машины и мчатся, мчатся, сломя голову, навстречу очередным бессмыслицам и глупостям. Полагая, будто делают нечто важное, каждый из этих людишек приближается к тупику житейского лабиринта, за которым нет ничего хорошего. Именно к тупику... Причём, по странному замыслу Творца, вернуться обратно не получается, как невозможно вступить в одну и ту же реку дважды. И нет в запасе Ариадны, которая могла бы вовремя подарить спасительный клубок ниток. А если и находится таковая, её нить оказывается бракованной, как и всё в человеческом мире...

Отвернувшись от этого зрелища, он медленно, походкой уставшего человека, поплёлся обратно. Проходя под вековыми соснами и ясенями, из которых состоял больничный парк, Алёхин на минуту остановился. Под одной из сосен сидела линяющая белочка и смотрела на него пытливыми глазёнками, словно хотела сказать: «Что, не сладко приходится?» Перед внутренним взором промелькнуло несколько полузабытых теней из

прошлого.

Начиная карьеру простым врачом в детском отделении киевской психбольницы, он столкнулся с казусом: ему велели помечать истории болезней некоторых детей красной линией. В их болезнях ничего страшного не было: заикание, ночной энурез, незначительные последствия черепно-мозговых травм. В других палатах находились подростки с более серьёзными болезнями. Было несколько человек с проявлениями шизофрении, неврастении и невроза навязчивых состояний, но никому не приходило в голову помечать их папки красной чертой. Позже оказалось, что это — дети партийной элиты. Они должны быть «нормальными». Так их и выписали — «нормальными». Позже каждый из них выучился, занял место в чиновническом аппарате, пробился в депутаты. А те, которые «с красной чертой», остались в неизвестности. Эта черта исковеркала людям жизни, потому что для них были закрыты пути в институты. Ни одному из них не улыбалась перспектива быть призванным в элитные войска или поступить в военное училище. Так и остались неприметными работягами без перспектив и востребования. Многие спились, иные угодили за решётку. Скольким людям подпортили жизнь врачи-психиатры, в числе которых был и он сам? Худо, если медицина подчиняется

идеологии... Не согласен человек с политикой партии и правительства — значит, «ненормальный», пытается чего-то добиться — ему не место в «социуме». С развалом Союза психиатрия и вовсе попала под влияние делков, которые с её помощью манипулируют обществом. В таких условиях деятельность любого психолога и психиатра становится преступной. И он, Алёхин, не исключение, потому что ещё не успел забыть, что в подведомственной ему лаборатории занимались разработками кое-каких не вполне безобидных препаратов...

Навстречу ему спешила медсестра. По её взволнованному виду он понял, что произошло нечто важное.

— Николай Арсеньевич, — запыхавшимся голосом воскликнула она. — Там... Томский хочет с вами поговорить.

— Томский?

В течение последних месяцев он перезнакомился с каждым из пациентов «гнезда кукушки», в том числе и с этим, но до сих пор ни у одного из них не возникало желания пообщаться с заведующим.

— Кажется, он испуган.

— Чем? Окна в палате заперты?

— Заперты, конечно. Он всё утро что-то писал, а потом собрал всё листы, прижал к груди и

отказывается кому-либо их показывать, кроме вас.

— Странно...

В палате стояла духота, ставшая следствием безветрия и зноя, воцарившихся в атмосфере.

— Почему палата не проветривается? — спросил Алёхин у медсестры.

Он был недоволен. В такой духоте даже у здорового человека могут начаться отклонения в поведении, не то, что у Томского. Кроме того, его отвлекли от мыслей, от ухода в себя. На кой чёрт ему нужны эти мелочи, с которыми могла бы справиться и Третьякова, и любая санитарка? В конце-концов, им за это платят.

Лишь после того, как удалось подавить в себе недовольство, он, наконец, изволил взглянуть на пациента. Его лицо выражало неподдельный страх. Он зажался в кровати, прижимая к груди десятка три исписанных листов бумаги.

— Вы хотели поговорить со мной? — обратился к нему Алёхин, стараясь придать голосу как можно больше монотонности и мягкости.

— Да-да... Хотел... Только пусть оставят нас наедине.

— Вас что-то беспокоит?

— Да, беспокоит... Она...

— Простите, кто «она»?

— Она...

— Хорошо, успокойтесь. Сейчас все выйдут.

Только обещайте успокоиться.

Медсестра и санитарка вышли, прикрыв за собой дверь.

— Ну вот, — довольно бодрым тоном констатировал он. — Теперь извольте поведать мне о своих проблемах.

— Я хотел... Уже давно хотел вам всё рассказать... — сбивчивым голосом начал Томский. — Я здесь уже давно, очень давно... ОНА меня сюда уpekла. И я ничего не мог с этим поделать.

— Начните с того, как вы здесь оказались, — посоветовал Алёхин, понимая, что так больному будет легче отыскать нить разговора.

— Хорошо...

— Мне известно, что у вас была работа, вы писали книги.

При упоминании о работе и книгах на лице у пациента отразилась непередаваемая гримаса.

— Книги... Это всё из-за них...

— Что «из-за них»?

— У меня начались галлюцинации, — шёпотом, озираясь по сторонам, словно опасаясь кого-то, произнёс Томский.

— Аркадий Олегович, я бы советовал остановиться на этом подробно.

— Да... Однажды, когда к изданию готовилась моя пятая книга, я вдруг увидел перед

собой нескольких персонажей из неё. Понимаете, я их придумал, а они явились!

— Это случилось дома или в присутствии посторонних?

— Если бы дома!.. А то ведь в присутствии... Я с ними разговаривал...

— И?..

— После этого знакомые стали относиться ко мне, мягко выражаясь, настороженно... Галлюцинации повторялись с каждым месяцем всё чаще и чаще. Редактор, мой начальник, даже советовал обратиться в психушку... Простите...

— Ничего, продолжайте.

— А потом ОНА поставила передо мной условие: либо я добровольно отдам ей квартиру и стану писать для неё, либо ОНА меня заставит силой.

— Эта... субстанция... Она тоже порождена вашим воображением? Объект галлюцинаций?

— Нет, ОНА реальна. Она вездесуща, как бог. ОНА преследует меня везде и всюду. Я стал бояться даже шелеста её одежды и шагов. А взгляд!..

— Это женщина?

— Женщина? Не знаю... Да, конечно, в биологическом смысле ОНА — женщина. Но... Женщина ли только?..

— Кто она?

— Исчадие ада, скажу вам прямо. Исчадие...
Как в повестях Стивена Kinga.

— У неё есть имя?

Томский насторожился.

— Ш-ш-ш! Не стоит поминать всуе, не то ещё
явится...

— Давайте поговорим о ваших книгах. Вы
давно почувствовали в себе дар писательства?

— А вам приходилось меня читать?

— Извините, но пока не нашёл времени.

— А вы бы попытались... Если бы вы прочли
мои первые книги, вам стало бы понятно, что это
проявилось у меня как-то вдруг, спонтанно. Как
наитие свыше.

— Однако, мне попались несколько листов,
где выражены некоторые ваши мысли.
Понравилось, честно.

— Прочтите обязательно!

— Даю слово! Но что вас беспокоит сегодня?

— ОНА. Она сказала, что сегодня придёт
забрать эпилог. После этого я стану ей не нужен.
ОНА хочет меня убить!

— Стало быть, сейчас в ваших руках
находится эпилог к какому-то произведению? Это
повесть?

— Да, повесть... О несчастной любви и
страдании. Но ОНА совершенно не умеет писать!
Ей не по силам придать художественную форму

даже простейшим переживаниям. В ней отсутствует какая-либо чувственность. ОНА сама никогда не любила по-настоящему, только принимала чужую любовь. Потребительница... Вампир...

— Аркадий Олегович, не позволите ли взглянуть на ваш эпилог? Я верну.

Томский, преодолевая нерешительность, вручил ему пачку листов.

Водрузив на нос очки, Алёхин бережно развернул их.

«Первопричиной всего, что может произойти с человеком, есть женщина, независимо от того, какая сущность имеется в виду — воодушевлённая или невоодушевлённая, обыкновенная ли вещь или особь с характерным строением тела и структурой ума. Но наиболее коварный искушитель и, вместе с тем, наиболее распространённая причина перипетий, в которые человек может попасть со всеми вытекающими последствиями — потерей веры в себя и Бога, отчаянием и прочим, — есть *Femina vulgaris* (Женщина обыкновенная)».

— Простите, но это похоже на философский труд, — резюмировал Алёхин. — А говорите, что роман о любви...

— А вы почитайте дальше. В эпилоге я просто делаю выводы, поскольку в последней главе всё закончилось трагедией.

Томский перевернул несколько страниц и

указал место, где, на его взгляд, содержалось кое-что поинтереснее.

«Даже наилучшая человеческая любовь есть всего лишь искажённое, почти пародическое подобие любви великой, не более, чем болезненный пыл. Потому вместо того, чтобы превратиться в факел, маяк, светоч, ведущий к высшему пути, она способна только ускорить наше приближение к могильной яме по крутой стезе унижений, страданий, зависти, лжи и подлостей. По этой причине даже в лучшей и самой сладостной человеческой любви содержится горечь, с каждым мгновением всё более отравляющая самих влюблённых. Нам часто приходится слышать банальные слова: «Да ради тебя я готов на ...!» Да ерунда все это! Потому что в основе всякого, пусть даже самого мелкого, «ради тебя» находится огромное «ради себя», а точнее, если это произносит мужчина, — «ради того, чтобы спать с тобой», а если говорит женщина — «ради того, чтобы получить от тебя то, что мне нужно». И, вместе с тем, мы заслуживаем именно такой любви, а не высшей, — потому, что стремимся исключительно к примитивизму. В поисках брака мы перебираем, говоря себе: «Я должен найти самую лучшую», или «Мне нужен самый лучший». Но в результате получается, что разборчивость, сватанье, брак — это всего лишь приценивание покупателя к товару, но даже хитрейший из них покупает kota в мешке. Человеческая любовь — всего лишь масса кратковременных дурачеств, а брак человеческий полагает конец даже этим дурачествам.

Большой частью просто два разнополюх животных стремятся угадать друг друга...»

Эти строчки отвечали на многие вопросы, формирующиеся в подсознании самого Алёхина. Не дочитав и двух страниц, он уставился на Томского удивлёнными глазами.

— Неужели всё так просто? Только, знаете ли... Против вас ополчатся домохозяйки и романтики! Вы настраиваете против себя и мужчин!

— И женщин тоже! — засмеялся пациент. — Но ведь я пишу не для обывателя, а для людей мыслящих...

— Мыслящих? — со вздохом повторил врач. — Где они, эти мыслящие?..

— Скажите откровенно: вам понравилось?

— Понравилось... Только кто возьмёт на себя риск опубликовать это?

— А издание — не моя проблема. Пусть об этом беспокоится ОНА.

Алёхин посмотрел на него пытливым взглядом.

— Как я понимаю, вы немного успокоились?

— Немного... Но будет жаль, если ОНА заберёт... Понимаете, ОНА забрала у меня уже три книги, которые могли бы принести не только славу, но и деньги.

— А вы бы не писали. И тогда ей нечего было бы у вас отнимать.

— Не писать? Как это? Разве можно не дышать или не пить воды? Боженька наделил меня кое-какими способностями и требует, чтобы я их использовал в полную силу. Я не могу не писать, потому что это сильнее меня. Оно прёт из меня помимо моей воли!

Произнося эти слова, Томский улыбался.

7

Таким он его и запомнил. Спустя неделю после этого разговора посреди ночи затрезвонил телефон.

— Николай Арсеньевич, беда! — прокричала трубка голосом дежурного врача. — Томский скончался!

— Как «скончался»?! — вскричал он. — Как?..

— Что там такое? — лениво произнесла Лина, переворачиваясь в постели. — Даже по ночам нет от них покоя...

— Лина, ты понимаешь: Томский умер! — взволнованно повторил он, на ходу одеваясь. — Ты его лечащий врач, надо ехать...

— Коленька, а можно обойтись без меня? — уставшим голосом простонала она. — Ну, умер

пациент... С кем не бывает? Стоит ли из этого устраивать трагедию?

Поймав на себе его многозначительный взгляд, она, впрочем, сделала над собой усилие и уселась на диване.

— Ладно, ничего не попишешь... Я еду с тобой.

Дальше всё происходило, как в неприятном сне. Смерть пациента — явление, которого быть не должно, потому его могут расследовать надлежащим образом. Если есть родственники или надёжные друзья. У Томского не осталось никого: кому нужен «безнадёжный псих»?..

Оформив надлежащие документы, благодаря которым дело можно было считать закрытым, Алёхин, тем не менее, не мог успокоиться. Этому что-то мешало. Это «что-то» было в нём самом.

— А куда подевалась его писанина? — вдруг спросил он у себя.

Действительно, пресловутые листы с эпилогом исчезли. Пропала даже чистая бумага из тумбочки.

— Ничего не понимаю... — бормотал он, шагая по кабинету взад-вперёд.

Этот вопрос так и остался без ответа. На сей счёт не могли ничего сказать ни медсёстры, ни санитарки, ни Третьякова.

— Да не терзайся ты, дорогой! — пыталась

утешить его жена. — Вполне возможно, что, терзаясь манией преследования, Томский сам куда-то спрятал свои «мемуары». Мало ли куда он мог их пристроить!..

— Что ж, вполне возможно... — грустно вздохнул он.

С тех пор он часто вспоминал этого пациента, судьба которого так и осталась для него загадкой.

Осенью они с Линой Сергеевной узаконили свои отношения. Правда, торжеств не устраивали, поскольку жених считал себя достаточно престарелым, чтобы выглядеть на собственной свадьбе смешным. Да и приглашать особенно было некого. Для коллег по работе ограничились скромным обедом, заказанным в ближайшем кафе. В эти дни Николай Арсеньевич выглядел каким-то необычным. Со стороны казалось, будто он вдруг помолодел лет на двадцать. На работу он приходил не раньше, как к девяти утра, уходил всегда вовремя, стараясь не задерживаться. А секрет состоял в том, что Лина застенчиво шепнула ему о своей беременности. Это обстоятельство и подстрекнуло его к бракосочетанию. Мужем он был заботливым и мог бы чувствовать себя вполне счастливым, если не два облачка, периодически возникающие на небосклоне этого счастья. Первое состояло из пасквилей, которыми бывшая тёща засыпала делопроизводителей Министерства

здравоохранения и областной прокуратуры. Она добивалась, чтобы бывшего зятя смешали с грязью и прогнали с работы. Для этого она выдумывала всякую всячину, даже пыталась путём подкупа выудить «компромат» у медсестёр. Всплывало и дело Томского. Тёща доказывала, что тот умер по вине Алёхина и его любовницы, которые, используя служебное положение, проворачивают непонятные делишки и покрывают друг друга.

Приблизительно отсюда питалось и второе облачко. Томский... Где-то глубоко внутри себя Николай считал его вполне здоровым человеком. Может быть, даже здоровее любого из «нормальных». Но доказать это он не смог бы. Да и к чему?..

Лина Сергеевна готовила монографию и диссертацию о применении психотропных препаратов для лечения некоторых болезней. В этом ей помогал, что понятно само собою, муж. Мало того, задействовав некоторые бывшие связи, он добился сокращения сроков. Защита была назначена на следующее лето.

Между тем, влюблённость Лины уже не могла, по известным причинам, проявляться столь бурно и романтично, как раньше. Эмоциональность и чувственность с её стороны сменились дипломатичностью и сдержанностью, что вполне устраивало будущего папашу. Иногда молодая жена

срывалась, требуя одиночества. Иногда, придя с работы, он заставлял её смотрящей в окно. В такие минуты она казалась воплощением задумчивости и меланхолии. Что могло служить этому причиной, оставалось только догадываться.

Когда срок беременности перевалил за шестой месяц, врач посоветовал поместить её на стационар.

— Есть опасность выкидыша, — предупредил он.

Долгие ночи одиночества не пошли Алёхину на пользу. Беспokoясь о супруге, он не мог уснуть. Так прошли первая ночь, вторая... А потом он стал искать для себя занятие. В глаза бросились книжные полки. И как он не добрался до них раньше? Наверное, если бы Лина сейчас находилась дома, он бы и не помышлял о чтении.

Пушкин, Мопассан, Чейз — эти фамилии то и дело мелькали перед глазами, пока взгляд не выхватил нечто новое и знакомое: *«Томский»*.

В конце каждого произведения указывался год написания, потому, ради получения полноты впечатлений об авторе, Николай решил следовать хронологии. Первая повесть называлась *«Свет в ночи»*. По ходу чтения оказалось, что это история о любви человека, волей обстоятельств заброшенного в африканские дебри, к дочери негритянского вождя. Ради того, чтобы быть с любимой, он отрёкся от благ цивилизации, а она, в

свою очередь, от традиций своего племени. В конце молодые люди бежали на необитаемый остров в Индийском океане, но, попав в шторм, оба погибли. Начав читать, Алёхин был не в силах оторваться. Даже ощущая «зов природы», он изо всех сил терпел, пока не закончил. Такого стиля ему давно не приходилось встречать. Разве что у некоторых классиков...

Вторая повесть была издана годом позже и называлась *«История одной болезни»*. В ней автор рассказывал о «психушке», о романе между заведующим отделением и молодой практиканткой. Потом оказалось, что она его использовала в корыстных целях, чтобы закончить образование, защититься и занять положение. А когда муж надоел, она напоила его какой-то дрянью и объявила невменяемым. В конце напрашивался вопрос о том, кто же на самом деле болен — этот человек или общество, мораль которого ничем не отличается от законов джунглей?

Постепенно Алёхин добрался до последнего романа, который назывался *«Виноградная лоза»*. Он был о жизни с её барьерами, радостями, страданиями. О взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, о лжи и грязи, которыми подчас они пропитываются. Здесь Томский пытался проанализировать состояние современного общества, подводя читателя к выводу о том, что мы

не готовы к любви, а наш брак является не более, чем театральным фарсом.

После того, как была прочитана последняя страница, Алёхин и сам принялся анализировать. Кем на самом деле был этот Томский? По всему было видно, что он познал в своей жизни любовь — великую, яркую, неповторимую. Однако какие-то обстоятельства положили ей конец. Интересно было бы узнать об этом подробнее. Кроме того, для Николая стало важно узнать и о причинах, повлёкших болезнь этого удивительного человека. Под утро он принял решение: он обязательно посетит бывшее место работы Томского, отыщет его старых друзей и узнает правду.

На следующий день, придя на работу, он поспешил с обходом и был таков. Из краткой биографии, изложенной на обороте первой книги Томского, он знал, что тот работал в одном из городских вузов, где преподавал журналистские премудрости. Стоило ли туда ехать? Преподаватели, тем более вузовские, — люди довольно подозрительные и замкнутые. Разве кто-либо из них согласится отвечать на вопросы незнакомого человека? Иное дело журналисты. Томский ведь работал в редакции местного «Вестника» — газетки среднеарифметической «желтизны» и по-местечковому серенькой, зато дорогой. Наверняка среди журналистской братии у

него были друзья или, в худшем случае, собутыльники. Авось удастся разговорить кого-либо из них?..

8

На выходные Лину отпустили домой. Собственно, врач не имел права позволять это, но, уступая настойчивым просьбам Алёхина и исходя из того, что будущая роженица почти коллега, согласился.

— Как продвигается работа с моей диссертацией? — поинтересовалась женщина после того, как проявления взаимной радости несколько улеглись.

— У меня для тебя сюрприз, — объявил Николай, вручая ей увесистую папку с законченным трудом.

— Ну и ну! — восхищённо воскликнула она, бережно перелистывая страницы. — Ну, ты и трудяга!..

Ему не хотелось говорить, что для скорейшего завершения диссертации он использовал кое-что из своих работ и исследований коллег.

— А монография?

— С этим будет ещё проще, — улыбнулся Алёхин. — За основу возьмём часть этой работы, а для остального я подарю тебе материалы

исследований своей бывшей лаборатории. Поверь, там сведений хватит на две монографии.

— А где находятся эти материалы? Если на твоём старом месте работы, это плохо. Могут не отдать...

— Да вот же они! — улыбнулся он, открывая один из ящиков письменного стола. — Я съездил в столицу и за хороший коньячок получил всё, что нужно.

С этой минуты лицо Лины стало задумчивым. Заметив, что он начинает беспокоиться, она заявила, что испытывает недомогание.

После того, как на следующий день Третьякова была возвращена в больницу, Николай вернулся домой. Ещё накануне он, представившись бывшим сокурсником Томского, познакомился с одним из его бывших коллег, неким Ефремовым, Тот согласился встретиться, заметив, что разговор о личности Томского стоит бутылки коньяка.

При первом же взгляде на него можно было сделать вывод о любви к выпивке — высокий, худой, с красноватым носом и слегка припухшими веками.

— О, Аркаша был талантом! — то и дело повторял он. — Если бы вы только знали, насколько легко ему всё давалось! Пока мы думали над тем, как подать тот или иной материал, как слепить в кучу ту или иную информацию, у него

уже бывало всё готово. Понятно, что шеф стал доверять ему больше, чем кому-либо, и поручал наиболее сложные темы.

— Наверное, и прибыльные? — вставил Алёхин.

— Гм, это само собой, — улыбнулся Ефремов, наполняя рюмки. — Он мог бы далеко пойти... если бы не жена.

— Разве он был женат?

— Был... Говорили мы ему: «На кой чёрт тебе, старому волку, далась такая молодая?» Но он влюбился! Представляете?

— Представляю... — понимающе кивнул Алёхин.

— Знаете, нынче развелось в мире множество хищниц. Красивых, соблазнительных, хитроумных. Они, как Прокруст, заманивают путников в свои сети, а потом укорачивают.

— Прокруст? — переспросил собеседник? — Простите за невежество...

— А разве вы не на философском учились с Томским?

— Нет, на журфаке.

— А, в таком случае, действительно можете не знать. Прокруст, в греческой мифологии — некий дядька с явными психическими отклонениями. Он привязывал своих гостей к кровати. Если она оказывалась длиннее, чем нужно,

он растягивал гостя, а если короче — рубил ему ноги.

— Какой гостеприимный хозяин! — не без отвращения произнёс Алёхин.

— Да уж... Так вот, мы остановились на его женитьбе. Это была обыкновенная сельская девчонка лет двадцати пяти. Она как раз заканчивала медицинский, но, как вы понимаете, работы ей не пахло. Да и жилья тоже. Томский прописал её в своей квартире, на Лебединского, и помог устроиться в нашу психушку.

— В психушку? — едва не вскричал Николай, но вовремя сдержался. — Стало быть, эта женщина — психиатр?

— Да, так и есть. Но дело даже не в этом. Он её никому не показывал, словно опасаясь конкурентов. Да оно и понятно: как-никак ему было за сорок... Но мне однажды удалось её увидеть. Красивая, внешне обаятельная, но во взгляде — холодный расчёт, лёд, даже жестокость. После заключения брака она осталась на своей девичьей фамилии... запомнил уже...

— А что вы можете сказать о... о его «ненормальности»?

— Да что там говорить! Это — весьма досадно. Честно говоря, я не верю в его сумасшествие. Как-то всё подозрительно совпадает.

— Да?

Ефремов снова наполнил рюмки, после чего продолжил:

— Ну, сами судите. Они познакомились, с его слов, в июле месяце позапрошлого года. Спустя месяц уже расписались. Ещё через месяц Томский её прописал у себя. У неё как раз была ординатура. Весной он устроил её на работу. А уже к лету оказался в дурдоме «Веселка»... Так в нашем городе называют психушку.

— Но основания?.. Я слышал, будто у него случались приступы агрессии, галлюцинации...

— Да ерунда это всё! Агрессия... — на этом месте Ефремов зло ухмыльнулся. — Да на его месте я бы морду побил! Томский только хлопнул кулаком по столу.

— А что произошло?

— Провокация, чистой воды провокация. Уверю вас! Словом, он написал статью о разрушителях могил. Знаете, о тех придурках, которые, чем-то уколовшись, развлекаются тем, что ломают кресты или гадят на могилах. Ему удалось даже взять интервью у одного из них!

— Ничего себе! Как это у него получилось? — изображая восхищение, промолвил Алёхин.

— Он же был асом! Так вот, спустя пару дней он увидел, как этот отмороженный приставал к его жене. Нагло, по-фашистски... Томский толкнул его, тот упал. А на следующий день в редакцию

прибежала мамаша того уroda и обвинила нашего друга в избиении её «малолетнего дитятки». Мало того, она пыталась доказывать, будто никакого приставания не было, даже «свидетелей» нашла! Вот, на основе чего ему приписали галлюцинации. А спустя несколько месяцев, когда Томский уже находился взаперти, я узнал, что та мымра вовсе не была матерью хулигана и, вообще, призналась по пьяни, что ей хорошо заплатили именно для того, чтобы она так себя повела.

— Заплатили?! — удивился Алёхин, привставая с места. — Ничего себе! Как в кино...

— Заметьте: платила женщина. Молодая и красивая! Но я не стал ворошить это дело, хотя, наверное, стоило. Редактор отговорил. Мол, кому это уже нужно, да и как докажешь?..

— М-да...

— А вы читали книги Томского? — вдруг спросил Ефремов.

— Да, все до последней.

— Вот как? И как полагаете: мог ли нечто подобное написать «шизик»?

— Нет, конечно!

Разговор прервался из-за телефонного звонка. Ефремова срочно потребовали в редакцию, поэтому он извинился и ушёл, оставив собеседника в состоянии задумчивости.

Придя домой, Алёхин ощутил невыносимую

жажду. «Наверное, коньяк даёт о себе знать», — решил он, открывая холодильник. Там находился компот, приготовленный Линой специально для него. Сделав несколько глотков, он удовлетворённо облизнул губы и, пройдя в спальню, развалился в кресле.

Зимние вечера бывают тоскливыми и сумрачными. Но Николаю не хотелось включать ни телевизор, ни лампу. Он так и остался в темноте. Сквозь широкое окно проникали отсветы белесых облаков, затянувших небосвод, и уличных фонарей. Сидя в кресле, он чувствовал себя вполне уютно для того, чтобы расслабиться и подумать.

Этот человек задал ему задачку. Получается, Томского упекли в больницу незаслуженно? Но Лина — хороший специалист, она не могла ошибаться в диагностике...

Внезапно из смеси сумерек перед глазами сформировалось лицо Томского. Его взгляд светился неестественным блеском, а на устах играла дружелюбная улыбка.

— Приветствую вас, господин академик! — промолвил он.

«Галлюцинация?! — едва не вскричал Алёхин, делая попытку встать. — Этого не может быть!..»

Однако ноги не послушались его.

Томский прикоснулся к его плечу.

— Почему вы не отвечаете, Николай Арсеньевич? Мне казалось, что мы почти подружились...

В тоне сквозили обида и недоумение.

Чувствуя, как на голове встают дыбом волосы, Алёхин пробормотал что-то невнятное.

— Да не стоит печалиться! — продолжал гость. — Рано или поздно я бы все равно умер. Так что, какая разница — сейчас или спустя лет тридцать? А вы уже читали мой последний роман?

— Я? — подавляя в себе чувство страха, промямлил тот. — Вы имеете в виду «Виноградную лозу»?

— Нет, не её. Последний. Тот, окончание которого вы видели в моих руках.

— Нет, не читал. Ведь это невозможно, сами понимаете... Кто же издаст?..

— А, вы полагаете, что для книг, написанных душевнобольным, не найдётся издателя? Уверяю вас: ещё как найдётся! Он издан! Впрочем, как и другие...

— Издан?

Страх улетучился, уступая место любопытству. Он хотел ещё о чём-то спросить, но внезапно почувствовал такую расслабленность, что не сумел даже пошевелить языком. Томский, словно пользуясь случаем, исчез.

Проснувшись на следующее утро, Алёхин чувствовал себя неважно: болела голова, ныли все кости. Войдя в ванную, он по привычке протянул руку к зубной щётке, но рука почему-то потянулась в другую сторону. «Что такое? — удивился он, пытаясь взять себя в руки. — Этого ещё не хватало!»

Кое-как умывшись, он осторожно прошёл в гостиную. Не заболел ли он? Слабость, нытьё костей, галлюцинации... Иногда такое бывает при гриппе. «Надо позвонить на работу, — решил он. — Скажу, что заболел». Однако дотянуться к телефону казалось задачей затруднительной, потому что тело отказывалось повиноваться. Приписав это на счёт болезни, Николай смирился со своей участью и забылся в слабом и утомительном сне.

Спустя несколько часов из этого состояния его вывел навязчивый трезвон в ушах. За окном ярко светило солнце, отражённое миллионами снежинок, слившихся на улицах в единую плотную массу. Голова уже не болела, кости почти не ныли. Потянувшись к телефону, он понял, что звонят не оттуда, а в дверь.

— Кто там? — вяло спросил он, подойдя к двери.

— Открывайте, милиция! — ответил жёсткий голос.

В квартиру вошли трое — мужчина средних лет в форме капитана, седовласый человек в штатском и женщина лет тридцати пяти.

— Что вам угодно? — поинтересовался Алёхин, отступая на шаг.

— Алёхин, Николай Арсеньевич? — уточняя, спросил милиционер, забыв представиться.

— Да, это я...

— У меня есть предписание на ваше задержание и ордер на обыск в вашей квартире.

— Не понял, простите... Наверное, это какая-то ошибка?..

— Все так говорят!

Не церемонясь, служитель Фемиды прижал его к стене. В следующий миг на руках Алёхина защёлкнулись наручники.

— Ай-яй-яй! — покачал головой седой. — Такой заслуженный человек, а малолеток обижаете...

— Малолеток? Ничего не понимаю... Простите, я себя неважно чувствую. Разрешите присесть?

— Скоро ты надолго сядешь, насильник! — подала голос женщина.

В это время, порывшись в спальне, капитан нашёл под подушкой нечто, заставившее его

удовлетворённо воскликнуть:

— Эврика!

— «Эврика», «насилъник»... — недоумевал Алёхин. — Мне, наконец, изволят объяснить, в чём дело?

— Сейчас, — откликнулся седой. — Итак... Вчера вы познакомились с некой Никулиной Ириной Владимировной, пятнадцати лет от роду. Заманив её к себе, напоили вином и какой-то расслабляющей гадостью. После этого вы воспользовались её беспомощным состоянием и произвели половой акт. Вот и доказательство...

С этими словами он протянул обвиняемому под нос трусики, запачканные кровью.

— Я? — только и сумел ответить Николай. — Я?!

— Ты, ты, развратник! — ответила женщина. — Как мать тебе обещаю: сидеть тебе и сидеть!

— Это какая-то ошибка! — воскликнул он.

Не хватало воздуха, не хватало слов... Он покраснел, ему было невыносимо стыдно. За что? Странно, ведь он был уверен, что ничего подобного не совершал...

— Но я не могу... Я — заведующий отделением, меня ждут больные... У меня жена на сохранении...

— Вот-вот! Прикрываясь положением, вы и

можете проделывать такие штуки, — констатировал милиционер. — А поскольку вы — психиатр, вам и карты, как говорится, в руки... По поводу всяких там расслабляющих средств...

— А чего удивляться? — вторил седой. — Доступ к препаратам есть, жена в больнице, организм требует... Мужчина всё-таки живой, ещё не старый...

— Как вы можете такое говорить? У вас же нет доказательств! Кстати, вечером я не выходил из дому, а ночью даже не ложился в постель...

— Нет доказательств? Так объясни, что в твоей квартире делают эти трусики сорок шестого размера! У твоей благоверной, если не ошибаюсь, сорок восьмой?

— Не знаю... Не знаю... Их могли подбросить...

— Кто там подбросит! — засмеялся седой. — На двери такой замок, что никакой вор не откроет. Да и зачем? Может, ты настолько насолил кому-то? Так в наше время люди умеют мстить по-другому, намного проще.

Его отвезли в отделение милиции, где долго допрашивали. На все вопросы он отвечал просто и честно, поскольку ему нечего было скрывать. Наконец, следователь вышел из кабинета, а когда вернулся, заявил:

— Пока можете идти.

— Идти? Но... Как же...

— Идите, идите! Только никуда не выезжайте из города. На всякий случай...

Плетясь домой, он долго не мог опомниться от происшедшего. В голове продолжали звучать слова обвинения. Стыд снова и снова принуждал трепетать всё существо. Ему казалось, будто на него смотрят все прохожие. Смотрят с осуждением, как будто осведомлены обо всём.

Надо было найти средство, которое позволило бы прийти в себя и успокоиться. Недолго думая, он зашёл в первый же попавшийся магазин, где купил бутылку водки и кусок колбасы на закуску. Рядом находился книжный киоск, откуда слышались крики:

— Новый роман Миранды! Новый роман Миранды! Самый свежий бестселлер! Читайте бестселлер, написанный нашей землячкой!..

— Ого!.. — удивился он. — Миранды? Каких только псевдонимов не придумают.

И тут он вспомнил, что Лина тоже издала несколько книг. Перевернув титульную страницу, он был ошеломлён, увидев фотографию своей жены. «Странно, — подумал Николай, вертя в руках книгу в суперобложке. — При мне она ни разу не садилась писать...»

— Всего сто гривен, — заискивающим тоном объявила «книжница».

Получив желаемое, она отдала ему роман.

Квартира встретила его молча, терпеливо, как будто он ей стал неприятен, но окончательно его прогнать не может. Положив книгу на журнальный столик, Алёхин поджарил колбасу, смастерил бутерброды, достал из серванта рюмку и налил в стакан компот.

— Ну что, поехали? — предложил он, обращаясь к зеркальному отражению.

Несмотря на старания, компот сегодня почему-то не лез в горло. С трудом отхлебнув глоток, он поставил стакан на стол, чтобы больше к нему не прикасаться. Водка оказалась неплохой, потому превосходно «пошла» и без «запивачки». Жуя хлеб с колбасой, Николай рассматривал книгу.

— «Однодневки», — прочитал он название и раскрыл её.

Пропустив мимо внимания аннотацию и предисловие, он начал листать роман, периодически выхватывая из десятков страниц фразы и абзацы. Но мозг отказывался повиноваться, поскольку всё ещё находился под впечатлением пережитого. Выпив вторую порцию, Алёхин налёг на закуску. Волнение пробудило у него волчий аппетит, который в течение дня притуплялся посторонними раздражителями в лице следователя и воображения.

Перед глазами начали мелькать неясные тени.

«Снова галлюцинация?» — испугался он, отвлекаясь от книги.

Сегодня уже не до неё...

Напрягая угасающее сознание, он с трудом отыскал верёвку и привязал себя к креслу — на всякий случай.

Потом перед глазами поочерёдно появлялись Томский, Мыслякова, следователь. На какой-то миг ему показалось, будто среди них мелькнуло лицо Лины. Вполне явственно она упрекала его в пьянстве и нежелании читать её произведение. Без конца звонил телефон, но Николай не мог ответить.

Проснувшись под утро, он долго не мог понять, где находится, пока, наконец, не додумался развязать верёвку и включить свет.

В комнате все вещи находились на своих местах, даже бутылка. Но, тем не менее, его преследовало навязчивое чувство, будто чего-то не хватает. Он не мог понять, чего именно до тех пор, пока не захотелось пить. В эту минуту он вспомнил о компоте и инстинктивно взглянул на столик. Его ждало разочарование, поскольку стакан исчез!

Ощущая нервную дрожь, он поднялся и направился к холодильнику. Но и там компот отсутствовал!

— Что за чудеса?! — невольно вырвалось из его уст.

Внутри всё, казалось, замерло. Ноги

подкашивались. Такое с ним произошло однажды в детстве, когда его оставили дома одного. Сколько ему тогда было? Лет пять или шесть... Да он не так давно вспоминал об этом случае в качестве примера детских страхов. Он рассказывал Линочке, как ему мерещилось, будто вот-вот кто-то вылезет из-под кровати или из шкафа. Этот страх тогда принудил его поджать ноги и съёжиться... У детей это бывает довольно часто. Первобытный страх — величайшая из сил. Она руководит всеми нашими действиями и рефлексами в течение жизни, налагая отпечаток не только на остальные инстинкты, но и на сознательные поступки.

Преодолевая страх, он начал искать. Что именно? Да бог его знает. Что-то или кого-то...

После этого, даже убедившись, что в квартире никого постороннего нет, он не мог уснуть до утра. С целью убить время он начал читать «Однодневок». Поначалу он то и дело отвлекался, прислушиваясь к шорохам или произвольному скрипу половиц, но вскоре настолько углубился в роман, что позабыл обо всём. Читиво захватило его всецело. От этого занятия его отвлек только телефонный звонок, прозвучавший ровно в семь. Звонили на мобильный.

— Какой стиль, какой слог! — продолжал восхищаться он, поднося телефон к уху. — До боли знакомо...

— Алло? — прозвучал голос, показавшийся знакомым.

— Я слушаю, говорите!

— Это Ефремов вас беспокоит.

— А-а-а! Наконец-то! А я было подумал, что вы позабыли обо мне...

— Нет, как видите... То есть, слышите... Я тут вспомнил кое-что. Звонил до глубокой ночи, но вы не отвечали.

— Простите, меня не было дома, а мобильник забыл взять с собой. И что же вы вспомнили, если не секрет?

— Имя Аркашиной жены. Её зовут Линой.

На сей раз, его словно огрели по голове обухом.

— Линой? Вы не ошиблись?

— Никакой ошибки нет. Это невозможно. Ну, пока всё. Удачи!

Абонент отключился, но Алёхин продолжал прижимать трубку к уху. «Лина... Не может быть!..»

10

Теперь он пытался просеять в уме всю информацию, которая накопилась на последние дни. Обвинение в растлении малолетки, таинственность Линочки, Томский, галлюцинации

— всё это пока сливалось в единый, но неразборчивый клубок, который следовало распутать. Или даже не клубок, а просто в кучу разрозненных нитей, которые следовало связать в единое целое. Так точнее.

Для того, чтобы успокоиться, он снова взялся за книгу. Он как раз дошёл до места, где автор философствовала насчёт человеческой порочности. Однодневки — это такие бабочки. Но есть и люди, живущие сегодняшним днём. Ради достижения некоего положения и добычи денег они без зазрения совести идут на преступления, предательство, подлость, не гнушаясь использованием родных и близких. И для них не имеют значения многовековые человеческие ценности, в числе которых занимают почётное место дружба и любовь. Страсть к карьере и накопительству превратила мужчину и женщину в противников, конкурентов. Вместо того, чтобы идти по жизни рука об руку, они лишь вредят друг другу, используя партнёра в качестве очередной ступеньки для возвышения. В этом контексте автор излагает несколько выводов о роли государства и института брака.

«Великую роль в обесценивании человеческого достоинства и любви играет государство. Сам по себе институт государства создавался в незапамятные

времена такими же животными с целью контролировать других животных, принудить их работать и умирать во имя тех, кто государством руководит. Вот государство, особенно русского или украинского типа, опасаясь возвышения мужчины, приняло такие законы, которые тормозили бы его рост и ущемляли свободу. Мужчина чувствует себя мужчиной до тех пор, пока не оформил отношения с лицом противоположного пола юридически; затем он автоматически перестаёт быть свободной личностью. На него оказывают давление не только тёща, жена, дети, но и государство. Это последнее устроило так, чтобы зарплаты мужа было недостаточно для содержания семьи, чтобы ему приходилось быть рабом, трудясь сутки напролёт. Женщина, в угоду капризам феминисток и всем тем, кто не уважает семью, заранее воспитывается таким образом, чтобы брак не был для неё основой всей жизни; потому женщина легко бросает мужа, разрушает очаг, заводит любовников и прочее.

Потому для большинства людей любовь и жизнь есть не более, чем обыкновенное висение на иссохшем сучке. Пусть бы пришла буря и стряхнула с дерева жизни всё это гнилое, трусливое и проточенное паразитами».

— Рассуждает, как диссидент, — улыбнулся Алёхин. — Ну и Линочка!..

«Даже наилучшая человеческая любовь есть всего лишь искажённое, почти пародическое подобие любви великой, не более, чем болезненный пыл. Потому вместо

того, чтобы превратиться в факел, маяк, светоч, ведущий к высшему пути, она способна только ускорить наше приближение к могильной яме по крутой стезе унижений, страданий, зависти, лжи и подлостей. По этой причине даже в лучшей и самой сладостной человеческой любви содержится горечь, с каждым мгновением всё более отравляющая самих влюблённых. Нам часто приходится слышать банальные слова: «Да ради тебя я готов на ...!» Да ерунда все это! Потому что в основе всякого, пусть даже самого мелкого, «ради тебя» находится огромное «ради себя», а точнее, если это произносит мужчина, — «ради того, чтобы спать с тобой», а если говорит женщина — «ради того, чтобы получить от тебя то, что мне нужно». И, вместе с тем, мы заслуживаем именно такой любви, а не высшей, — потому что стремимся исключительно к примитивизму. В поисках брака мы перебираем, говоря себе: «Я должен найти самую лучшую», или «Мне нужен самый лучший». Но в результате получается, что разборчивость, сватанье, брак — это всего лишь приценивание покупателя к товару, но даже хитрейший из них покупает коша в мешке. Человеческая любовь — всего лишь масса кратковременных дурачеств, а брак человеческий полагает конец даже этим дурачествам. Большой частью просто два разнополых животных стремятся угадать друг друга...»

— Но эти мысли мне знакомы! — насторожился он, откладывая книгу. — Конечно, знакомы, и это не плод галлюцинации...

Он снова прочитал это место и с удивлением вспомнил, где именно читал такие фразы. У Томского! Да, когда тот милостиво позволит ознакомиться с эпилогом последнего произведения... «ОНА заберёт! — чуть ли не истерил он от страха. — ОНА...» Кто же это такая?

И вдруг его осенило: виновницей всех бед Томского являлась именно его Линочка! Это ужасно... Однако это было правдой — горькой, страшной, беспощадной. И именно эта правда расставляла всё по местам. Как бог...

Пользуясь отсутствием жены, надо было довершить расследование. Николай, в своё время получивший воспитание, исключаящее шныряние по чужим вещам, отбросил все условности и полез в шкаф, в отдалённом углу которого, насколько он помнил, супруга хранила наиболее ценные документы и переписку. Выбросив несколько вещей, он нашёл увесистый пакет, перевязанный красной тесьмой.

— Вот оно... — с облегчением вздохнул он. — Что ж, посмотрим...

Вот её грамоты, полученные ещё в школьные годы, вот любовная записка от какого-то Серёжи, написанная невинным детским почерком, а здесь — аттестат зрелости... Перекладывая бумаги одну за другой, Алёхин напряжённо анализировал каждую из них. К примеру, насколько же надо было быть

скрупулёзной, чтобы хранить записку от мальчика, — одну из тех, которые обречены на забвение самими же авторами?

— О, вот и оно...

В руках находилось свидетельство о браке, развернув которое, Алёхин увидел фамилии Третьяковой и Томского.

— Чёрт возьми!.. — только и сумел вымолвить он.

Листая следующие бумаги, он обнаружил материалы обследований Томского, которые свидетельствовали о его вначале частичной, а затем и полной невеняемости, а также решение социальной службы насчёт того, что Лина становится опекуном мужа в связи с его невеняемостью.» К этому прилагалось медицинское заключение, подписанное предшественником Алёхина. Во сколько же обошлись эти подлоги? — удивлялся Николай. — И, главное, зачем ей это понадобилось?»

Но ответ напрашивался сам собой. Она использовала мужчин для достижения конкретной цели. Не исключено, что и в медицинский она поступала не без надёжной мужской поддержки, потому что её аттестат заставлял желать лучшего. Томский, мужчина что называется «в возрасте», ослеплённый любовью, представлялся Лине удобным вариантом, который гарантировал

достаток, вежливое обращение, любовь, квартиру. А потом он ей надоел, поскольку исполнил всё, что ей было нужно. Но он был талантлив. Талант, к счастью, не купишь и не отнимешь. Лина захотела прославиться в качестве писателя. Понятно, что Томский мог над этим только посмеяться. И тогда она решила заставить его работать на себя. А заодно и перевести квартиру на своё имя. М-да...

Но зачем, в таком случае, ей понадобился он, Алёхин? Впрочем, и на этот вопрос был ответ, — стоило лишь взглянуть на письменный стол, где покоились две увесистые папки с черновиком монографии и докторской диссертацией Третьяковой. Покровительство Алёхина гарантировало защищаемость и известность этих трудов. Ещё бы!.. Но не собиралась же она доживать с ним свои дни, поскольку не любила. Да и вряд ли вообще способна кого-то любить, кроме себя и иллюзий. Нет, не собиралась, конечно. Интересно, когда она планировала избавиться от него — до родов или после?

И вдруг Алёхин вспомнил о своих галлюцинациях и таинственной пропаже компота. Это же просто смешно: он и галлюцинации... Когда Линочка выразила желание приготовить для него этот напиток, он пытался протестовать, поскольку вообще не любил компотов. К тому же сейчас зима, а зимой не так уж и хочется пить. Но она

заупрямилась, спровадила его из кухни и долго стряпала в одиночестве. Могла ли она добавить в компот нечто галлюциногенное? Запросто. Есть множество препаратов, действующих быстро и качественно. Человеческий мозг, как и нервная система в целом, конфигурация хрупкая, уязвимая и слабая. Достаточно щепотки какой-то дряни, и вот, результат — галлюцинации, повышение давления, боль, страх...

Неужели это происходит с ним? С такими открытиями было невозможно смириться, потому что для смирения необходимо, по крайней мере, принятие чего-либо в качестве должного. А что может считаться должным, разумеющимся — преступная деятельность Лины, её жестокость по отношению к окружающим, убийство Томского, покушение на него самого, подлог с малолеткой? Теперь у него не оставалось никаких сомнений в её причастности ко всем этим эпизодам. Надо бы произвести анализ крови на выявление посторонних веществ. Хотя... Лина не настолько глупа, чтобы использовать то, что может долго оставаться в организме... Вот, к примеру, компот. Это ведь она его убрала из квартиры, пользуясь его беспомощностью. Ей не составило бы труда приехать на такси среди ночи и «подчистить» всё, что могло бы указывать на её причастность. В течение последней ночи звонил телефон. Звонил долго,

словно кто-то добивался к нему. Ну да, пробовал дозвониться Ефремов, но не мог же он заниматься этим так долго. Надо бы узнать, для полной уверенности, не отлучалась ли из больницы благоверная.

Не откладывая в долгий ящик, Николай заказал такси и отправился в больницу. На его вопросы дежурная медсестра ответила, что больная Третьякова действительно куда-то отлучалась. Да и сейчас её нет в отделении. Где она, какой сюрприз ещё готовит ему? Конечно, сколько бы обещаний он сейчас не взял с этой медсестры, Лине все равно станет известно, что он приезжал. А если так, она может перейти в наступление. Он ей все равно больше не нужен, а ей так хочется занять его место!..

Значит, следует дожидаться Лину и «прижать её к стенке». Впрочем, чего он этим добьётся? Все равно ему не удастся ничего доказать. Зато она может запаниковать и применить нечто более страшное, чем отваживалась применять до сего дня. В любом случае дома ему лучше не есть и не пить. Да и стоит ли там вообще появляться? Вещей у него осталось немного, их легко переносить с места на место. Где-нибудь перекантуется... Но что делать с работой? Лина не позволит ему задержаться там надолго. Она — личность целеустремлённая и, видать, психопатическая. Если не отравит, то

«подставит».

Но она ждёт от него ребёнка. Желанного, давно желанного для него ребёнка. И постель... Это так неповторимо...

А может, всё нормализуется? У большинства женщин такое бывает: после родов у них что-то меняется в психике, мелочи уходят на задний план... Однако здравый ум подсказывает, что так не будет. Он слишком хорошо знает людей, чтобы питать иллюзии на их счёт.

Нет, он вернётся домой, заберёт свои вещи, прихватит и научные работы, которые собирался подарить жене. Таким, как она, нельзя позволять продвигаться. Ничего, боженька восседает высоко, он всё видит и, конечно же, не допустит несправедливости...

11

Домой он добрался без происшествий, но здесь, судя по всему, уже побывала жена. Обе папки, оставленные на столе, бесследно исчезли. Она чрезвычайно предусмотрительная, чего и следовало ожидать. В то же время, этим поступком она демонстрирует, что уже не постесняется в средствах и методах. Исчезновение пресловутого компота и папок — серьёзный знак. Остаётся ожидать ещё чего-то. Судя по всему, дело о

малолетке заглохло. Никакой участковый, никакой следователь не отважится взять на себя ответственность за фальсификацию тяжкого преступления. Тем более, Алёхин — не безвестный пьяница, на осуждение которого никто не обратит внимания. Во всяком случае, он надеется на то, что его будут искать и, в случае чего, поднимут шум. Надеется...

От мыслей его отвлѣк телефонный звонок.

— Николай Арсеньевич? — прозвучал холодный, бесчувственный голос главврача.

— Я слушаю, Виктор Михайлович, — с недобрим предчувствием ответил он.

— Почему вы сегодня не явились на заседание?

— Простите... Какое заседание?

— Так, только не надо делать вид, будто не слышали об этом. Вы расписывались в журнале.

— Но я действительно ничего не знал! В каком журнале? Вам известно, что наши подписи — не пустые закорючки, и мы долго думаем, прежде, чем их поставить.

— Вы расписались в журнале, который вам принесла ваша жена, Николай Арсеньевич. А вам, наверное, известно, что если расписался, явка обязательна.

— Жена? Виктор Михайлович, но моя жена находится «на сохранении» в больнице! Она не

могла разъезжать по городу с журналом!

— Странно... Видать, не зря она жаловалась, будто у вас случаются галлюцинации...

— Галлюцинации? Вы что-то путаете...

— Ладно, оставим эту тему. На собрании разбирался один вопрос.

— Какой?

— Вы.

— По какому поводу? — внутри Алёхина всё затрепетало в недобром предчувствии.

— Обсуждали, насколько вы добрый семьянин, как вы обижаете Третьякову, как пытаетесь украсть материалы её исследований, как подстерегаете малолетних девочек, как галлюцинируете, насколько у вас извращённые понятия о супружеском долге... Отсюда закономерно напрашивался вывод: можно ли такому чудовищу, как вы, доверять не только заведование отделением, но и вообще лечение людей.

Сказав это, собеседник сделал паузу. Для Алёхина в эти минуты помрачнело перед глазами.

— Главное то, что все эти вопросы поставила именно Лина Сергеевна.

— Лина? Но у неё нет оснований...

— Оказывается, есть, да ещё какие! К её заявлению прилагаются жалобы вашей бывшей супруги и её матери, протокол задержания,

подписанный следователем и участковым. Но не стану углубляться в эти дразги хотя бы потому, что вспоминать о них довольно омерзительно. Мы все — люди порядочные, потому не можем позволить, чтобы человек вроде вас позорил честь медицинского работника. Факты, которые внезапно обнаружились, имеют веские доказательства, потому мы обошлись без вашего присутствия. Мы просто поражались, как вас могли держать в Академии Наук!

— Но Виктор Михайлович, вы можете меня выслушать?..

— Да ещё с таки потрясающим цинизмом игнорируете заседания! Короче говоря, вы уволены.

— Но...

— Никаких «но»! Прощайте!

Абонент давно отключился, а Николай всё ещё продолжал держать трубку у своего уха. Ему не хотелось верить, что человек способен на столь вопиющие подлости. Увы, порою даже ночь светлее человеческой сущности...

Нужно срочно разыскать Лиин и спросить её, что всё это означает. Какое-то смутное чувство подсказывало, что лучше было бы её не искать, а собрать пожитки и куда-то уехать. Чем подальше отсюда. Но как можно уехать? Да и с чего он должен мириться с собственным унижением, если справедливость требует иного? Он ни в чём не

виноват и может это доказать. В конце-концов, мы живём не во времена глупых деспотов, когда можно было запросто и безнаказанно очернить человека!

Его мысли снова прервал телефонный звонок.

— Здравствуйте! Третьякова — ваша супруга?

— Да... А кто это?..

— Срочно приезжайте в родильное отделение, у неё начались схватки!

— Схватки? — в голове завертелось нечто путанное и вязкое. — Но ещё рано!..

— Да, но факт остаётся фактом. Она очень хочет вас видеть.

— Погодите! А каковы шансы?

— Вам всё объяснит врач.

На улице он едва не столкнулся с участковым, который направлялся к его подъезду. Не мешкая, он вскочил в такси, из которого в этот момент, пыхтя, вылезала женщина монументального сложения, и назвал адрес роддома.

Не заходя в палату, Алёхин направился прямо к лечащему врачу. Это был седовласый человек лет шестидесяти с суровым выражением лица.

— Мне известно, что вы сами врач, потому буду говорить откровенно, — начал он без предисловий и «размазывания соплей». — У вашей супруги есть некоторые деформации тазовых костей. К этому обыкновенно приводит любовь к каблукам с детского возраста... Кроме того, как

стало известно, лет в десять она перенесла сильный ушиб копчика, который повлёк деформацию поясничной области, и неудачный аборт в шестнадцатилетнем возрасте... Словом, в таких случаях мы производим кесарево, но в ситуации с Линой Сергеевной это исключено...

— Почему?

— По некоторым показателям она не выдержит анестезии из-за сердечной недостаточности. И в то же время самостоятельно родить она не сумеет.

— Так колите ей что-нибудь! Фолликулин и тому подобное...

— Это не поможет. В то время, как матка отторгнет плод, он все равно не сможет выйти.

В сердце заиграли противоречивые чувства. Он знал, что в таких случаях не выживают ни мать, ни дитя. После всего, что ему пришлось пережить в течение последнего времени, он не мог сочувствовать этой женщине. Пусть бы всё шло так, как должно идти. Но он когда-то давал клятву Гиппократа, да и невозможно вот так, запросто, вычеркнуть близкого человека из своей жизни...

— Что от меня требуется? Кровь? Если подходит, забирайте хоть всю. Деньги? У меня их нет, но, если понадобится, я продам квартиру и одолжу, сколько нужно...

— Если бы вопрос состоял только в этом! —

вздыхнул врач. — Тут дело в другом. Вы должны решить, кого спасать — мать или дитя.

— Я?.. Я?! Разве я Бог?

Врач многозначительно пожал плечами.

— Поймите, что мы обязаны предоставлять выбор.

— Но, это же чудовищно!..

Доктор отвернулся, оставляя клиента наедине с его мыслями и совестью. Он так любил Лину! Он так хочет ребёнка!.. Роженица успела сделать ему немало зла. Дитя — оно такое невинное...

Николаю казалось, что голова вот-вот разорвётся от этих мыслей, как надувной шарик.

В этот момент распахнулась дверь родильной палаты, из глубины которой прозвучал женский крик:

— У неё начался кризис! Давление стремительно падает! Кровотечение!!

— Чёрт! — выругался доктор, делая шаг к палате. — Так что вы решили?

— Не могу, не могу!.. Поступайте, как Бог даст...

Ворвавшись в палату вместе с врачом, Алёхин увидел её — такую несчастную, такую измученную, такую обречённую. Бледное лицо, покрытое липким болезненным потом, перекошенное от страданий... Глаза — уставшие, неестественно вытаращенные от чудовищной боли и страха. Тело,

вдруг ставшее таким хрупким и маленьким. Из её горла то и дело вырывались крики и стоны, способные своей силой и отчаяньем распахнуть врата преисподней...

И лужа почти чёрной крови, которая стекала со стола... От неё исходил отвратительный запах — опьяняющий и вселяющий ужас...

— Лина!.. — сдавленным голосом промолвил он, протягивая руки к этому беспомощному комку плоти, в которой едва таилась жизнь.

Не услышав, а скорее почувствовав его присутствие, женщина посмотрела на него. В этих глазах не отражалось ничего, кроме невыносимой боли. И ещё белки красноватого цвета — из-за капилляров, которые полопались в процессе потуг...

— Лина!.. — только и сумел вымолвить он, с жадностью хватая её холодеющую руку.

— Коля, ... — простонала она. — Ведь это ты убиваешь меня...

В её взгляде на какой-то миг сверкнуло подобие насмешки и холодности.

В этот миг Алёхин заметил, как жена, палата, медперсонал — всё вдруг заколыхалось перед глазами и поплыло в неизвестность, скрываясь за сероватой дымкой...

Эпилог

— И чего ты настолько предана своей дурацкой работе? — возмущался лысеющий толстяк лет шестидесяти, встречая Софью Максимовну у ворот психбольницы.

Царила глубокая ночь. Оно ему надо — вместо спокойного сна, предписанного врачами, или просмотра фильмов вырываться из уютной квартиры, чтобы встретить жену? Нормальные люди давно если не ушли на пенсию, то нашли такую работу, которая обеспечивает спокойную жизнь.

— Боря, — ответила она задумчиво, словно её терзала какая-то навязчивая мысль. — Мне нужно было остаться во вторую смену. Тут у нас происходит кое-что странное!..

— Что там может быть странного, в вашем «гнезде кукушки»? — скептически ухмыльнулся муж.

— Это следует хорошо осмыслить, — сдержанно ответила женщина, цепляясь за его локоть.

Софья Максимовна принадлежала к числу тех жриц Асклепия, которые хорошо обдумывают что-то прежде, чем выразить вслух. Медсестра с огромным стажем, она во многих сферах понимала больше иного дипломированного врача. Нет необходимости говорить, что свою работу она

любила и ценила, потому, если случались какие-то проблемы, ей не хотелось посвящать в это посторонних, которые «вне клана», — хотя бы ради того, чтобы не бросать тень на честь профессии.

Они подошли к небольшому магазинчику, в котором торговля велась круглосуточно. Здесь можно было приобрести всё, что угодно — от конфет до водки, от иглы до электронасоса. Глядя на витрины, женщина не могла сосредоточиться на столь приземлённых мыслях, как выбор товара. Понимая, что её тяготит нечто из ряда вон выходящее, Борис предложил купить хлеба и мороженого. Она молча кивнула, продолжая думать о своём. Когда он приблизился к прилавку, в помещение ворвалась компания подвыпивших подростков. Оттолкнув Бориса, двое из них окликнули продавца:

— Эй, чек!

«Косят» под блатных америкашек из плохих фильмов, — ухмыльнулся Борис. — Вот и произносят не «человек», а сокращённо — «чек»...

— Пива давай! — крикнул один из них.

— И чипсов! — добавил второй.

Получив желаемое, «потомки» ретировались. Софья Максимовна, глядя им вслед, произнесла:

— Вот так они идут по жизни, полагая, что им всегда будет сходить с рук. Проталкиваются к цели локтями, беспардонно ступая по головам...

— Плохой у нас район, — разводя руками, прокомментировал происшествие продавец, по виду скромный парень из провинции.

— Увы... — кивнул Борис. — Наверное, не просто район, а вся страна. Вот такие же чуть позже будут пробиваться в депутаты...

— ...или к должностям, — мрачно добавила Софья. — А все остальные люди в их понимании будут либо «чеками», либо дураками. А если понадобится, сделают из нас идиотов...

После того, как супруги покинули магазин, муж, пытаясь разогнать тучи с настроения жены, тихо промолвил:

— Видать, здорово тебя сегодня довели...

Помедлив, она ответила:

— К сожалению, мне оставалось выступить в роли скромного наблюдателя.

— Новая метла неправильно метёт, что ли?

Он знал, что недавно в её отделении было назначено новое начальство.

— Знаешь, как взгляну на ту стерву, меня в дрожь бросает. Что она такое? Сама по себе ведь полный ноль, а командовать любит. Да она даже не понимает, что такое человечность и знания. Да мы с Мысляковой понимаем в психиатрии лучше, чем она!

— Она тебя «прессует»?

Софья Максимовна отрицательно покачала

головой.

— Нет. Пусть попробует, так я ей такое выскажу!.. Её могут бояться молоденькие врачи, а мне-то что терять? И так после выхода на пенсию меня из медсестёр перевели в санитарки...

— Так в чём же дело? Выскажи всё, что накопилось на сердце и бросай работу! — подхватил идею муж.

— А тебе лишь бы я сидела дома, — ухмыльнулась она. — Нет, Боря, не могу. Понимаешь, не ради Третьяковой, даже не ради самой работы, а ради нормальных, порою весьма талантливых людей, из которых пытаются сделать «овощей». Им надо помогать. А Третьякова... Она из тех, кто «у жизни час берёт в наём». Рано или поздно она и сама оступится и упадёт...

— Не забыла Шекспира? — улыбнулся Борис. — Я слышал, что он тоже был... немного того...

В эту минуту в кронах деревьев зашумел ветер. Это явление всегда порождало в неё бурю эмоций — шум ветра посреди ночи. В этом столько загадочности... Помедлив некоторое время, женщина продолжала:

— А кто из нас не «того»? Вот представь. Живёт себе человек. Он талантлив, умен, трудолюбив. Может, даже достигает определённого положения, — хоть нечасто, но такое случается. И

вот однажды находится некая бездарность, которая хочет занять его место. Мало того! Она же понимает, что сама не потянет, поскольку у неё нет ни знаний, ни опыта. Она пытается придумать некий способ, благодаря которому можно было бы сжить начальника, а его самого использовать в дальнейшей работе. Для этого достаточно подстроить ему несколько подлостей и поместить в психушку.

— Как, у вас и такое случается?! — возмутился Борис, останавливаясь.

— Тише, тише! Ну, всё, хватит допрашивать! Кажется, мы уже пришли. Веди меня домой и хорошо корми, а то я голодная и злая.

— Есть! Повинуюсь, мой генерал! — шутливо воскликнул муж, изображая поклон.

— И прошу тебя: больше никогда ни о чём не расспрашивай.

Он кивнул и, пройдя несколько шагов, открыл перед супругой дверь подъезда...

А в тесной палате, задыхаясь удушливым, спёртым воздухом, на узкой кровати, прикованной к полу, неподвижно лежал совершенно седой человек. После полученных уколов он не мог пошевелиться, потому единственное, на что он был способен, это тупо уставиться в потолок немигающим взглядом запавших глаз. Только самый пристальный и намётанный взгляд мог бы

заметить красноватые веки, которые свидетельствовали о том, что этот человек недавно плакал. В двух шагах от него стояла женщина в белом халате. На её устах играла победоносная улыбка...

История собаки

В некотором царстве, тридевятом государстве... Так я мог бы начать иную историю, так мог бы начать сказку. К сожалению, повествование, которое едва начинается, и идея которого ещё только сереет в моём воображении, словно предрассветные сумерки, целиком почерпнута из жестокой действительности и может служить ярким примером человеческой чёрствости и хамства.

Буця... Правильнее было бы назвать его Сергеем Буцкевичем, но уж так повелось в деревне, что кличка, присвоенная в раннем детстве, прочно прирастает к человеку на всю оставшуюся жизнь. Так вот, Буця, известный на весь район предприниматель, не терпел всего, что могло бы помешать получать прибыль. Если к нему, к примеру, обращались представители детского садика за помощью, его массивное лицо приобретало высокомерную маску и произносило

стандартные несколько слов:

— Я не вкладываю денег в то, чего не понимаю...

Владея тремя киосками промтоваров и большим продовольственным магазином, он никогда не проводил акций по удешевлению залежавшихся товаров, а наоборот, старался содрать с покупателей как можно больше. И многие из сограждан мысленно посылали ему вслед проклятия за то, что по неведению купили у него просроченную рыбу или позеленевшее масло. Кто-то мстил ему, прокалывая шины, кто-то ночью разбивал витрины магазинов. Самые смелые пытались обращаться в комитет по защите прав потребителей или в суд, но, как известно, в тридевятой стране прав только тот, в чьих карманах шелестит множество купюр.

Жаловаться на Буцю имели полное право не только чужие люди, но и члены семьи. Например, жена, которую он всячески третировал. Даже после того, как ему удалось захватить все междугородные маршруты и деньги посыпались в его карманы, как из ведра, он контролировал каждую копейку, истраченную женой на закупки самого необходимого. Он мог стучать по прилавку кулаком, требуя у молоденькой продавщицы пять копеек сдачи; точно также и дома он стучал кулаком по столу, выговаривая жену за то, что она

истратила на масло лишние две гривны. Впрочем, это нисколько не мешало ему, закончив выговор, намазать это самое масло толстым слоем на кусок хлеба и медленно чавкать, не обращая внимания на присутствующих. Жена не смела ему противоречить, потому что от него можно было ожидать всего, что угодно. Однажды она выделила из своих собственных денег триста гривен на издание детских сказок. За это он упёк её в психиатрическую клинику. А чего там — разве «нормальному» человеку придёт в голову платить деньги на какую-то книжку? Сам Буця книг никогда не читал и даже считал такое пристрастие блажью, которая вредна и опасна для общества.

Но всё это — ещё полбеды. Главным своим врагом он считал мать. О, Анастасия Фёдоровна представляла собой тот образчик женщины, которая создана для того, чтобы всё терпеть и для всех находить доброе слово. Именно она смягчала грубый нрав сына, а если он собирался кому-то из заказчиков или просителей ответить грубо, она умела передать эти слова таким образом, что люди не обижались. Словом, добрейшей души женщина. А чего удивляться? Анастасия Фёдоровна прошла трудную жизнь. Раннее детство совпало с голодно-кукурузными годами, когда в деревне люди помогали друг другу выжить, потом её третируют «вышестоящие» за то, что покойный

дед был раскулачен в бурные тридцатые годы. Пыталась учиться после окончания школы, да «родословная» не позволила. Потому она была обречена работать физически, причём, на самых вредных производствах. В браке она родила двоих сыновей. Младший сын умер ещё в юном возрасте. Уже никто и не вспомнил бы, от чего. Поговаривали, будто он вернулся из армии уже больным. А вот Буця остался...

Каждый из нас может себе позволить называть мать как-то по-своему: «мамулька», «маманька», «маман»... Буця называл Анастасию Фёдоровну не иначе, как собакой.

— Ладно, шут с тобой, — говорил он кому-нибудь из знакомых. — Мне лень идти домой, потому сходи сам. Там собака всегда на месте. Скажи ей, чтоб дала то, что тебе нужно, только вернёшь с процентами.

Знала ли мать о словечке, которым чадо наградило её? Несомненно, поскольку сынок обращался к ней таким образом в лицо, и даже в присутствии посторонних людей. Он не раз, находясь в компании собутыльников, говорил:

— Вот всё у меня хорошо. И бизнес ладится, и доходы возрастают. Только единственное меня беспокоит, единственная проблема, словно бельмо на глазу — куда девать собаку? Понимаете, пользы от неё никакой, но расходов требует.

Не могла же мать упрекать сына в том, что она ради него, в своё время, отказалась от многих перспектив. Например, от продвижения по работе в семидесятые годы, когда за маленьким Буцей требовался уход ввиду болезненности. Уж никто не возьмётся подсчитывать количество бессонных ночек и каторжных дней... И вот она — сыновняя благодарность... «О вы, надменные потомки...»

В какой-то период отношение сына к матери превратилось в сущий садизм. Он запретил ей есть и выходить во двор. Уходя из дому, он запирали её в комнате. Она любила читать, но он, как изошрённый садист, изъём книги из той самой комнаты, лелея надежду, что «собака» свихнётся и можно будет «сдать её в дурдом». Этот кошмар продолжался месяцев шесть. Однажды, в студёную декабрьскую пору, Серёжа выставил мать в одном лишь домашнем халатике на улицу. Дождавшись, когда морозец основательно пробрал старушку, он погрузил её закоченевшее тело в машину и вывез за город, где находился зоологический рынок.

— Мужик, купи собаку, — приставал он то к одному, то к другому прохожему. Люди глядели на него удивлёнными глазами и, как правило, стремились обойти стороной.

Впрочем, таки нашёлся один...

Это были отец и сынок. В то утро они вышли прогуляться не просто так. Несмотря на то, что

семья считалась многодетной и, само собой разумеется, доходы приходилось бережно растягивать от получки до получки, папа пообещал девятилетнему мальчонке купить ему попугая. За что, за какие заслуги? Да просто за то, что парень старался в учении, а на соревнованиях по шахматам занял первое место. Ходили-ходили, но говорящего попугая так и не нашли.

— Ничего, папа, — утешал сын папу. — Ты не переживай. Обойдусь я без попугая. Мы лучше на эти денежки купим для младшей сестрёнки игрушку.

У папы от этих слов едва не навернулись на глаза слёзы. «Чёртово государство! — думал он, незаметно сжимая кулаки. — Почему я не могу позволить себе купить ребёнку такой пустяк, как птичку?»

Они уже собирались повернуться на сто восемьдесят градусов и покинуть рынок, да внимание ребёнка привлёк возглас:

— Продаётся собака! Послушная, много не жрёт, аккуратная...

Естественно, мальчику захотелось посмотреть на такую собаку, и как же он был удивлён, увидев вместо «друга человека» обыкновенную, закованную в цепи женщину, по лицу которой струились страдальческие слёзы.

— Папа, что это? — остановился он, хватая

отца за руку.

Тот, в свою очередь, заинтересовался происходящим.

— Собака, собака! — невозмутимо призывал Буця, поглядывая на людей свысока.

Тогда отец подошёл к нему и, подыгрывая, спросил:

— Сколько ты хочешь за собаку, добрый человек?

— Да сколько дашь, столько и возьму, — последовал ответ.

Порывшись в карманах, мужчина извлёк всё, что у него было и протянул странному продавцу.

— Тут немного, гривен двести...

— Маловато, но... сойдёт и так. На, забирай её...

Как муж объяснял жене свою необычную покупку, как они выхаживали несчастную женщину — об этом можно только догадываться. Во всяком случае, Анастасия Фёдоровна осталась в этой семье.

Прошло время. В один из летних дней Буця подвернулся вариант выгодного приобретения недвижимости. Но он по каким-то причинам не мог оформить её на себя, а жене не доверял. И тогда он вспомнил о матери, которая «где-то есть». Дело было срочное, поэтому ему пришлось выложить некоторую сумму денег для того, чтобы

подстегнуть знакомых милиционеров её разыскивать.

Оказавшись перед дверью чужой квартиры, Буця позвонил — настойчиво, как человек, не привыкший ждать. Его сопровождали два служителя Фемиды — так, на всякий случай...

В аккуратно одетой женщине, открывшей дверь, трудно было узнать когда-то замученную Анастасию Фёдоровну. Избавившись от вечных упрёков сына, она, как цветок, расцвела, о чём свидетельствовал румянец на полнокровных щеках.

— Слышь, — обратился к неё сын, не утруждаясь приветствием или извинением. — Возвращайся-ка ты домой. А то люди болтают всякую чушь...

По лицу женщины мелькнула мрачная тень, но это продолжалось всего лишь мгновение.

— Послушайте, гражданин, — наконец произнесла она одними устами. — Это невозможно... Нет, никак невозможно...

— Почему? — не без грозы во взгляде резко спросил Буця.

— Насколько мне не изменяет память, вы изволили меня продать нынешней зимой в качестве собаки.

Присутствующие милиционеры уставились на Буцю ошеломлёнными глазами. Заметив это, мать продолжала:

— Да, именно так и было. Это могут подтвердить многие люди.

— Да ну! — не выдержал молоденький лейтенант, отступая на шаг. — Так не бывает!

— Не бывает? Так я вам скажу, молодой человек, что у меня есть хозяин, который не пожалел на покупку двухсот гривен. Он меня обогрел, кормил, приодел. Меня в этой семье окружили заботой, пониманием, лаской. От этих, совершенно чужих людей, я получила столько добра, сколько никогда не получала от родного сына. Кстати, собакой здесь меня тоже, как вы понимаете, не называют.

Обеспокоенный продолжительным отсутствием Анастасии Фёдоровны, вышел и хозяин квартиры. Увидев блюстителей порядка и Буцю, он всё понял.

— Слышь, мужик, — обратился к нему Буця. — Сколько я тебе должен? Я не только верну твои деньги, но и доплачу ещё... ну, тысячу. Только возврати мне ... мать.

— Так, я не могу больше это выслушивать, — ухмыльнулся другой офицер. — Пойдём, лейтенант.

— А не арестовать ли этого прощелыгу? — предложил тот. — Торговля людьми и всё такое...

— Не стоит, — вмешалась Анастасия Фёдоровна. — Пусть себе уйдёт с миром.

— Мать, но я же твой сын! — словно опомнившись, воскликнул Буця. — Как ты можешь?!

Лицо женщины стало строгим, как грозовая туча.

— У меня нет сына, — сухо произнесли её уста. — Такого сына. Мои дети — вот они, взгляните.

С этими словами она приоткрыла дверь, из-за которой выглядывали несколько детских мордашек.

— Вот мои дети! — твёрдо сказала она. — И они никогда не назовут свою мать собакой...

Казус

Если Вам кто-нибудь скажет, будто мужская любовь к женщине основывается (по крайней мере, на начальной стадии) на иллюзии, будьте уверены, что так оно и есть. Ни для кого не секрет, что в период взросления молодой человек, глядя по сторонам, обращает внимание на девушек, а читая книги, пытается создать в воображении некий идеал, к которому в более взрослом возрасте его в той или иной степени влечёт, как бабочку к раскалённой лампе.

Так произошло и с Владом Кошкиным, тридцатилетним человеком хорошего сложения и не менее хорошего воспитания. К своему возрасту

он успел познать в разных оттенках как радости от сближения с женщиной, так и горечь разочарований; поэтому, казалось бы, ему следовало давно распрощаться с подростковыми иллюзиями, да не тут-то было. Случались у него и горячие влюблённости, влияющие на рассудок не хуже дурмана, и простые увлечения, в процессе достижения которых чувственность разгорается, как пламя доменной печи (только почему-то впоследствии чувствуешь себя опустошённым). Дважды или трижды Влада удостаивала своими посещениями её величество Любовь. Брюнетки, шатенки, блондинки, каждая из которых, конечно, отличалась чем-то особенным и неповторимым, увлекали его к порталу, ведущему в новые, неведомые и чарующие миры, от познания которых он, разумеется, никогда не отказывался. Только спустя время он с удивлением замечал, что о большинстве из бывших лучиков и бабочек, за которыми когда-то был готов следовать хоть на край света, он позабыл, и делает это тем охотнее, чем больше истекает времени с момента расставания. Конечно, он помнил о первой близости... Не всё, но ЕЁ помнит...довольно смутно. Как правило, первая близость у мужчины происходит с более опытной женщиной. Она чем-то ему нравится, её голос, глаза что-то обещают. Есть девушки и намного лучше, а эта не та, к которой

могло бы устремиться сердце, но другие не обещают, а эта как раз обещает... Это можно сравнить с первой ямой, которую удалось перепрыгнуть. Что там, на самом её дне — об этом и знать не хочется; главное, что перепрыгнул... И, вопреки вчерашним, ещё наивным фантазиям об ЭТОМ, всё происходит как-то примитивно, почти по животному, даже грубовато и с болью. Ты для этой женщины вовсе не открытие, ибо до тебя у неё был достаточный опыт. Она тебя не любит, но ей где-то, в глубине самолюбия, льстит мысль, что именно она лишила тебя невинности.

Иногда, анализируя былые связи, Кошкин задавался вопросом: «Почему, несмотря на общность интересов, вкусов, взаимную симпатию, у меня ничего серьёзного не получилось ни с одной из этих женщин?» Экий казус... Напрашивался вывод: чего-то в отношениях не хватало — в конкретной женщине, в нём самом или же у обоих вместе. Наверное, чего-то эдакого... неуловимого лучика, отсвета от некой высшей женственности, о которой он любил фантазировать в ранней юности. Для того, чтобы это понять, ему оказалось мало знаний, полученных в медицинском университете, поэтому он занялся изучением психологии, посещая разнообразные лекции на тему взаимоотношений между полами. На одном из семинаров лектор поднял тему о юношеском идеале, которые

формирует впоследствии отношение мужчины к женщинам. О, Владу было что вспомнить. Его идеал отличался выразительными голубенькими глазами, такими добрыми и честными, что не поддаётся описанию; у него были длинные, волнистые, отливающие золотом, волосы; характер его был открытым, благодушным, движения — плавные, женственные, плечи немножко уже, чем тазовая область, а голос — настолько мелодичный и нежный, что юноша блаженствовал в своих грёзах, слыша его на каких-то высочайших уровнях. К тридцати годам Кошкин не сумел бы вспомнить даже о половине всего, что когда-то для себя намечтал, но с каждым годом, познавая женщин всё более, он вздыхал почему-то всё чаще. Все они разительно отличались от его идеала, от Мечты...

— Вы взгляните, господа, — призывал другой лектор, какой-то кандидат наук. — С каждым годом женщины становятся более жёсткими, мужеподобными, резкими, даже наглыми. Некоторых впору было бы назвать мужчинами в юбках, а кое-кого и животными, простите за выражение. У кого есть мнение на этот счёт?

Поднялась крепко сложенная дама, сидевшая в первом ряду. Жёстким голосом она сказала:

— А что прикажете делать, если вы, мужчины, стали на мужчин не похожи? Вы не умеете создать те условия, которые необходимы

нам для того, чтобы чувствовать себя настоящими женщинами. Вот и приходится нам достигать всего самолично. Тут уж волей-неволей в нас вырабатываются типично мужские черты.

Слушая её, Влад вспомнил своего соседа — школьного учителя, который сумел произвести троих детей, которых не в состоянии прокормить. Пока он находился на своих уроках, его жена мыла полы в подъездах, да ещё и подрабатывала шитьём. Хрупкого сложения, какой-то нерешительный... Вот права выступившая или нет? Однозначно судить нельзя. Потому что, если бы у учителя была достойная зарплата, его семье не пришлось бы столкнуться с такими унижительными проблемами. Кто-то заявит: «А пусть бы этот учитель сменил работу, стал менеджером или строителем, чтобы зарабатывать больше!» Но если этот парень — учитель от Бога? Если он рождён быть учителем? Если кроме этого он больше ничего не умеет? И должен ли педагог быть также и строителем? К чему это?..

Пока Влад размышлял, где-то с середины зала поднялся человек атлетического сложения.

— Вы правы! — воскликнул он примечательным баритоном. — Я — атлет. Видите, какие у меня плечи? Так вот, я всё чаще замечаю, что у женщин, идущих впереди меня, плечи едва ли не такие же. Далее. Во время моей юности мои

ровесницы рассуждали о чём-то с присущими юности фантазиями, сопровождая это улыбками, яркими взглядами, чувственностью. А как беседуют между собой современные девушки? Как запрограммированные зомби! У них на первом месте только выгода, деньги...

Следующей поднялась пожилая женщина в круглых очках.

— О, это профессорша из педагогического, — шепнул сосед справа. — Когда-то была хорошим врачом-гинекологом.

— О чём мы все говорим, дорогие мои? — задала она вопрос, обращаясь к присутствующим. — Смотрите: молодые, на вид здоровые женщины, которым сам бог велел беременеть и рожать детей, увы, не могут ни того, ни другого. Как свидетельствует медицина, многие из девушек утрачивают эту способность, не достигнув даже совершеннолетия! Иными словами, современные женщины и вправду приобретают мужские черты...

В зале поднялся гвалт. Не помогало ни традиционное постукивание ручкой о стаканчик, ни умоляющее размахивание руками. Все принялись спорить между собой с таким остервенением, что казалось, будто они вот-вот передерутся. Наконец, на сцену вышел моложавый мужчина, лет пятидесяти. Подчиняясь инстинкту, публика

успокоилась. Первых фраз Влад не расслышал из-за шума, но зато следующие прозвучали в полной тишине:

— На самом деле всё объясняется довольно просто, но, вместе с тем, это объяснение затрагивает целый комплекс других проблем. Как эколог, могу с уверенностью констатировать, что научно-техническая революция принесла много зла окружающей среде. Мы имеем вредные выбросы производств в атмосферу, мы их вдыхаем. Портится вода, а земля, на которой выращивается пища, наполнена ядохимикатами. Всё это мы поглощаем и... постепенно видоизменяемся. Мужчины вырождаются, а женщины — становятся подобными мужчинам.

— Мутации, что ли? — выкрикнул кто-то.

— Да, можно и так сказать.

— И что же будет дальше? Каков сценарий?

— Ну, об этом сложно судить. Во-первых, никто не подсчитывал, сколько вреда мы причинили природе и на сколько лет хватит его воздействия. Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов и повсеместную электрификацию. С утра до ночи, начиная с раннего детства, человек получает электрические импульсы. Естественно, они влияют на кору головного мозга!

— А пища нынче какая! — воскликнула тучная женщина из середины зала. — Кто помнит

советские макароны, тот никогда не полюбит макароны современные. Масло, которое кушать нельзя, соки, сделанные из концентратов, пиво... Короче говоря, кругом сплошная отравка!

— А мода — вы только взгляните! — Мода требует, чтобы девочки, начиная едва ли не с детского сада, носили высокие каблуки. В результате у них деформируется малый таз и они потом не могут родить! А игры у них какие? Прыгают и прыгают с утра до ночи. От этих прыжков, естественно, смещаются внутренние органы...

Кому принадлежали последние слова, Кошкин так и не понял.

— А теперь взгляните, — продолжал эколог. — Физиологические нарушения, потом и деформация сознания. Когда было такое, чтобы женщина была решительно настроена против материнства? Человечество дегенерирует, вырождается. Создаётся впечатление, будто природа таким образом мстит человечеству за то, что оно, вторгаясь в мир сокровенного, портит планету. Мы вырождаемся, сами себя убиваем...

Переполненный информацией, которую ещё следовало переварить, Влад дождался окончания мероприятия и побрёл домой. Каждый из выступающих был по-своему прав. И все вместе тоже. Общество действительно катится к чему-то

опасному...

Покидая помещение, он обогнал чью-то красивую фигурку, облачённую в платье. По плечам вились красивые золотистые волосы. Волосы...как в Месте... Это соображение промелькнув где-то в подсознании, принудило Влада остановиться. Но остановился он слишком резко и не вовремя: шедшая позади дама на полном ходу ударилась о его спину всем корпусом. Не ожидавший такого поворота, Влад упал. Дама, потеряв равновесие и следуя инерции, свалилась на него.

Таким образом, повод для знакомства возник сам по себе. Обладательницу красивых волос звали Наташей. Глаза у неё были серо-голубыми, голос довольно мягкий, бархатистый. Правда, линия губ несколько отличалась от тех, которые остались в мечте, да грудь была чуть-чуть поменьше и ниже, но это уже не имело значения. Как она заговорила! Как отвечала на его извинения! Её тон и манеры вовсе не напоминали те, которые в обиходе у эмансипированных овец. Влад был готов влюбиться...

Был готов, и это случилось. По истечении нескольких дней он и думать позабыл о своих былых сомнениях. В голове, перед глазами, в воображении стояла только Наташа. Он мысленно разговаривал с ней, представляя, как она

отреагирует на то или иное его слово. Они встречались, проводя время в беседах. Она о чём-то рассказывала, а он не мог оторвать взгляд от её глаз. Несмотря на то, что были они вовсе не голубыми, а всего лишь серо-голубыми, и, к тому же, несколько поменьше, чем у Мечты. Всё, чего в ней не хватало, его воображение живо дорисовывало и подкрашивало. Естественно, что обладательница ТАКИХ глаз должна обладать такими и такими чертами характера. Она, несомненно, честный и открытый человек, будет преданной женой, верной и любящей. Иначе и быть не может, ведь это же его Мечта. А она, конечно, самая лучшая в мире!

Настал день, когда она пригласила его к себе. Наташа заваривала чай, а у него в это время сердце колотилось, словно угорелое. То и дело эта двадцатидвухлетняя красавица бросала в его сторону взгляды, которые он расценивал на свой лад, соответственный его настроению и восприятию в данной ситуации.

Она предлагала печенье, а он с ума сходил от эмоций: голос слегка колебался от резкости до приглушенности, дыхание было учащённым, сердце билось, руки дрожали так, словно это — его первое в жизни свидание с женщиной.

Потом Наташа включила ненавязчивую меланхолическую музыку. Как-то получилось, что

они начали танцевать. Он уже почти ничего не соображал, понимая лишь то, что она прижимается всем телом к его телу, а её стройные ножки едва ли не подгибаются. Её дыхание тоже участилось. Танец перешёл в объятия, вначале осторожные и нежные, затем всё более раскрепощённые. Вот его губы коснулись её губ — таких влажных, ароматных, влекущих, её упругая грудь взволновала его ещё сильнее...

Беспорядочно разбросанная одежда безропотно покоилась, где придётся. Это был ответственный момент. Влад понимал, что девушка ещё может передумать. Мало ли есть на свете девиц, разыгрывающих из себя раскованных и опытных, хотя на самом деле ничего в таких отношениях не смыслят. Выцеловав её тело, как хотел и умел, на ходу постигая, как художник, тайну и красоту его изгибов и линий, он снова потянулся к её устам, которые, ответили благодарным поцелуем в то время, как руки обняли его шею. Это возбудило его ещё сильнее.

Его сильные ноги оказались между её ног. Влад заметил, что эти ножки раздвигались как-то застенчиво, словно впервые в жизни. На всякий случай он прикоснулся губами к её ушку и шёпотом спросил:

— Ты — девушка?

До сих пор всё напоминало великолепную

игру скрипача, в совершенстве владеющего инструментом. Мелодия — нежная, приятная, ласковая, животворящая — лилась, наполняя душу светом, а тело — силой.

Но что это? Вдруг, как это случается, когда внезапно лопается струна, смычок, попав на гриф, издал неприятный звук, а скрипач, краснея, опустил голову. Руки Наташи, до сих пор нежные, напряглись и оттолкнули его с силой, которую было бы невозможно предположить в этом довольно изящном теле. Глаза, до сих пор ласкающие Влада, посерели, сделались стальными и жёсткими. Голос, до сих пор нежный и воркотливый, как у голубки, прочеканил:

— Да что за пошлость! Как ты смеешь у меня о таком спрашивать? Ты кто такой?!

Опешив (понятно, что после такого ему уже ничего более не хотелось), Кошкин попытался что-то объяснить, но она и слушать не захотела.

— Пошёл вон! — не то посоветовала, не то велела она ему, глядя на него в упор холодным, немигающим взглядом.

Он не помнил, как оделся и покинул квартиру. Он шёл, куда ноги несли, будучи не в силах понять причины происшедшего. Лишь пройдя приблизительно километр, он остановился посреди какой-то аллеи у пустой скамейки. Закурив, он несколько раз затынулся и, оглянувшись по

сторонам, произнёс, обращаясь не то к кронам лип, не то к самому себе:

— Ну, что за казус такой? Ну и ну!..

Как в кино

(новейшая еврейская сага)

Сёма Шварцман представлял собою конченный тип человека, вконец измученного жизнью и обстоятельствами. Об этом красноречиво свидетельствовали его сутулые плечи и обширная лысина. Идя по улице, он спешил поскорее перейти на другую сторону, когда издалека узнавал кого-нибудь из знакомых. Однажды кто-то уличил его на этой хитрости и откровенно спросил о причине, по которой он избегал встреч с хорошими людьми. Вздохнув с видом обречённого, Сёма ответил:

— Вай, Изя! Как увижу ваши сытые, холёные лица, ваши упитанные животы!.. И шо, разве мне не будет стыдно демонстрировать свою худобу и грустные глаза?

— Сёма, — с оттенком жалости возразил друг. — Если у тебя проблемы, старые друзья помогут тебе.

— Ой, ну только не надо расчёсывать мне

нервы! — в сердцах воскликнул Шварцман и, не попрощавшись, ушёл своей дорогой.

Говорят, будто худоба человека, как и его сутулость и грустный взгляд свидетельствуют о том, что у него не всё в порядке дома и его грызут какие-то проблемы. А проблем этих было достаточно, чтобы и затосковать, и облысеть, и ссутулиться. А всё началось ещё в юности, когда Сёма, почти золотой медалист с выдающимися, как для семнадцатилетнего паренька, способностями к математике, влюбился в скромную на вид девочку из украинской семьи. Он в ней души не чаял. Прежде, чем отправиться на уроки, он поджидал свою зазнобушку перед её подъездом, чтобы помочь ей донести портфель. На переменах он покупал для неё всякие вкусности — мороженое, пирожные, конфетки. После уроков, естественно, он снова нёс два портфеля — свой и Гали. Мало того, в один прекрасный вечер эта муза вдохновила его на стихи! И это было бы совсем неплохо, если бы об этих воздыханиях не узнала мама.

Был пасмурный осенний вечер. По городу тоскливо светились фонари, сопровождая Сёму после одной из романтических встреч. Как раз перед этим он объяснился Гале в любви, спрягая сие слово на все лады и во всех падежах. Она ответила... Собственно, по существу она не ответила ничего, а лишь покраснела и застенчиво

опустила глаза, в которых несчастный Сёма видел лишь то, что хотел видеть. Едва Галя ушла домой, милостиво позволив ему прикоснуться к своей тёплой ручке, к Сёме подошли трое подростков и потребовали, чтобы он навсегда позабыл о девушке. В те времена, невзирая на пристрастие к математике, сей потомок Израиля был парень не промах: занимался боксом и акробатикой. В драке он проявил себя самым достойным образом: прежде, чем убежать, он успел не только получить под глаз, но и оставить подобные отметины на лицах каждого из членов неформальной группы людей, к нему пристававших. Но пока добрался домой, под глазом образовался довольно внушительный «фонарь».

— Ой! — вскрикнула Сима Срулевна, имевшая честь приходиться Сёме матерью. — Ты только взгляни, о Мордехай!

Мордехай Абрамович, как, вероятно, догадался читатель, был не кем иным, как отцом. Он трудился начальником цеха на солидном производстве, был человеком в высшей степени серьёзным и не терпел неясностей. Выйдя в коридор, на ходу поправляя массивные очки, он исподлобья взглянул на сына.

— Ну... И кто же испортил тебе портрет? — строго спросил он, опуская газету.

Пришлось всё рассказать, как на духу. Как вы

полагаете, что могли подумать бедные родители?

— Ой, Сёма! — вскричала мать. — Та как ты мог?! Она же не наша! Видишь, как тебя наказал бог!

— Мать, — вставил слово отец. — Только не надо причитать. Наш сын уже взрослый, он и сам разберётся. Только надо ему помочь, чем я и займусь.

Не без сожаления отложив газету с кроссвордом, Мордехай Абрамович увёл ребёнка в соседнюю комнату.

— Я хотел тебе сказать совсем не много, — начал он. — Понимаешь, мы в этой стране гости... так сказать. Нас здесь, мягко выражаясь, не любят. И всё время бьют — перед революцией, после революции, перед войной, на войне, после войны... Даже нынче, в восемьдесят пятом году! Я ничего не имею против этой девушки. Я уверен, что мой сын мог влюбиться только в самую красивую и достойную. Но ты должен понять великую истину: украинские девушки и наши девушки — вовсе не одно и то же, как может показаться. Наши девушки получают в семье совсем не такое воспитание, как украинские. Благодаря этому, в более взрослом возрасте они никогда не ссорятся с мужьями, никогда им не изменяют, никогда не высказывают неуважения к мужчине.

— Папа, Галя — самая добрая! — вскричал,

глотаю комок в горле, Сёма. — Она не грубит, не ссорится...

— Но самое главное, сын мой, — продолжал отец, пропуская мимо ушей заявление сына, — заключается в другом.

— В чём же, папа?

— Вскоре мы уезжаем на нашу великую родину, — почти шёпотом, но с превеликим достоинством изрёк Мордехай Абрамович.

— Как?! И я?

— Естественно!

Наверное, папа полагал, что сия весть несказанно обрадует непутёвого сынка, но тот отреагировал по-другому:

— Значит, я потеряю Галю?! — только и произнёс он.

Этот разговор мы привели здесь лишь затем, чтобы вы, господин читатель, могли составить непредвзятое впечатление о степени влюблённости Шварцмана-младшего и о той жертве, которую он впоследствии принёс ради великой любви. Когда понадобилось заполнять анкету для КГБ, Сёма заявил, что желает остаться. И произнёс эти слова настолько твёрдо, что даже чекисты взглянули на него так, словно узрели сумасшедшего. Один из них попытался воздействовать на Шварцмана-старшего, выпалив стандартные словечки:

— А вы знаете, что хорошо лишь там, где нас нет?

Хитро улыбнувшись, Мордехай Абрамович ответил:

— Ой, не учите меня жить! Ведь я и еду туда, где вас нет!

Затем он обратился к чаду тем внушительным тоном, которым древние патриархи обращались к разношерстной массе детей Израиля:

— Сын мой! Если ты предашь нас, своих родителей, тебя накажет бог!

— Нет, папа, я остаюсь! — решительно повторил Сёма.

— Сын, ты предаёшь не только нас с мамой, но и весь еврейский народ!

— Я... остаюсь... — менее решительно, но упрямо твердил своё Сёма.

— В таком случае, мы отрекаемся от тебя!

Что говорить? Сына поняла (или попыталась понять) только мама. Всплакнув, он едва заметно сунула ему в карман пачку десятирублёвок, что составляло ровно тысячу советскими деньгами, и шепнула:

— Ты можешь пожить у Шулерманов, а потом поступить учиться...

Шулерманы приходились родителям Сёмы дальними родственниками и могли бы присмотреть за ним или, в худшем случае, накормить обедом.

Жизнь Сёмы после отъезда родителей завертелась по совершенно новому руслу. Он действительно поступил в университет, что не мешало ему встречаться с Галей. Теперь эти встречи проходили в его квартире, что повергало в шок всех дальних и близких сородичей, только Сёме до них не было никакого дела, поскольку он был очарован невестой и больше ни о чём не хотел слышать. Стремясь использовать свободу максимально, он, едва дождавшись наступления совершеннолетия, на следующий же день взял Галю за руку и повёл в ЗАГС. Ему даже в голову не приходило познакомиться с родителями девушки; он и позабыл об их существовании! Но на импровизированной свадьбе, напоминавшей, скорее, узкую студенческую вечеринку в домашних стенах, пришлось увидеть и новоиспечённых папу с мамой. Отец Гали представлял собой спившегося неудачника, на которого то и дело грозно посматривала жена. В этом взгляде было много строгости, но ещё больше — презрения. Мать выглядела не хуже весеннего петуха — столь же разукрашенная и напыщенная. Оказалось, что она трудилась завмагом. Именно она посоветовала Сёме прописать Галю в своей квартире.

Спустя месяц Галя сообщила, что ждёт ребёнка, чему Сёма, естественно, несказанно обрадовался. Но вскоре молодая жена, как-то

подчёркнуто страдая от токсикоза, промурлыкала:

— На тебя даже соседи как-то косо смотрят. Понимаешь, мне тоже немного неловко...

— Что случилось, милая? — недоумевал глава семьи.

— В народе принято, чтобы мужчина создавал семью, только отслужив в армии...

При мысли об армии Сёма почувствовал, как по спине побежали мурашки, но тотчас же взял себя в руки.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл служить? — удивился он. — Но кто же будет тебе помогать, когда ты родишь ребёнка?

— Не то, чтобы хотела, но надо бы...

Вздыхнув с некоторой обречённостью, студент Шварцман позволил военкомату призвать себя в ряды Красной Армии. Провожая мужа, Галя обещала, как это заведено, ждать его и не забывать.

Служил парень хорошо, да будет это сказано к его чести... если не считать глумления «дедов» и презрительного отношения со стороны пропившегося офицера. Лишь на втором году службы командование заметило его математические способности и предложило работу в штабе, что в какой-то мере обеспечивало ему независимость от обидчиков.

Галя писала всё реже и реже, что повергало Сёму в уныние. На его вопросы отвечала тёща: «Ты

пойми, Сёмочка, что Галя занята ребёночком, потому не может выкроить время на письма. Но она любит тебя по прежнему...» Парню, воспитанному на честности и порядочности, даже в голову не могло прийти, что-то плохое.

Дослужив, как положено, Сёма вернулся домой, предвкушая, как будет им гордиться любимая жена. «Вот, — рассуждал он, стоя перед дверью собственной квартиры, — завтра же восстановлюсь в университете, устроюсь работать, и всё будет хорошо.»

Открыла тёща. По её виду нельзя было определить, насколько она рада появлению зятя: держа в руках бутылку пива, она курила сигарету. Сквозь распахнутый пеньюар отчётливо просматривалась слегка обвисшие, но полные формы. От сего зрелища Сёма опешил и отступил назад.

— Ой! — воскликнула женщина, поворачивая голову и обращаясь к кому-то в глубине квартиры. — Затёк приехал!

При этом голос её задрожал.

— Вы курите? — удивился он. — Но в квартире ведь ребёнок...

— Ты проходи, сам увидишь, — пригласила она, бесцеремонно схватив Сёму за руку.

На кухне ему представилась сцена: за столом, украшенном объедками колбасы и салата,

уоставленном бутылками водки, вина и пива, восседали Галя и двое мужчин. Один из них выглядел на лет двадцать пять, другой приходился ровесником тёщи. Компания как раз дошла до того уровня опьянения, когда хочется болтать и веселиться. Увидев мужа, нежданно вернувшегося, Галя слегка стушевалась, но в следующий миг, взяв себя в руки, слёзно произнесла:

— Ой, Семён! Ты приехал?!

— Да, дорогая! — воскликнул он, протягивая руки навстречу. — А где наш сын?

— Понимаешь... он умер...

— Как умер?! — вскричал он, выпуская из рук чемодан с подарками.

— Да... Мы не хотели сообщать тебе об этом, чтобы ты лишний раз не беспокоился. Ведь ты такой отзывчивый!.. А сегодня мы решили устроить маленькие поминки...

— А тут как раз приехали мои родственники из Жмеринки, — вставила тёща, незаметно делая знак мужчинам. — А меня вот уволили с работы...

Сёма пропустил последние слова мимо ушей, поскольку подробности жизни дражайшей тёщи интересовали его меньше всего. А ему следовало знать, что мать супруги совсем недавно едва не угодила за решётку, увильнуть от которой помогли многочисленные взятки и продажа квартиры.

Спустя несколько минут «родственники»

вдруг заторопились на поезд. Сёме больше никогда не приходилось с ними встречаться.

В течение последующих дней Шварцман много думал, не забывая отдавать должное молодой супруге, которую полюбил пуще прежнего. Только теперь его чувство достигло некой зрелости и напоминало яркий солнечный день.

Вместо того, чтобы восстанавливаться на математическом факультете, он поступил на юридический. Гордясь красавицей-женой, он даже представил её нескольким своим друзьям. Они же вскоре помогли ей поступить на экономический. Окрыленный новыми планами и перспективами, Сёма штудировал юриспруденцию и даже подрабатывал консультациями. Галя, учась на заочном отделении, часто ездила в какие-то командировки; впрочем, это не вызывало у влюблённого мужа никаких подозрений.

Прошло несколько лет. За это время Сёма превратился в юриста преуспевающего, ярким свидетельством чего стал двухэтажный домик под столицей, воздвигнутый на честно заработанные деньги. Подчиняясь большой любви, вдохновлённый и постоянно окрыляемый ею, Сёма подписал дарственную на имя Галины. В те дни она была с ним особенно любезной...

Впрочем, счастье не может продолжаться вечно, ибо это — поток энергии, импульс. Сколько

бы он ни продолжался, рано или поздно иссякает, если нет постоянной подпитки. С некоторых пор обращение жены стало более сдержанным и резковатым. Мало того, она всё чаще отказывала ему в близости.

Шварцману исполнилось тридцать пять лет, когда он случайно встретился со старым школьным товарищем. Посидели, поговорили... В процессе разговора он заметил, что собеседник смотрит на него вроде как с иронией. Сёма насторожился и начал осторожно выпрашивать, постоянно наполняя рюмки. Наконец друг достиг той степени опьянения, когда развязывается язык. Похлопывая его по плечу, он, беспощадно картавя, произнёс:

— Слушай, Сёма. Ты — дугак!

— Я? Почему? — изобразил удивление тот.

— Потому шо ты слепой.

— Я?!

— Ну, не я же... Пока ты был в агмии, твоя жёнушка гуляла направо и налево. Даже на пагу с матушкой, котогая в своём магазине пговоговалась настолько, что едва отвегтелась. Твой тесть, каким бы ни был пьяницей, не выдегжал позога и благополучно умег.

— Откуда ты всё это знаешь? — сжав кулаки, процедил сквозь зубы Сёма.

— Ой, да как же не знать? — засмеялся собутыльник. — Да все наши знают и потешаются.

— Обо всём?

— Ну, конечно! Знаешь, эти твои родственники основательно подгывают твою репутацию. Ты вполне можешь потегять клиенту...

— А что ещё тебе известно?

— Ну... Сёма, зачем тебе нужна эта гязь?

— Если уж запачкался, можно и окунуться — все равно мыться придётся...

— Ну, как знаешь... Знаешь, почему Галя вышла за тебя?

— Любовь у нас была...

— Ой, Сёма! Только не гасчёсывай мне негвы!! — ухмыльнулся собеседник. — У неё в то время было полно ухажёгов, с одним из котогых она даже спала. Или ты не заметил, что взял уже опытную женщину? Наивный... Это её мать научила гасписаться с тобой, шобы потом захватить твою квартиру. Только не удалось тебя выписать, потому шо паспогтисты честные попались. А она, стагая калоша, даже в часть к тебе ездила, говогила с твоим командигом, пгосила сделать так, шобы ты не возвгащался домой. А ты, добгая душа, небось, сжалившись над мамой жены, поселил её у себя? Смешно... Гебёнка, говогишь, нет у вас? Так это последствие абогта, котогый она сделала, пока ты служил... Твоя жена тебе и сейчас изменяет. Это какой-то кавказец, он — большой бизнесмен,

повязан с тёмными личностями...

Вернувшись домой, Шварцман, первым делом, обратился к жене. Ему не верилось, что его Галя способна на такое. Но он жестоко ошибся. Лучший способ защиты — нападение. Понимая, что разоблачена, жена устроила ему такую сцену, что можно было понять: это те эмоции, то подлинное отношение к нему, которое она сдерживала в течение длительного времени. «Вот она — настоящая! — вдруг осенило его. — Ой, как же были правы мои бедные родители!. Ничего...Ничего, я её прогоню!»

Да не тут-то было, потому что Галя хорошо была осведомлена о своих правах. Это она могла бы его прогнать, стоило ей только захотеть. Судиться с ней? Превратиться в посмешище? Тут Сёма понял, что переборщил, ибо деваться будет некуда. Маски сброшены...

С того дня Галина всё контрастнее подчёркивала своим поведением, насколько он лишний в её доме, а Сёма, не имея возможности открыто протестовать, начал прикладываться к спиртному. К тому же, он чувствовал, что всё ещё любит эту неблагодарную, блудливую кошку, несмотря на то, что она при каждом удобном случае пытается его оскорбить, называя неудачником, рогоносцем, ничтожеством. Со временем ему стала безразлична работа, ему было стыдно попадаться на

глаза знакомым, ведь каждый из которых «знал» о нём всё. Вот почему плечи его ссутулились, словно он стремился сжаться, превратиться в незаметного муравья.

Однажды ему, казалось, повезло. Причиной везения стала внезапная мысль: «А почему бы мне не обзавестись любовницей? А что? Доходы вполне позволяют мне такую роскошь... Вдруг посчастливится?..» И женщина попала на глаза в тот же день. Он встретил её у метро, даже помог собрать яблоки, которые неведомым образом вывалились из её корзинки. Как в кино... Потом они зашли в какое-то кафе и пили кофе. Она была невероятно хороша собой, грациозна, в глазах играл неподдельный интерес к его особе. Вместе с тем, она не была похожа на одну из тех кукол-мутанток, этих порождений современности, которые от нечего делать ищут приключений. По её словам, ей приходится одной растить дочь, трудится на двух работах... «Это она, она!» — повторял себе Сёма, чувствуя, как сердце вновь наливается жизнью, а плечи распрямляются. Её звали Анной. Ему польстило, когда она проявила интерес к его биографии.

— Знаете, я даже не знаю, как объяснить, — замылся он. — Не хочу сказать ничего плохого о своей супруге, но... Понимаете, она по натуре — тиран... Да, домашний тиран. Я прожил с ней

немало лет, но теперь, после длительной паузы в отношениях, понял, что мне не стоило на ней жениться. Мне необходима другая женщина... вот Вы, к примеру... Я чувствую, что Вы — именно та, которая мне нужна...

Как же он обрадовался, когда Аннушка согласилась встречаться! Даже сегодня!

Проводив её до остановки, он поспешил решить некоторые дела, касающиеся работы, что заняло вторую половину дня; после этого он взглянул на часы.

— Вот, до встречи больше часа. Я успею заскочить домой, чтобы помыться и переодеться.

Сердце трепыхалось, словно птичка, зажатая в ладошке шаловливого мальчишки. Сёма чувствовал себя не менее влюблённым и счастливым, как в тот день, когда Галя впервые сделала ему честь, позволив проводить её до дома.

Вот и дом. Его и, вместе с тем, давно не его. Но пока официального развода не было, он имеет какое-то право хотя бы ночевать в нём. «Снова видеть эту мегеру!» — обречённо подумал он, но, успокоив себя мыслями о новой знакомой, мужественно устремился вперёд. Открыв дверь своим ключом, он стремительно направился в свою комнату. Для этого следовало пройти по длинному коридору, минуя гостиную, кухню и ванную.

Вбежав к себе, Сёма оторопел: на его диване

восседали две женщины. Они вели себя, как давнишние знакомые, которые давно не виделись, но чрезвычайно рады этой встрече. Это были Галина и... Анна. Они улыбались, взирая на него заговорщическими взглядами, и пили чай с тортом.

— О, Ромео явился! — одарив его испытующим взглядом, констатировала Галина.

— А мужчина-то он у тебя галантный, — сказала Анна, сверкнув многообещающим взглядом.

— А у нас новость для тебя, — серьёзно произнесла жена.

— Послушай, Сёма...или как там тебя... — столь же серьёзно продолжила Анна. — Ты вот жаловался, будто у тебя есть жена-тиран, жена-диктаторша. Так вот, я хочу тебя поздравить: теперь их у тебя будет целых две! Ну же, иди сюда, в наши объятия, милый!

Побледневший, едва не лишаясь разума, Шварцман отступил назад. Ноги подогнулись под весом дрожащего тела, так что он едва не упал; однако в последний миг, кое-как справившись с собой, развернулся на 180 градусов и, не стесняясь, побежал прочь, беззастенчиво вопя, как младенец.

Вдогонку ему послышался наглый, безжалостный, издевательский смех...

Крест

— Привет, папа! — прозвучал в трубке родной голос.

— Привет, сынок! — обрадовался мужчина, откладывая лопату в сторону. — Как твои дела?

— Спасибо, нормально. Папа, поздравляю тебя с днём рождения.

— Спасибо!

— Я хочу тебе пожелать, кроме здоровья и иных стандартных вещей, ещё и творческого вдохновения, массы почитателей, благосклонности муз. И, главное, стойкости. Ты не должен ни на миг забывать, что подлинный смысл твоей жизни — в творчестве.

Обыкновенные люди, живущие жизнью обыкновенной, имеют и самые обыкновенные вкусы. Например, они обожают каждый праздник, готовятся к нему и торжественно отмечают. Особенно дни рождения. Ещё задолго до него подсчитывается количество затрат, формируется список гостей, сердце наполняется истомой ожидания...

Павел Мясковский вряд ли мог быть отнесён к упомянутой категории человеческих созданий хотя бы потому, что терпеть не мог не только собственного дня рождения, но и вообще праздничных и выходных дней. И такое отношение началось лет пятнадцать назад. Впервые он

задумался над этим в разгар своего тридцатилетия. В то время у них с женой наметились первые признаки глубокой и широкой пропасти, которая разделяет их без малого уже семь лет и вылилась в развод. К вечеру сошлись её родственники, словесно поздравили, вручили символические подарки: пачку сигарет, зажигалку, а тёща — чайный сервис. «Зачем мне эта дрянь?» — мысленно возмутился тогда Павел, но на лице изобразил благодарную улыбку. Гости выпили по первой и... заговорили о земле и политике: кто сколько урожая в районе собрал, куда возят в этом году сахарную свеклу и какие очередные подлости для фермеров готовит украинский парламент. После третьей, которую пришлось подталкивать изрядным количеством оливье и заливной рыбы (фу, какая гадость!) гостям захотелось петь. Инна взяла в руки баян и в течение часа наигрывала народные песни, а родственники невпопад подпевали, бессовестно фальшивя. И тогда, наблюдая за лицами, на которых отражались сытость и удовлетворение собой, Мясковский сказал себе:

— Нет, больше я такого не желаю!

И вот уже пятнадцать лет он упрямо отказывается от гостей и торжеств, ограничиваясь лишь тортом и присутствием детей...

— И ещё, папа, — продолжал сын. — Я хочу

сказать тебе огромное спасибо за то, что воспитал меня именно таким. Ты самый лучший отец на свете.

От этих слов в груди замерло сердце, а в глазах появилась предательская влажность.

— Да ну, — пытаюсь сдерживать дрожание в голосе, возразил Павел. — Я же тебе несколько раз давал по мягкому месту...

— Мало давал, — засмеялся голос в трубке.

В этот день ещё с утра у него упало настроение. Не жизнь, а сплошная рутина — хозяйство, огороды, однообразие и бесперспективность. Частично он был виноват сам в том, что так получилось. В своё время, закончив литературный факультет в МГУ, он мог устроить карьеру и сделать бытие насыщенным и увлекательным. Но в те времена, когда мужчина склонен больше думать не головой, ему показалось, будто на Инне, с виду скромной и хорошенькой сельской девушке, сошёл клином белый свет. Да она и впрямь была таковой! Даже дочь, не замедлившую появиться на белый свет, Павел назвал именем её мамы. Любила ли она его той великой и яркой любовью, о которой пишут поэты? Сейчас, частенько просеивая былое сквозь сито аналитической сферы ума, он в этом сомневался. Да, девочка, не видевшая к своим восемнадцати годам ничего, кроме своего райцентра, восхищалась

молодым человеком с хорошо подвешенным языком, довольно симпатичным и, к тому же, умеющим писать стихи. А ещё блестящее образование, в котором для неё сосредотачивались едва ли не все мечты о будущем...

Но в городе устроиться вместе с молодой женой не получалось, потому, не долго думая, Павел уволился из института, в котором преподавал, и уехал на родину супруги.

— Полагаю, что кандидата наук хотя бы в школу возьмут? — улыбался он оторопевшим Инниным родственникам, для которых бросить карьеру означало нечто вроде конца света.

А он был готов на всё ради того, чтобы быть с ней.

Увы, всё получилось не так, как он рассчитывал. Его расчёт базировался на логике, но он выбросил из головы, что в нашем государстве капитализм развивается, противореча здравой логике. Когда ему впервые намекнули, что для того, чтобы получить полную ставку в школе, следует вручить «кому надо» ни много, ни мало пятьсот американских рублей, он не хотел верить ушам: «Как! Школа должна быть счастлива, что получает на роль рядового учителя языка и литературы не какого-нибудь двоечника, закончившего уманский педвуз, а специалиста с учёной степенью!»

Как бы там ни было, пришлось Павлу

работать грузчиком, а время, свободное от работы, посвящать огородничеству. И только в зимнее время, когда работы становилось меньше, он получал возможность иногда заниматься любимым делом — сочинять стихи. Он терпел все невзгоды, пока существовала любовь. Но за годы сельской жизни жена изменилась. От той милой и искренней девочки, в которую он некогда был влюблён, не осталось практически ничего. Родная среда и общение с грубыми крестьянами превратили её в столь же грубое, мужланистое создание, в известной степени безалаберное и лишённое утончённости. Между ними всё чаще случались ссоры, которые подогревались её родителями. Он должен был жить исключительно для жены, детей, для традиций этой семьи, исполнять их желания, пахать в огородах, срывать руки ради денег. А если оных оказывалось не вполне достаточно для удовлетворения чужих прихотей, его не стеснялись называть неудачником. Мало того, склонность к стихотворству однозначно назвали чепухой и блажью, потому что они не приносили неких, загадочно шелестящих бумажек, на которые можно удовлетворять свои запросы. Потому он мог писать изредка, украдкой, чем, по всей вероятности, смешил не только муз, но и жену.

Сельская жизнь засасывала его всё сильнее, постепенно вытесняя из плоти собственное «я».

Дети выросли и живут собственной жизнью, посещая папу с мамой лишь изредка. Что осталось в этом мире для самого Мясницкого? Уже более пяти лет, как он развёлся с женой, ибо однажды понял, что их ничего не связывает. Он уехал сразу же после развода и уже начал строить новую жизнь в далёком Заполярье, как вдруг однажды получил известие, что Инна тяжело заболела и ей грозит инвалидность. Уточнив эту информацию, он, недолго думая, вернулся. О какой-то любви говорить не приходится, с этим всё понятно. Однако он был так воспитан, что не мог оставить в беде мать своих детей. Она вроде и обрадовалась, но, в целом, отношение к нему не изменилось. Даже вынося горшки, стирая и готовя, он то и дело чувствовал на себе её презрительный взгляд. Он терпел, сжимал зубы, но продолжал своё дело. Иногда терпение достигало какого-то определённого предела, и он позволял себе выпить «для снятия стресса», чтобы, успокоившись, вести ту же рутинную жизнь.

После разговора с сыном Павел не сумел сдержать эмоций. Они выливались вначале скупой слезой, но уже спустя несколько мгновений переросли в беззвучное рыдание. Грудь в области сердца наполнилась пудовой тяжестью, дыхание забилося...

Жизнь загублена, прожита зря. Ради чего?

Ради детей? Может, и так... Но можно было и жизнь не портить, и детей иметь. К тому же, дети — это вовсе не наше будущее, как учит наша высокопарная, слащаво-пошлая мораль; дети — это их будущее, и мы в этом будущем играем роль не более, чем ступеньки. Дети стали взрослыми. Жена давно перестала быть женой. Хуже всего то, что выветрилось взаимоуважение. Разве уважающий человек способен относиться к интересам другого человека свысока? Изменить жизнь, отважиться бросить Инну? За последние месяцы такая мысль не раз посещала Мясницкого, но всякий раз его останавливало нечто. Если бросать — куда ехать? В Заполярье его никто не ждёт, он проворонил свой шанс. Надеяться устроиться на Украине — напрасная иллюзия. Разве что на копеечную зарплату, которая даже не позволит выжить. Питаться надежды на появление в его жизни сказочной принцессы, которая, влюбившись в него, заберёт к себе, не приходится. Так случается только в сказках, да и то простонародных.

— Всё, это финал... — промолвил он, обращая взор к небу. — Картина Репина «Приплыли»...

От этих горестных мыслей его отвлёк сосед.

— Паша, иди-ка сюда! — вполголоса позвал он, подкрепляя слова заговорщическим взглядом. — Быстрее, у меня бутылка есть!

«А что, весьма кстати...!» — успел подумать Мясницкий.

Первая стопка, вторая, третья... В качестве закуски использовали яблоко. Павлу, непривычному к водке, ударило в голову. Сосед уже ушёл, а он остался сидеть на меже, разделяющей их территории. В хмелю родилось решение.

Пошатываясь, Павел зашёл в дом, переоделся и заявил:

— Нам следует расстаться, Инна. В этом доме есть твои интересы, твоя болезнь, твои запросы, интересы детей. А скажи на милость, где во всём этом твоём раю находятся мои интересы? Что осталось от меня самого? Так что я уйду.

Её лицо сделалось каменным. Зная из опыта, что дожидаться хотя бы слова бесполезно, он молча вышел из дома. Куда он пойдёт, если в кармане всего несколько гривен?

По мере удаления от дома он чувствовал, как грудь снова наливается странной тяжестью, ко всему начала затекать левая рука. Да ещё эта погода — уже месяц льют дожди, мрачно и холодно.

Оказавшись у магазина, он вошёл в помещение и потребовал сто граммов водки.

Спустя пятнадцать минут ноги неуверенно внесли его в лес. Ему с детства нравилось бывать в лесах. От таких прогулок всегда становилось легко

и радостно.

Между тем, сгущались сумерки.

— А что, если заночевать прямо в лесу? — пришла в голову сумасбродная идея.

Вспомнилось, как в двенадцатилетнем возрасте он впервые провёл ночь в лесу, заключив пари с ровесниками.

Минут пять Мясницкий ломал ветки, аккуратно укладывая их на землю. Мысли и чувство обиды за напрасно прожитую жизнь не давали покоя. Почувствовав, что стало трудно дышать, он присел на импровизированное ложе. Рука потянулась к сердцу. Опьянение достигло своего апогея, Павла шатало и тошнило, да ещё было трудно дышать. Всякое движение вызывало боль в области сердца. Кое-как улёгшись, он прикрыл глаза и постарался отвлечься от навязчивых мыслей. Это не удавалось. Обида и горечь разрывали его существо на части. Внезапно он почувствовал, как сердце то колотится, как бешеное, то словно замирает, а дыхание забилося. Не понимая, в чём дело, он широко открыл глаза и приподнялся, стараясь вдохнуть поглубже.

Но это был конец... Спустя минуту его тело, неестественно вытянувшись на опавшей листве, неподвижно застыло. С осины на мёртвое лицо упал лист, словно дриада таким образом высказала своё почтение к таинству смерти... А может, это

печальная, осиротевшая муза попрощалась с непризнанным талантом?..

Любовь

Взирая на меня, словно слон на моську, женщина открыла сумочку и извлекла из неё пачку сигарет.

— Здесь не курят, — вкладывая в тон как можно больше извинения, пресёк её намерение я.

Она мне не понравилась с первой минуты. С дамочками, подобными ей, я бы не стал разговаривать даже в метро или в магазине, предпочитая обходить их двадцатой дорогой. Есть категория людей, полагающих, будто мир должен вертеться вокруг их амбиций и капризов. Да у них, собственно, всё и упирается в это словечко: «Он должен». Если бы за неё не просила моя давняя знакомая, я бы и не знал о существовании этой... как её... «Никитина Маргарита Васильевна, домохозяйка» — прочёл я в карточке. Я всегда заводил отдельные карточки на каждую клиентку. У многих людей возникают проблемы в семье или вообще на личном фронте. Не сошлись характерами, муж обижает, кто-то третирует, кто-то оказывает давление на личность... Сколько подобных проблем бывает в наше время! Но я отдаю предпочтение женщинам. Видите ли, ещё в

студенческие времена я сделал вывод: индикатором общества является женщина. Она звено слабое, хоть и от природы более одарённое, чем мужчина. Если лечить отношения или семью, надо начинать с женщины. Да в её воле и самой всё вылечить, только не мешало бы направить, помочь ей собраться с мыслями. Как правило, так и получается. Но иногда попадаются вот такие — вроде Никитиной, — самоуверенные, «самодостаточные» (за чужой счёт, конечно), наглые, в чём-то даже мужеподобные.

Прежде, чем анализировать её проблемы, мы говорили о любви как таковой.

— Вы говорите о любви как о явлении обыденном, — сказал я после того, как она изложила собственную точку зрения на сей счёт. — Складывается впечатление, будто речь идёт о покупке сковородки или килограмма курятины. И это — о великом чувстве, которое вдохновляло людей на сумасбродные поступки!

Я умею вкладывать в свои слова нужный смысл, но, вместе с тем, могу и обмануть, облекая их в тон шуточный или доверительный. Обычно это сбивает с толку. Вот и сейчас, полагая, будто я шучу, Маргарита раскрепостилась.

— Почему же? Это жизнь. Я ничего не имею против чувственности, но не следует забывать, что всегда во всех отношениях превалирует личный

интерес. Романтика романтикой, а правда жизни — это... словом, это и есть жизнь. Я считаю, что если муж любит меня, если он хочет...ну... спать со мной... он должен создать условия. Ему хочется, чтобы я дарила ему счастье. По мнению мужчин, счастье заключается именно в обладании. Это как в коммерции — интерес за интерес. Мне ведь тоже хочется что-то получать с его интереса. Мне нужна квартира, и не какая-нибудь, а в центре столицы, удобная, с приличным ремонтом и удобствами цивилизации. Я нуждаюсь в автомобиле, и не в «Запорожце», конечно. Чем я хуже людей? А вдруг появится ребёнок — неужели прикажете кормить его обыкновенным борщом и отдавать в обыкновенную школу? Вот если мужчина создаёт для женщины приличные условия, тогда она и чувствует себя по-настоящему счастливой.

Ничуть не сомневаясь в своей правоте, дама удостоила меня взгляда оскорблённого величия, она потянулась за сигаретой, полагая, что ей всё позволено. «Я — центр планеты», «я — воплощение совершенства», «я — венец творения» — красноречиво говорили её карие глаза. С её слов, у них с мужем когда-то была любовь. Но за 10 лет совместной жизни она прошла, поскольку он оказался неудачником. А каким ещё словом можно назвать существо, неспособное «создать условия для такого «совершенства» и «венца»? У подруг

мужья как мужа — и шубки дорогие покупают, и спа-салоны оплачивают, и по две машины имеют, да ещё и денег в семью приносят столько, что у них нет необходимости ковыряться в посуде, чтобы собственноручно готовить ужин. А вот ей, бедняжке, попало полное ничтожество. Конечно, в определённой степени она к нему привязана, но ведь всему на свете существует предел...

Пока я наблюдал за этим чудом в юбке, в моей голове вертелись давно позабытые истории о женщинах, описанные задолго до нашего поколения. Пассук Джека Лондона отдала мужу последний сухарь, конечно, не предполагая, что он ей что-то «должен»... И вдруг из глубин моей памяти вынырнул, как из пучины морской, эпизод, связанный с моими юношескими похождениями.

Блаженное то было время: работаешь до изнурения, потом принимаешь душ — и силы восстановились. И ты занимаешься сверх работы ещё и учёбой, политикой, женщинами. А когда надоест рутина — путешествуешь, сколько душе угодно. Просто идёшь на вокзал, покупаешь билет на первый же попавшийся поезд и едешь, куда глаза глядят. Благодаря этой особенности характера мне посчастливилось объездить почти весь Советский Союз. Однажды обстоятельства забросили меня в Хабаровский край, где много дикой природы и слишком мало всего того, что мы называем

«цивилизацией». Тамошнее население ещё не утратило способности оценивать человека по его внутренним качествам, а не по материальному положению.

Побродив по тайге около двух недель в компании старого геолога Ильича и молодого проводника-бурята Ивана, я, наконец, обнаружил в себе то приятное чувство, которое означает для врождённых одиночек подлинное счастье. Это чувство ни с чем не сравнимо; его невозможно описать с той же лёгкостью и методичностью, с какими мы можем описать впечатления от посещения магазина. Нет, невозможно, поскольку оно включает в себя слишком многое — свободу духа, наслаждение от единства с природой, осознание себя неотъемлемой частицей вселенского бытия, микро- и макрокосмосом...

— Сейчас перейдём Кирилку, — сказал Иван, указывая в неопределённом направлении, — потом свернём направо, а там и Буреинский хребет...

— Я помню, — прервал его геолог. — Ванюша, а зачем мне Буреинский хребет? Ты ведь ведёшь меня к Становому.

— Веду. Только вряд ли наш гость пойдёт так далеко. Мне хотелось показать ему Буреинский, поскольку он — как Становой, только в миниатюре. Кроме того, там для него есть кое-что интересное.

— Что именно? — насторожился Ильич. —

Может, руды какие?..

— Э, паря, — засмеялся бурят. — Тебе бы только о камнях разговаривать. Нет, там когда-то находился староверческий скит, вот я и подумал...

Но старик его уже не слушал, ибо всё, что не касалось камней, не представляло для него интереса.

Река Кирилка, названная так в честь давно канувшего в Лету охотника, в эту августовскую пору представляла собой ручеек шириной едва ли три метра; мы преодолели её легко, почти не замочив ног. Петля между огромными соснами, мы вскоре вышли к небольшой долинке, за которой начинался подъём на Буреинский хребет — довольно внушительную массу камня, достигающую в высоту двух и более тысяч метров.

В левой части долины, поближе к лесу, можно было различить несколько избушек, о возрасте которых судить трудно.

— Здесь мы и заночуем, — сказал Иван.

Когда речь заходит о староверах, в нашем обывательском понимании сразу возникают сюжеты из советских фильмов, в которых эти добровольные изгои живут общинами по образцу деревень, и всякого чужака встречают настороженно и даже недоброжелательно. Увы, здесь всё было по-другому. Из шести изб заселённой оказалась всего одна. Хозяева

остальных пяти исчезли в пучине прошлых лет. Естественно, нам пришлось постучаться в дверь избушки, которая казалась обитаемой — надо же испросить позволения на ночёвку.

— Эй, есть кто живой? — окликнул Иван, грохоча в дверь.

Нам открыла женщина преклонных лет, показавшаяся удивительно чистоплотной как для обитательницы такого захолустья.

— Здравствуйте! — нашёлся я. — Мы странники...

— Наташенька, кто там? — прозвучал хриплый голос откуда-то из глубины дома.

— Сейчас выясню, Петенька, — с нежностью ответила женщина.

Её взгляд, едва скользнув по нашим лицам, выхватил всё, что было нужно.

— Вы, наверное, геолог, — сказала она, обращаясь к Ильичу. — А этот молодой человек, скорее всего, горожанин. Он в наших краях совсем недавно. Ну, а об этом нехристе и говорить не хочется.

Последние слова касались проводника.

— Э, добрая женщина! — воскликнул Иван. — Почему сразу «нехристь»? Я православный...

— Вас, леших, сколько ни крести, все равно язычниками остаётесь. Ладно, чего уж там...

Входите... И ты, леший, тоже входи.

Здороваясь с хозяином, я обратил внимание на его бороду, худощавое сложение и угрюмость. Пока мои спутники раскладывали на столе банки с тушёной и сгущённым молоком, луковицы и чеснок, я вышел заготовить дровишек. Учитывая, что вокруг изб было полно валежника, это не представляло труда. В таёжных условиях на приготовление еды уходит немного времени. Здесь люди не страдают избалованностью и извращённым вкусом, в силу чего не портят себе печень и досуг. Бросив в кипяток банку тушёнки, несколько картофелин и кореньев, Наталья Дмитриевна объявила:

— Ужин готов.

Вопреки обычаю молчать во время еды, она первая заговорила:

— Что нового в мире?

— Ничего особенного, — ответил Ильич, пережёвывая лук. — Разве что наш Союз скоро распадётся.

— Что ж, давно пора бы...

— А ещё у наших девок возникла новая мода, — ввернул фразу Иван. — Они теперь ходят в коротеньких юбках.

— Зачем? — удивилась женщина. — Срамота...

— А хотят парням нравиться.

— И как, нравятся? — спросила она, обращаясь ко мне.

— Не очень, — ответил я, невольно краснея. — Слишком уж доступны...

После ужина мои друзья расположились на ночлег, а я, оставаясь верным своему обычаю, вышел покурить.

За время, потраченное на ужин, вокруг потемнело — ночь в тех местах наступает довольно быстро. Тишина, чистый воздух, загадочное мерцание звёзд — что ещё нужно молодому, романтически настроенному сердцу? Иногда тишина нарушалась шорохом мышей или отдалённым уханьем совы. Закурив, я присел на ступеньках и прислушался к этой завораживающей тишине.

Внезапно скрипнула дверь. Оглянувшись, я увидел хозяйку.

— Вы почему не спите? — спросила она.

— Сон не идёт. Да и слишком уж красиво тут у вас, чтобы это пропустить. У нас в Виннице ничего подобного не увидишь.

— В Виннице? — в её голосе мелькнули какие-то особенные нотки. — Вы сказали «в Виннице»?

— Да. Вам знаком этот город?

Прежде, чем она ответила, на пороге появился силуэт мужчины.